

Константин Б.Серафимов

Сумган Сумган

76

или

Просто одна Экспедиция

www.soumgan.com

ПРОСТО ОДНА ЭКСПЕДИЦИЯ... или "СУМГАН-76"

Забытая рукопись

Я обнаружил эту рукопись в ящике стола случайно, так как давно уже забыл о ее существовании за суетой иных забот. Белая пластиковая обложка с надписью синей пастой:

«ЭТО ПРОСТО ОДНА ЭКСПЕДИЦИЯ...»

И множество небольших листочков внутри - самой разной бумаги: белой, желтоватой, тонкой, толстой, какой-то уж и вовсе никудышной, в дырочках и лохмотьях по уголкам.

Рукопись начиналась с «минус 38-й» страницы, и я долго разбирался, где у нее начало.

И постепенно поднималось, возвращалось ко мне все то, что стояло за этими строчками, расправляя душу как компенсаторный ночной вдох, не дающий нам задохнуться во сне. Ведь это, верно, просто сон – то, как я сегодня живу: без моего Сумгана...

И если я еще жив, то только благодаря Памяти.

Я и лечу, лечу над тем Единственным Настоящим, а оно живет своей, уже независимой от меня жизнью. Где-то там, далеко в прошлом, и... вот тут, во мне, просто приложи руку к виску...

Ведь я все тот же – 20-летний, и все также стою на Краю.

Что за чудесное было время! Весна, весна 1977 года. Я только что получил диплом об окончании Бауманского¹ и распределился во ВНИИГАЗ², что под Москвой, в поселке со странным именем Развилка.

Надо сказать, что это была первая моя сознательная попытка пойти вдоль Линий Судьбы, плавно приспособиться к их изгибам и поступиться Блеском в угоду животу. Ну, посудите, кой черт мне, некогда мечтавшему об авиации, было делать в Газпроме? Вот-вот. Но зато вместе с женой-сокурсницей и перспективой на получение квартиры!

Зато.

— 3-зато с-своя! — как, слегка заикаясь, говаривал шофер Степан Абрамыч, глянув из-за баранки служебной «Волги» на чей-нибудь «Запорожец».

Владимир Иванович, мой научный руководитель, как-то раз развернул перед поступившим под его опеку молодым специалистом обширные синьки, испещренные знакомыми узорами чертежей:

— Вот, — говорит. — Знаешь, что это?

— Знаю, — говорю. — Газотурбинный двигатель компрессорной установки магистрального газопровода. На угловом штампе написано.

— Верно. А вот это?

¹ Бауманский - до революции Московское Высшее Техническое Императорское училище, во времена СССР - Московское Высшее Техническое Училище им. Н.Э.Баумана (МВТУ).

² ВНИИГаз – Всесоюзный Научно-Исследовательский Институт Газовой промышленности.

— Задник опорно-упорный подшипник ротора.

— А это? - и настырный карандаш моего увлеченного НР упирается в черно-серые загогулилки в самой глубине чертежа.

— Торцевое уплотнение, — отвечаю. Бауманский тяп-ляп в то время не заканчивали.

— Правильно! — удовлетворенно трет руки Владимир Иванович. - А известно ли вам, мой молодой друг, что торцевое уплотнение опорно-упорного подшипника скольжения задней опоры вала ротора газотурбинного двигателя компрессорной установки магистрального газопровода еще никто толком не разработал?! Все, что существует, весьма и весьма сыро и плохо. Да-с!

Я оцепенело молчал, чувствуя как сползает шапка перед величием все более нависающей надо мной проблемы.

— Так вот! — Владимир Иванович испытующе взглянул на меня. - Не заняться ли нам этой задачкой? Через пару лет – минимум кандидатская, а там, чем черт не шутит, докторская. А?

Надо ли говорить, как порадовала меня нарисованная с таким изяществом перспектива? Думаю, именно она катализировала процесс возврата к нормальному для меня пути – «В крест». Хотя были и другие причины, конечно...

В общем, вместо того, чтобы, склоняясь над чертежами и расчетами, стремиться к диссертации, я засел совсем за другую работу. Возвращенные за столом нашего тесноватого институтского отдела, плоды ее сейчас перед Вами.

Владимир Иванович подозрительно посматривал на мою согбенную за писаниной спину, а я без зазрения совести почти месяц кропал самопиской на разношерстных осьмушках бумаги повествование о прошлогодней экспедиции - первом моем спуске в пропасть Кутук-Сумган. А когда держать паузу и не работать стало уж совсем невмоготу, сделал ход конем - пошел в комитет комсомола и сдался: вожатых в пионерский лагерь освобождали от работы без разговоров.

Зиг-заг пути – в этом есть нечто благодарное! Не Чудо ли, что лагерь тот оказался в Горках Ленинских?³ Ну, не потому, конечно, что там отметился вождь мировой революции. Близ известного любому первокласснику СССР городка на берегу Пахры расположен вход в одну из самых примечательных подземных каменоломен Подмосковья – Сьяновскую: можно сказать, «Мекки» московских «катакомбистов»⁴ 1970-х. Такая вот удача!

Мой несостоявшийся научный руководитель и наставник от газовой промышленности, Владимир Иванович, простите мне мой побег. Я не смог. Не потянул работать в лабиринте столов и кульманов, страдающего перенаселенностью и бездельем отдела. Оказался неспособным стремиться к степеням и карабкаться по лесенке «мнс», «снс»⁵...

Слабо вышло посвятить жизнь торцевому уплотнению заднего...

Не смог.

Потому что перед глазами стояли сосны над Сумганом... тонущие в вечернем тумане.

Я оттарабанил два сезона в вожатых в пионерском лагере. И мои десяти-одиннадцатилетки, мои «Буйволы» и «Бизоны» плакали, когда мы расставались. А я

³ Исторически деревня Вышние горки.

⁴ Сегодня для обозначения этого занятия создан термин «спелестология», обозначающий увлечение искусственными рукотворными подземельями.

⁵ МНС – младший научный сотрудник, СНС – старший научный сотрудник .

старался улыбаться, глядя им вслед – машущим руками, моим малышам, прилипшим к стеклам "Икарусов".

Разлучающим нас навсегда.

Я помню вас до сих пор...

Навсегда – какое жестокое слово!

Да, жизнь решительно поворачивала в крест. Вырвавшись из морока по имени «Как все...», я выкручивал руль, под треск сшибаемых юзом придорожных ограждений. Еще недавно казавшиеся бетонными, они ломались, осыпая болезненными осколками. Болезненными, но, как оказалось, – не смертельными.

Я уволился из ВНИИГаза и перестал ездить полтора часа в один конец на работу в поселок со странным именем Развилка.

Я развелся с женой-сокурсницей, удачно не обзаведясь потомством.

Я дождался осени и с первыми звонами сентября ринулся в новую экспедицию.

К Сумгану.

Пропasti, ставшей частью меня самого.

Потом, очень долго, я почти каждый год возвращался к ней. А первый шаг в жерло Пещеры остался не только в памяти, но в этих строчках, родившихся под неприглядными потолками ВНИИГаЗа.

И вот я снова листаю разномастные листки, и будто парю над моим, далеким теперь, Сумганом.

Березки и золотые сосны, белые скалы над сенокосными логам, черные воронки...

И мы - те, давно уже ушедшие, разлетевшиеся, потерявшие друг друга и самих себя в бесконечных просторах и временах.

Я читаю и... начинаю верить, что Круги Жизни вечны, а Время многослойно, и витки его пронцаемы, сопоставимы и посещаемы... усилием Памяти.

...И будто припадаю к роднику с живой водой.

...И пью, пью, пью - с безумной жадностью прозревающего.

Да что я говорю. Знаете... это ведь было так давно.

Просто одна экспедиция.

22 ноября 1994 года

Оглавление

Забытая рукопись	стр. 2
Оглавление	стр. 5
САМЫЙ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ	стр. 6
А БЫЛО ЭТО ТАК... ..	стр. 10
НА СТАРТЕ	стр. 18
ДЕНЬ, С КОТОРОГО НАЧИНАЕТСЯ ДОРОГА	стр. 27
ДЕНЬ НА КОЛЕСАХ	стр. 31
НОЧНОЙ ДЕБЮТ	стр. 41
ОТ ЮРМАША ДО ТАШИЛЬГАНА	стр. 44
ВОСЕМЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ШАГОВ	стр. 51
ЗДРАВСТВУЙ, СУМГАН!	стр. 60
КУТУКСКИЕ СОКРОВИЩА	стр. 69
СУКУРАЙСКИЕ ВСТРЕЧИ	стр. 76
ПЕРЕД ШТУРМОМ	стр. 81
СПУСК	стр. 86
БОЛЬШОЕ КОЛЬЦО	стр.100
ПЕЩЕРНЫЕ БУДНИ	стр.109
КОЛОДЕЦ ВЕЙСА	стр.122
ПУТЬ НАВЕРХ	стр.133
К СОЛНЦУ!	стр.146
ГЛАЗАМИ МЫСЛЕЙ	стр.157
А ВСЕ КОНЧАЕТСЯ... ..	стр.163
ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ	стр.167

САМЫЙ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Был ли он? Наверно, был. Потому что всегда все с чего-то начинается. С какого-то самого первого дня.

Когда началась эта Тропа? Может быть, с той самой первой моей книжки о пещерах, венгерского спелеолога Ласло Якуча. «В подземном царстве»⁶ – что за чудесное название!

Попала она ко мне, наверно, классе в 4-м, как раз в самом творческом возрасте начальной школы. Якуч так доходчиво излагал простейшие способы покорения подземных вертикалей, что грех было не попробовать! Идея вспыхнула сверхновой, и мы с пацанами тут же взялись за ее реализацию. 30 метров бельевой веревки ждали в базарном ларьке и стоили всего 80 копеек! Трое моих друзей ринулись выпрашивать на мороженое и вскоре вернулись с заветными двадцатиками. А вот передо мной неожиданно встала проблема. Двадцать копеек у меня уже были, но оказались забытыми на балконе, а мама после обеда отдыхала, и будить ее было нельзя. Но – вы же понимаете, что деньги нам были нужны позарез и немедленно! Целый час ждать я был просто не в состоянии. И тогда я предпринял первую в своей жизни попытку спуститься по вертикальной стене при помощи, как бы сейчас сказали, вспомогательной линейной опоры. На основе письменных инструкций знаменитого венгра!

В те славные времена жили мы в городе Усть-Каменогорске на улице Ворошилова у Дворца культуры Металлургов. Квартира наша находилась на 3-м и последнем этаже старого дома послевоенной постройки с высоченными, метра три, потолками. И как раз над нашим балконом с заветным двадцатиком выходило слуховое чердачное окно из тех, что круглый год зияют прямо в стене, не закрываясь, невзирая на погоду. Вот из этого полукруглого окна я и решил предпринять спуск на балкон. «У вас есть план, полковник?» «Есть!» Слезаясь на балкон, забираешь монетку, потихоньку выходишь из квартиры, не разбудив спящей мамы, и скачками на базар за заветной веревкой! Всех и дел.

Просто прыгать из слухового окна показалось высоко и страшно. А что если сначала повиснуть на руках, а затем спрыгнуть? Все равно, страшновато. Внизу глубоко распахивалась улица, а такой обычно просторный балкон кажется почему-то уж очень скромненьким...

И тогда я привязал к стропилам тонкую стальную проволоку миллиметра 2-3 диаметром и конец ее опустил на балкон. Первая в моей жизни навеска была готова. Вперед?

Сказано сделано. Вылезаю ногами вперед из окна и повисаю на локтях над балконом. Затем пытаюсь покрепче ухватиться за навешенную проволоку, но она почему-то никак не создает ощущение хоть какой-то опоры. Продолжаю потихоньку сползать на животе из окна, трещит прихваченная локтем к подоконнику рубаха, пытаюсь высвободить ее и... внезапно валюсь на балкон с высоты трех с лишним метров. Все это с диким грохотом, так как мягкому приземлению мешает табуретка, озвучивая его с такой силой, что заспанная мама с испуганными глазами мгновенно оказывается в дверях балкона, в великом изумлении глядя на своего незадачливого спелеолога. Это был полный атас!

⁶ Jakucz Laslo, Felfedezo Utakon A Fold Alatt, Budapest, 1959, перевод с венгерского М.П.Ульрих, научный редактор Н.А.Гвоздецкий – «В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ», Государственное издательство географической литературы, Москва 1963.

Тем не менее веревка была куплена, перочинными ножиками выстроганы десяток ступенек и, наконец, настоящая веревочная лестница закачалась под стропилами пыльного чердака - пристанища многих наших мальчишеских игр. На чердаке тихо и просторно, и можно не бояться, что на вас заорут вездесущие соседки. Лестница успешно прошла чердачно-полевые испытания и погибла там же, похищенная кем-то из жильцов нашего дома. Чтоб ему икнулось!

Но накатило лето, и стало гораздо интереснее купаться на котлованах, чем париться на душном чердаке.

* * *

Потом я не раз возвращался к любимой книжке. В шестом классе мы с ребятами из параллельных классов Гришкой Самсоновым, Надей Жарких и Светой (не помню фамилии) затеяли свою туристскую группу. Все мы тогда занимались в туристском кружке Детской туристско-экскурсионной станции и летом 1966 года даже участвовали в соревнованиях по туризму на 2-м Слете туристов Восточного Казахстана в лесах под Черемшанкой. Название группе выбрали – «Альфа-2»: в честь поразивших наши пыльные сердца бородатых туристов клуба «Альфа» Иртышского полиметаллического комбината.

Так вот: не давали покоя картинки Якуча – очень хотелось попробовать! Ведь книжки не врут?

Эта не врал! Ребра после неделю ломило от веревки, но – слава пожарным лестницам! – мне удалось подняться на схватывающих узлах до первой ступеньки по привязанной к ней веревке. Способ «три петли» - пробовали? Это, честно скажу, не на зажимах бегать...

Картинки из книги Якуча, по которой я учился подъему по веревке в далеком 1966-м году.

* * *

Проблема в том, что близ Усть-Каменогорска нет пещер. Рудников и шахт – пруд пруди, а с пещерами не повезло. Тем более в пределах детской досягаемости. Мог ли я предположить, что впервые встречусь с Подземлей не где-нибудь, а в Москве?

Как-то декабрьским вечером 1972 года сидел я за «чашкой чая» в общаге МВТУ, что в Лефортово, и слушал самозабвенный треп одного чудака нашего возраста о том, как водили его по каким-то подмосковным «пещерам».

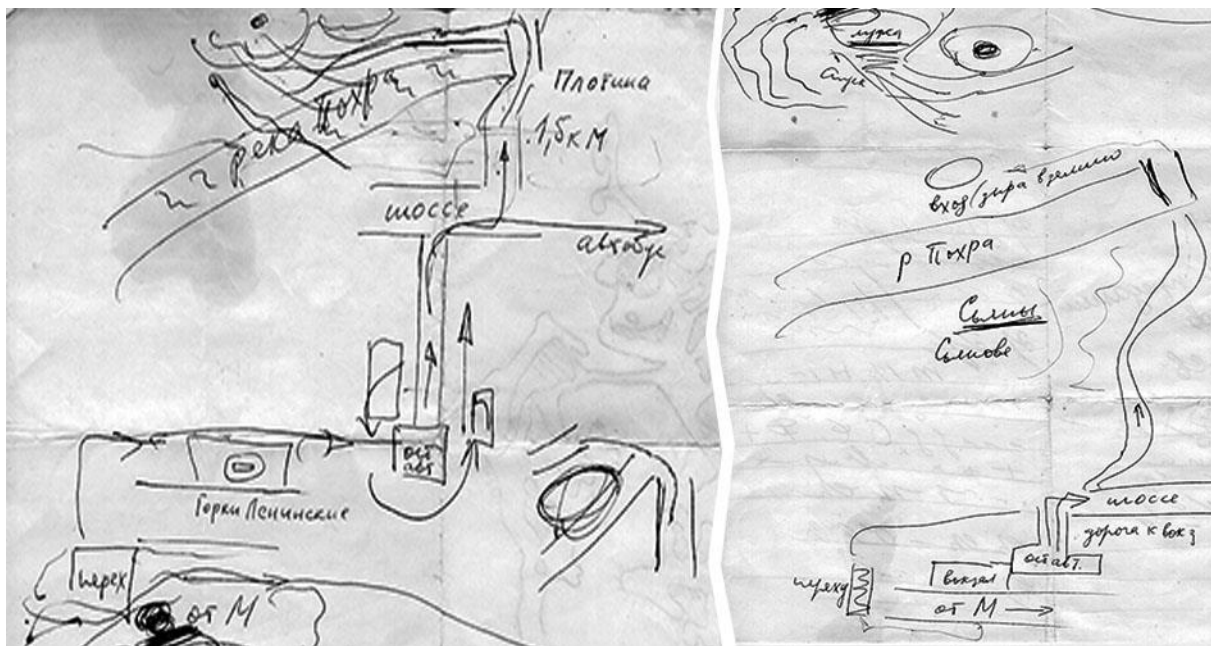
С этого вечера я вынес смутный интерес и невнятное беспокойство. Будто что-то заветное, но не осознанное, коснулось мягким крылом души...

Вирус спелеологии уже жил в моей душе, а я еще не догадывался об этом. Почему я не порасспросил того чудака подробнее? Есть поступки, которым по здравом размышлении не находится внятных оправданий. Концы были утеряны и больше никак не давались в руки. Пока.

Однако вирус креп, побуждая к действиям. А тут еще весенние ветры потянули нас из поднадоевших за зиму городов! Где надо искать оброненное в темном переулке? Правильно – под уличным фонарем. Почему? Не вопрос. Да потому что под ним светлее! Нужная информация часто лежит у нас под боком, в то время как мы гоняемся за ней по запредельным мирам. Нужно просто очень захотеть.

Они действительно существовали, катакомбы! Уже весной 1973 года один из сокурсников с параллельной специальности нарисовал мне первые кроки: куда ехать и как найти под Москвой заветные подземелья.

— Есссссс! — как кричали бы соплеменники четвертью века позднее.

Та самая заветная схема подходов к Сяновским каменоломням, сохраненная мной в глубинах записной книжки 1973 года.

* * *

Первое свидание с Подземлей!
Вы помните его?

15 апреля 1973 года. Мы впятером стоим над знаменитым Кошачьим лазом, и я пытаюсь осознать, что это невзрачное отверстие в земле, легко парящее в прохладе утра, вот это вот безобразие – и есть вход в не менее знаменитые Сяновские катакомбы ⁷.

Я тщетно пытался представить, что меня ждет там, внизу. Ощущение было из тех, что ловишь, когда держишь в руках стереооткрытку и подмывает заглянуть за нее.

Спелео-вирус торжествующе хохотал!

* * *

Первый спуск под землю... о-о! – он незабываем. Особенно последние полчаса, когда мы умудрились заблудиться буквально в 30 метрах от выхода. Вообще, это отдельная песня!

⁷ Ну, да, да, да и да! Каменоломни, конечно, - не надо морщиться коллеги-спелестологи © Но именно так мы называли эти лабиринты в те далекие уже годы. Из песни слова не выбросишь.

У меня сохранилась фотография – уже на поверхности над входом – с нее смотрят на вас две совершенно счастливые физиономии. Выбрались!

После возвращения к солнцу из Первого спуска под Землю мы с одноклассником Юрой Песоцким, у входа в каменоломню Сьяновскую, 15 апреля 1973 года.

С тех пор я не раз убеждался, насколько справедлива известная поговорка, утверждающая, что спелеолог бывает счастлив дважды: когда находит новую пещеру и когда выбирается из нее!

И еще с того первого выхода осталась легкая тревога, рефлекторно возникающая перед началом пути возвращения из пещеры, независимо от его сложности.

Ну да – с первого.

Потому что – единожды встреченная, и принятая - Подземля уже не отпускает...

А БЫЛО ЭТО ТАК...

В катакомбистские годы наличие вертикального снаряжения не было решающим фактором. Что нам было нужно? Фанарики да батарейки к ним – в Москве не дефицит. Каски и комбинезоны «приобретались» на стройке. Спальные мешки на два-три дня без труда получали в прокате. Но - свое есть свое! Сколько было радости, когда удалось купить первый примус – серенький квадратненький, известный в компетентных кругах под названием «Смерть туриста»⁸, за целых 8 рублей! Знакомо? Это уже было - «специальное снаряжение» - какие солидные и весомые слова!

Так когда-то было.

* * *

...Целую неделю не слезаю с телефона. Все расплзается, как вермишель, но надо собрать ее воедино, сформовать, заставить звучать в одном ключе.

Шурка Птер еще с начала месяца все никак не возьмет у ребят веревки. К самому Птеру не дозвонишься, и все сведения о его перемещениях получаю от Вовчика. В свою очередь Вовчик с Бородой Вейсом обещают принести из общежития гидрокombинезоны и тоже все никак не соберутся.

Хорошо, что, наконец, из Усть-Каменогорска пришла «весточка» от Главснаба экспедиции, моей Мамаы. Да еще какая! Когда мы торжественно вскрыли увесистый ящик, восхищенным взглядам открылась куча «железа» в составе трех пар кулачковых самохватов и нескольких десятков скальных крючьев. Смотрю и не верю глазам: вертикальные, горизонтальные, универсальные, швеллерные... И все из титана! И самохваты, кстати тоже. Ва-аще! Теперь живем!

Зато нет рогаток. Ждем их уже полгода, и вот вчера узнаем, что их для нас делают (Ура!), и, кажется, в Лениногорске⁹ (На краю географии!) Так что надежды есть, и время пока, к счастью, тоже.

* * *

Вечером приходит научный бог экспедиции Боб Крестин. Сияя, Крестин вручает мне коричневый кожаный футляр и металлический стержень. В футляре – о, чудо! - горный компас. А это что? Верчу в руках железяку. Да это же шлямбур!

— Где достал?

Боб заговорщицки подмигивает:

— Фирма!¹⁰

— На сколько?

— На восемь миллиметров.

Нормально. Если, конечно, не вспоминать, что все шлямбурные крючья у нас диаметром 10. Но так как шлямбуров-пробойников у нас нет вообще, то на безрыбье...

⁸ Примус «Турист», позднее переименованный в «Огонек»

⁹ До революции и после СССР - город Риддер, шахтерский и металлургический городок в ста километрах гористее от Усть-Каменогорска.

¹⁰ Не «Petzl» или там «Kong» - мы о них тогда и не слышали, а в смысле - «веников не вяжет» ☺

Да-а, со шлямбурами у нас проблемы не новы.

...Мысленно вижу серый монолит северной стены Пропасти и над ней – на крохотной полочке – Вовчика, в раздумье осматривающего скалу. Надо забить крюк, и Вовчик достает из сумочки мой, специально сделанный для этой экспедиции, шлямбур. Вовчик упирает коронку шлямбура в стену и бьет молотком, а мы радостно наблюдаем, как быстро шлямбур погружается в камень.

— Класс! — говорит со стены Вовчик, поражаясь скорости проходки, и отнимает шлямбур от стены, собираясь продуть пробитое отверстие. — О, черт!?

— Что там?

— Дырки нет...

— Как нет?..

Куда же входил шлямбур? Через пару минут Вовчик выбирается из отвеса, и мы озадаченно любуемся исковерканным жалом пробойника: каленые зубчики коронки выкрошились, остальное смялось в лепешку. Одно слово: «Вещь!»

Как еще будет держать тот, что принес Крестин?¹¹

* * *

Пока чистим картошку на кухне, Крестин выдает следующую новость.

— Послушай, у вас сколько веревки?

— Ну, в сумме метров восемьдесят белой крученой «десятки»¹²: сороковка, двадцатка и две десятки, и метров тридцать моей любимой «розовой».

— Давай.

— Всю что ли? Тридцатку не дам.

— Давай белую, она все равно паршивая.

— Боб, признавайся, что задумал?

— Кажется, договорился с начальником. Попробую обменять нашу десятку на двенадцатку.

— Да ты что?

— Точно. У нас на партию выписали. И, думаешь, для чего? На растяжки для палаток!

— Капроновую двенадцатку?!

В моей голове подобное святотатство не укладывается, но Боб уже поработал в геологии, и ему приходилось видеть и не такое. Крепка советская власть!

...Ах, как мы жалели в прошлом году на Сумгане, когда в первый же день экспедиции после долгих раздумий все-таки порезали 80-метровый конец веревки-десятки на отдельные куски - более подходящие для предстоящей нам работы. И буквально через три дня рвали на себе волосы, так как оказалось, что на страховку для спуска в Сумган нужна веревка именно такой длины! Порезали, козлы, и в итоге пришлось страховать работающих в шахте 6-миллиметровым репшнуром¹³, потому что узлы не проходили через навешенные карабины. Вот уж поистине семь раз отмерь...

* * *

¹¹ Ну, опробовать новое снаряжение заранее, до выезда – до этого ведь еще дозреть надо было!

¹² Десятка, двенадцатка – диаметры веревки в миллиметрах, а тридцатка, сороковка, восьмидесятка – длина концов в метрах (спелеосленг). Крученая – это веревка свитая из 3 жил без дополнительной оплетки.

¹³ Как вам страховка 6-миллиметровым репшнуром на 70-метровом отвесе? © Верили, что надежно!

Вот так в сентябре 1975 года мы страховали спускающихся и поднимающихся в основной шахте Сумгана 6-миллиметровым репшнуром. Слева направо: в полосатой шапочке Автор, за березой Рустэм, смотрит на нас Серый Сталактит, на обрезе кадра Оля.

Боб сегодня ночует у меня, а это всегда здорово. Это значит, что весь вечер в комнате будет остро пахнуть Сумганом, пылью дорог и дымом костров. Боб, как и Вовчик, и Вейс, и Птер, и Розалия - геолог, и этим все сказано.

Курить выходим на улицу. Благо, комната, что я снимаю на Академической, находится на первом этаже. Достая извечную «Приму», но без долгих споров соглашаюсь на Бобов «БТ». Цивилизация!

- А ведь скоро уже, Боб!
- Скоро.

И правда виден конец опостылевшей сессии! А там месяц практики, месяц лагерей и... Только бы успеть за оставшиеся после них до отъезда две недели собрать недостающее снаряжение, уточнить участников, пересчитать по факту списки продуктов, добить финансы, скоординировать по срокам и комплектации заброску для идущей следом в сентябре экспедиции Крестина и т.д. и т.п. Только бы успеть!

- Ты про Киевскую слышал? - говорит Боб, щуря глаза за очками.
- Сколько там – семьсот?
- Семьсот двадцать. Киевляне надеются на большее.
- Того гляди, Снежную обойдут.
- Могут.

На дворе 1976 год. Мы собираемся на Южный Урал, а в это время в других районах разворачивается борьба за Глубинный полюс СССР: между пещерами Кавказа и Средней Азии. Москвичи в Снежной достигли отметки -770 метров, Киевляне под Самаркандом остановились на -720 перед очередным колодецем.

- Говорят, там последний колодець с тридцатиэтажный дом, — говорит Крестин.

- Метров девяносто, что ли? ¹⁴
- Около того. И дальше идет. Прогнозы еще метров на четыреста.
- Так, глядишь, и французов обскачат.
- Почему бы нет? Кырк-Тау, в переводе – Сорок Гор. Надо было назвать Сорок Дыр, — говорит Крестин. — Там, по слухам, все в воронках.
- Поглядеть бы!..

Но мы собираемся на Сумган. И наш первый колодец – 75 метров¹⁵.
Бобу проще – в прошлом году он его уже прошел. Я же только заглянул в это жерло...

* * *

Трудно представить, что всего год назад мы впервые отыскивали на карте Башкирии характерный значок у излучины реки Белой с надписью «Кутукские пещеры». Карту привез из Уфы Рустэм. Он же привез путеводитель по Башкирии, где мы впервые прочитали строчки:

«Пропасть Кутук-Сумган открыта экспедицией Башкирского Государственного университета в 1965 году. Вход в нее расположен на дне большой котловины, в которую направлены долины все речек, берущих начало в пределах урочища.

...Пещера начинается глубокой пропастью. Экспедицией А.И.Олли по времени падения камня (5 сек) была измерена ее глубина примерно около 120-150 метров.

В августе 1965 г. спелеологи БГУ спустились на дно пропасти и обнаружили там систему галерей, залов и шахт, расположенных на разных уровнях. Там же была обнаружена подземная река Сумган. Общая длина ходов пещеры около 8 км. Наибольшая ее глубина 136 м».

В первый раз на Урал мы поехали вчетвером. Не-ет, не в Сумган, конечно. Ни разу не побывав на вертикалях, я на такое даже не замахивался. Да никто из наших, думаю, тоже. Мы ехали посмотреть другие пещеры Кутукского урочища.

Спасибо, Рустэмище, за Южный Урал – это была классная идея!

* * *

...Над урочищем встает, набирает силу солнце, но в «Каньоне» еще прохладно. «Каньон» - это огромная карстовая воронка близ фермы Сумган, по всей видимости, провального происхождения. Когда-то на этом месте наверняка был пещерный зал, о размерах которого говорят отвесные стены воронки, порой достигающие 30 метров по вертикали. Глыбовый завал на дне, черные окна пещер в северо-западных стенах, арка сквозного прохода под скальной перемычкой – остатки обрушенной подземной галереи.

Сегодня у нас скальный день. Тренировка перед подземными выходами. Веревки уже навешены, отрабатываем спуск по несложной стене северного борта Каньона. Примащиваюсь с фотоаппаратом в ожидании эффектного кадра и вдруг вижу на срезе воронки две направляющиеся к нам фигуры. Гости?

¹⁴ Знаменитый «К-90» в Киевской, где через 11 лет мы будем начинать беспрецедентные спасательные работы, поднимая поломанного упавшим мешком товарища. Мог ли я даже предположить такое тем весенним вечером в съемной квартире у метро Академическая?

¹⁵ Ну да, понимаю, у страха глаза велики. Тогда считалось, что входной отвес Кутук-Сумгана 75 метров. И уверяю вас, что при спуске и подъеме на схватывающих узах он таким и был – если не больше! ☺

Вчера мы видели рядом с Пропастью чью-то палатку. Бухты веревок и моток тросовой лестницы рядом с ней говорили о том, что у ребят серьезные намерения. И вот... не они ли?

Парней двое: один среднего роста белобрысый коренастый крепыш, второй под два метра ростом темноволосый худощавый верзила. Оба в очках, клетчатых ковбойках.

Жмем друг другу руки, знакомимся.

— Володя.

— Боря. Вы откуда, ребята?

— Из Москвы.

— И мы из Москвы! Не из «МГРей»¹⁶, случаем?

— Не-ет. Из МВТУ. А вы геологи, что ли?

— Геологи. Ну и что делать думаете?

— Так. Побродить, посмотреть Четвертую Кутукскую пещеру, ну, в общем, примериться. А вы, никак, на Сумган?

— Ага.

Ребята чертовски располагают к себе. От них прямо струится благожелательность, приветливая независимость, готовность к дружескому действию. Удивительное ощущение!

Смотрю на парней с уважением. Сумган это не фунт махорки. Вчера мы впервые смотрели в его вход. Отверстая пасть пропасти, серо-белые холодные стены скал, доска в память о погибших здесь в 1968 году спелеологах МГУ. Все это как-то не располагает к шуткам.

— Здóрово! И сколько вас народу?

— Пока трое. Роза в палатке осталась.

Ждем вот еще двоих.

— И это все?

— Все.

Сталактит Брыкин на трех пруссиках.
Тренировка в Каньоне близ фермы Сумган,
1975 год.

* * *

Снова парни появляются ближе к вечеру. Мы все еще в Каньоне и теперь пробуем подняться по веревке способом «три петли» вдоль 30-метровой стены. Я только что первым прошел это испытание, попав в жуткую «вертячку»¹⁷ под карнизом в верхней части, и теперь Сталактит Брыкин, чтобы избежать этой головокружительной неприятности, использует оттяжку, которую придерживает Рустэм.

¹⁶ МГРИ - Московский геолого-разведочный институт

¹⁷ Вербки у нас были «крученые» – свитые из трех прядей, а потому, если не придерживать за стену, устраивали висящему такую карусель, что мама не горюй!

Володя с Борисом садятся рядом на камни и некоторое время молча наблюдают за манипуляциями Сталактита, который по очереди передвигает вверх по веревке три схватывающих узла. Все строго по Ласло Якучу. Потом Володя заинтересованно оборачивается ко мне:

— Слушайте, мужики, а что это вы такое делаете?

Недоуменно поворачиваюсь к нему. Не люблю я этих вопросов - со стороны. Но в голубых глазах Володи за стеклами очков сквозит благожелательность и неподдельный интерес. Так в эпоху «Жигулей» и «иномарок» автолюбитель может смотреть на действующую модель «Победы» или «ЗиМ». К примеру. Или, точнее, «Мерседес-Бенц».

— Поднимаемся, — говорю. — По веревке.

— А как вы это делаете? Мы по-другому ходим.

Тут уже с меня слетает всякая настороженность:

— Ну-ка, ну-ка?

Закуриваем дукатовской «Примы»¹⁸. Мы уже заскучали на «Шипке» по приличному куреву, но что делать, если в Уфе больше ничего не нашлось, а запастись в Москве – ума не хватило? Тем временем из Каньона с сопением выбирается Серега: на каске наша «F»¹⁹ в белом круге, на спине комбинезона белая рюмка с надписью «Осторожно! Не кантовать!» Угощается сигаретой.

— Ребята, — говорит Володя. — А давайте с нами в Сумган?

— В Сумган?..

— Ну а что? Нас пятеро и вас четверо – уже сила.

— ...

— Будем работать сменами...

И Боб Крестин излагает план предлагаемого штурма.

Вот так все начиналось в 75-м.

Уехали на Урал вчетвером – приехали с новыми друзьями.

Да какими!

Как оказалось – на всю Жизнь.

И вот в этом году планируем уже две экспедиции, вернее одну, но в два этапа. Наша – в конце августа, Крестина – в сентябре. Хотелось бы вместе, но... у ребят в августе поля, у нас в сентябре преддипломная практика.

* * *

И накатился июнь, и раскидал нас по всей стране. Сталактит в Красноармейске, Гелена на Валдае, Боб Крестин в Казахстане, Борода Вейс и вообще где-то в Забайкалье. Только Вовчик, бедняга, жарится в Москве, сдавая экзамены.

Кто куда, а мы с Андрюхой Павловым залетели под Белую Церковь. Есть такое милое местечко в Украине, где среди равнинных лесов тихо течет заросшая кувшинками речка Рось. Казалось бы, самые истоки России. Ан нет – Украина! И вот торчим мы с Андрюхой среди лесов и военных на аэродроме стратегических бомбардировщиков и считаем время. До экспедиции еще куда больше месяца...

Ну, нет, перехожу исключительно на дни! «58 дней» звучит куда лучше, чем «почти 2 месяца» – согласны?

А лето плетется над летным полем, невероятно вытягиваясь в каждом дне...

¹⁸ В Москве тех лет было две основные табачные фабрики «Ява» и «Дукат» и обе выпускали сигареты «Прима». Среди поклонников этого курева «Прима» фабрики «Дукат» считалась вкуснее.

¹⁹ Наша первая катакомбистская спелеогруппа называлась «Fantom».

* * *

В первых числах июля съезжаемся в Москву. Дел невпроворот, а времени до военных сборов²⁰ – неделя. Надо собрать деньги, закупить жор-продукты, собрать в кучу снаряжение. После «войны» будет некогда.

У Сталактита на Старомонетном²¹ – штаб-квартира. Сюда свозится и заносится все необходимое, что удастся достать и закупить. Все стаскивается в Серегину комнату и укладывается за шкаф, специально отодвинутый на метр от стены. Шкаф у Сталактита что надо, места за ним хватит на две экспедиции.

* * *

Жуткая и какая-то обреченная суета в паузе перед военными сборами осветляется радостным событием: на удачу звоню Вовчику и узнаю, что они с Розой в Москве. На Сумган они нынче не попадают, но я немедленно мчусь к ним.

И вот сидим за вечерним столом, и я, стараясь запомнить мельчайшие подробности, тормошу Вовчика на информацию о колодце Вейса. В прошлом году этот колодец был обнаружен в ходе нашей совместной экспедиции после того, как Вовчик заметил в стене одной из галерей большое окно, за которым открылась никем не пройденная часть пещеры.

Никогда не забуду, как, стоя на Южной площадке, мы слушали чуть искаженный приемником голос Крестина:

— Мы, кажется, открыли новый ход. Видно, что здесь еще никто не был!

И волновались вместе с ребятами.

Ход выводил к двум колодцам. Вовчику удалось спуститься в первую ступень самого большого из них до просторной площадки. Камень, брошенный в неизвестную следующую ступень, через 2-3 секунды полета падал... в воду.

Крестин прикидывал так и этак, накладывал топосхемы верхнего и нижнего ярусов Пропасти и пришел к выводу, что колодец должен выходить в нижний ярус и, кажется, в неизвестную его часть.

— Ох, и тянет оттуда! — говорит Вовчик, потягивая чай и улыбаясь воспоминаниям. — Пар валит – фонарь не прошибет. И ветер. Бр-р!

Если все получится, мы попробуем пройти неизвестный колодец. Неужели и правда, там будет новая часть пещеры?..

* * *

Разговор с Вовчиком совсем разбередил душу. Чертовы лагеря, погоны и полковники! И на память приходят строчки, сочиненные еще в апреле:

Я сижу на «войне»,
Тупо глядя на доску -
Тяжело по весне на майора часами смотреть!
Вот бы выйти в лесок
Да обнять молодую березку
Иль в далекий таежный Кутук
С рюкзаком улететь.

²⁰ Кто не знал или забыл – была такая дурацкая практика отправлять будущих лейтенантов, выпускников военных кафедр, на месяцок в действующую армию, чтобы со службой познакомиться

²¹ Старомонетный переулок в самом центре Москвы, неподалеку от Третьяковской галереи.

Но рисуем опять
Надоевшие схемы,
А сейчас бы лежать,
Утопая в высокой траве!
Или, сбросив рюкзак,
Потянувшись измученным телом,
По откосу сбежать
В золотистый весенний рассвет.

За окошком апрель,
Солнце пляшет по партам,
В голубую капель
В мыслях я ухожу каждый раз:
Где-то там меня ждет
Черно-бархатный зев Кут-Сумгана,
Как мечты быстрокрылой полет,
Как заветный мираж.²²

Открываю книжку А.Г.Чикишева «Пещеры на территории СССР»²³, подаренную Бобом еще в мае, но вот добрался я до нее только сейчас. Что скажет Чикишев?

«Особое положение занимает на Урале Сумганская пещера на западном склоне хребта Кибиз, в 12 км к западу от Максютово. Она начинается шахтой глубиной 70 м. Пещера представляет собой лабиринт горизонтальных и наклонных галерей и гротов, приуроченных в основном к двум уровням, расположенным на глубине 75 и 110 метров от поверхности. Верхний и нижний ярусы соединены между собой двумя колодцами глубиной 30-35 метров...»

Стоп! Два колодцами? Ну да. По рассказам парней первый из них является продолжением входной шахты, простирается в крест ее заложению с севера на юг и находится под постоянной угрозой ледопада с окружающих его устье ледников Верхнего яруса. Ледопадов мы, понятно, не видели, но – слышали: штука внушительная. Второй колодец начинается в Актовом зале Верхнего яруса. По нему обычно стекает ручей. Правда, в прошлом году ручья не было...²⁴

Так куда же ведет колодец Вейса? Третий ли это колодец в уже известную часть Нижнего яруса или путь в никем не виданное продолжение пещеры? На всем земном шаре только четыре человека видели вход в этот колодец и только один единственный заглянул в его глубину.

Что на дне колодца не знает НИКТО.

²² Константин Серафимов, «Я сижу на «Войне», 1975.

²³ Чикишев А.Г. Пещеры на территории СССР. М.: Наука, 1973.

²⁴ Более, чем странно, так как ручей образует постоянно тающий ледник на днѣ Первой шахты, а он никогда не растаивает полностью, как и не иссыкает капель в Актовом зале. Куда же в 75-м пропал ручей?

НА СТАРТЕ

Все. Все! Все!! ВСЕ!!!

Сегодня мы сдали последний экзамен. Самый последний из прорвы институтских экзаменов. Мы – это Сталактит Брыкин, Андрюха Павлов, Серега Костин и я. Теперь в отдаленном впереди – преддипломная практика, потом диплом, потом... Все это кажется таким далеким и несущественным. Потому что – послезавтра!

«Послезавтра мы уходим...» Прямо по Стругацким!

Неужели уже послезавтра? В это чертовски трудно поверить, но это так.

Все три дня... Надо же, всего три дня, а кажется – месяц!

Все три дня с нашего приезда с военных сборов до последнего экзамена по спецподготовке мы носились, как заведенные, пытаюсь решить невыносимую кучу проблем, связанных с последними приготовлениями к отъезду.

Все проходит под знаком «До».

До-таскиваются остатки снаряжения к Сталактиту на Старомонетный.

Туда же До-ставляются спешно До-купаемые продукты.

До-сушиваются сухари.

До-обшариваются магазины в поисках недостающего примуса.

Звонки, планы, торопливые встречи, разговоры.

В Москву приехала моя Мама, и следом из Усть-Каменогорска, наконец, прибыли долгожданные посылки с веревкой и рогатками - устройствами для спуска по ней. Вдвоем с Таней Григорьевой с трудом доставляем домой два здоровенных мягких тюка и одну небольшую, но увесистую коробочку. С нетерпением вскрываем. В тюках - ура! - восьмидесятиметровые концы 10-ти и 16-миллиметровой крученной капроновой веревки, а в коробочке - аж 18 штук великолепных дюралюминиевых рогаток!

Спасибо Маме - фундамент экспедиции получил решающую долю цемента.

И все же над всем незримо витает отравляющий дух скорого экзамена. Но «военка» – она и есть «военка». Поэтому вместо науки в голову лезут бородастые анекдоты:

«Если вам не нравятся эти сборы, мы вам устроим более другие!»

«Сапоги нужно чистить с вечера, чтобы утром надеть их на свежую голову...»

«Товарищи курсанты, что это вы матом ругаетесь, как малые дети?!»

И хоть знающие люди утверждали, что провалиться на экзамене по «войне» практически невозможно – разве что обладая особо выдающимся талантом, все-таки это была та самая ложка дегтя в нашей бочке сладкого предощущения грядущей экспедиции.

И, наконец, сдали! Да здравствуют лейтенантские погоны!

«Товарищ курсант! Не делайте умное лицо. Не забывайте, что вы будущий офицер!»

Да-а... уж чего-чего, а в Советскую Армию нормальный человек хотеть не может.

Да простит меня мой друг-одноклассник Валерка Толичев – артиллерийский офицер доблестного ЛВАКУ!²⁵

* * *

И все же в скорый отъезд не верилось. Лишь сегодня, когда мы с Геленкой возвращались с Центральных железнодорожных касс, увозя в сумочке добычу – девять голубеньких билетов на поезд Москва-Магнитогорск до станции Уфа – только тогда во мне что-то дрогнуло. А затем сорвалось и покатилося, нарастая игристой радостью осознания – через несколько дней мы уезжаем на Сумган!

И вот уже – послезавтра.

А пока... Сижу за финансами. Ох уж этот «золотой запас» экспедиции! Казалось бы, все просто: поступило в казну столько, потратили на нужды столько, остальное лежит перед тобой на столе. А вот, поди ж ты, – не сходится!

Время за полночь. Мама пошла спать. Некоторое время сижу один, пытаюсь разобраться в записях и монетах и одновременно не уснуть. Такая борьба на два фронта выше моих сил. Все. Баста. Бреду спать.

А послезавтра...

Мрр!

...Завтра?

Смотрю на часы. В окошечко циферблата вползает цифра 13. Вот и началось тринадцатое августа. Завтра мы уезжаем с Казанского вокзала. А сегодня в 10.00 надо быть у Сталактита - укладывать рюкзаки. И при этом еще как-то умудриться выспаться.

А-у-ы! Отрубаясь.

Ладно, в поезде отоспимся.

«По команде "Отбой!" наступает темное время суток».

* * *

У Сталактита дым коромыслом. Как это было у Яна Гробовского?

«Из дверей кухни на улицу валил густой пар, и пахло мылом»...²⁶

Пар от нас валит крепкий. И чем только не пахло в заваленной по колено экспедиционным скарбом Серegiной комнате. Но через все эти тонкие и сильные запахи, навязчивые и неуловимые ароматы устойчиво пробивался и входил в наше естество один – запах пещеры. Этот особый запах не спутать ни с чем. Он остается в комбинезонах даже после самой хорошей стирки.

«Танки наступают небольшими группами по 3-4 человека...»

Сегодня нам почти не до шуток. Извлекаемая из-за шкафа и других закоулков Брыкинской квартиры гора снаряжения принимает угрожающие размеры. Даже для девяти человек.

²⁵ ЛВАКУ – Ленинградское Высшее Артиллерийское Командное Училище. Где ты – Валерка?

²⁶ Ян Грабовский. «Муха с капризами», перевод с польского Бориса Заходера, Москва, Детгиз, 1959, - любимая книжка моего детства, цитата из повести «Тузик, Рыжий и гости».

Девять человек – это окончательный состав нашей экспедиции.

Картинка полумистическая: мы с Брыкиным бродим по колена в напластованиях спальных мешков, веревок, комбинезонов, банок тушенки, батареек и прочего барахла, стараясь уточнить списки необходимого. В конце концов, Серый подтягивает тяжелую технику. Откуда-то на столе появляется старинная пишущая машинка, и Брыкин одним пальцем отстукивает эпохальный список снаряжения на большой желтой перфокарте, вместо бумаги.

ОПЕРАЦИЯ "СЭКС-76"

*Комментарии для непосвященных
(добавлены мной позднее)*

Палатки 3 шт.

Спальники

- экспедиционные геологические 3 шт. – каждый весил 3-3,5 кг, в них спали по двое;

- зимние 2 шт. – похоже, и в них умудрились;

Каски 9 шт.

Гидрики 2 шт. – резиновые гидрокостюмы типа «Тигур»
весом по 3,5 кг;

«Украина» 4 шт. – шахтерские аккумуляторные фонари;

Зарядка 1 шт. – зарядное устройство для аккумуляторов;

Горный компас 1 шт. – гордость экспедиции;

Шлямбур на 8 мм 1 шт. – судя по всему, бытовой;

Примус «Турист» 1 шт. – наш, катакомбистский;
плюс 1 «Шмель» у Костина, новенький;

Молоток 3 шт. – солидный запас!

Крючья:

шлямбурные 15 шт. – мы тогда еще не забили ни одного – вообще!
Впрочем, и ни одного скального крюка тоже ☺

для широких щелей 3 шт. – так называемые «короба»;

универсальных 13 шт. – титановые «п»-образные! ²⁷

вертикальных 13 шт. – скальные крючья;

горизонтальных 23 шт. – тоже скальные;

лепесток универсальный 4 шт.

– судя по «кузне», мы не собирались сдаваться...

Карабины:

альпинистские 1 шт. – «абалаковский» треугольник – настоящий!

строительные 10 шт. – монтажные «капельки», но со специально для
нас нарезанной резьбой и поставленными
латунными муфтами;

монтажные 2 шт.

– да-а, с карабинами у нас была проблема...

Блок 1 шт. – в смысле, блок-ролик;

Кулачки 3 шт + 7 шт. у меня

– так мы называли самохваты, титановые,
сделанные по заказу Мамы на ТМК ²⁸

²⁷ Это так швеллерные крючья называли.

²⁸ ТМК – Усть-Каменогорский Титано-Магниевый комбинат, где мамини друзья изготавливали для нас титановые чудеса снаряжения.

- Коленная накладка 1 шт. – надо понимать, для способа подъема «стопа-колени»;
- Трикони 2 пары – чудовищного 46 размера – а не было других в магазине «Старт» Усть-Каменогорска!
- Кошка 1 шт. – Вовчикова складная якорная кошка, классная, кстати.
- Лестницы по 10 м 3 шт. – в смысле, тросовые, наверно;
- Котелок с крышкой 1 шт.
+ 2 шт. у Геленки
+ 1 кастрюля ее же
+ 1 кастрюля у Сержа;
- Рюкзаки № 5 2 шт.
+ у нас 2 шт. – это были рюкзаки типа «Абалаковский» и «Турист» с боковой шнуровкой – самые вместительные по тем временам и большой дефицит!
- № 4 2 шт. – какие это были рюкзаки, и в чем был принцип
 № 3 2 шт. их нумерации, уже не помню, но понятно, что
 № 2 2 шт. по вместимости;
- Транспортные мешки 2 шт. – обычные мешки типа армейских вещевых из брезентухи;
- Сумки 2 шт. – противогазные, однако;
- Комбезы 6 шт. – черных строительных комбинезонов мы славно
+ 1 мой натащили со стройки, будучи в стройотряде.
 Гелькин + 1
 у Беляевых + 2
- Рукавицы:
- брезентовые 3 пары + 2 пары у Андрюхи
 - кожаные 1 пара – явная проблема с рукавицами!
- Лопата-кирка 1 шт. – очень удобное изобретение, кстати;
- Баклага 1 шт. – алюминиевая, с катакомб;
- Фляга армейская 1 шт. – не пустая она была!.. Это точно ☺
- Фонари:
- круглые 3-батареечные 3 шт. + 2 шт. у Костина
 - квадратные 4-батареечные 3 шт. – классные были фонари! С ручкой сверху.
 - велосипедные 2 шт. – у нас со Сталактитом в качестве налобников на касках с 1975 года;
 - «Эмитрон» 2 шт. (если один починить) – были такие гидроизолированные 6-батареечные 6-вольтовые монстры аж по 7 рублей – дорогие по тем временам!
- Ледогрызы 3 шт. – два очень нестандартных ледоруба, кованных из стали 45 на том же ТМК, как помню...
- Тушенка 13 банок + 45 у Оли с Юрой + 2 взять у Гельки
– неплохо!
- Дермантин (да не осудит нас Бог)
и клеенка 4 куска – а что мы с дермантином делали?
- Сапоги болотные 1 пара – это мои, больше такой радости ни у кого не было.
- Схемы Все – все карты Сумгана и других пещер;

Миллиметровка, лента клейкая.

Веревка:	12 мм 100 м крученка	6 мм 35 м пл.
	12 мм 25 м плетенка	6 мм 30 м кр.
	10 мм 13 м пл.	
Растяжки:	10 мм 15 м пл.	— итого по скромным подсчетам у нас
	10 мм 15 м пл.	набиралось 376 м основной и 175 м
	10 мм 10 м пл.	шнура – солидно! Не то что в Сумган,
	12 мм 38 м пл.	в добрую вертикалку можно идти!
и еще	10 мм 80 м кр.	
	16 мм 80 м крученая	— это была гордость экспедиции!
		С веревками такой толщины никто, наверно,
		не ходил по пещерам!

Ходовые концы 5 шт. — что мы так называли? А-а!
Так это же стремяна для самохватов...

Обвязки:

- ременные 3 шт. + еще брезентовые ремни;
- стропяные 4 шт.
- парашютные

Телефон и провод.

Значок спелео-группы «ипНАсг»

- Все?
- О! Рогатки забыли.
- Пишем:

Рогатки 6 шт.

— Алабама! — изрекает Серый свое любимое словечко, отвечающее в зависимости от обстоятельств разным оттенкам его настроения.

— Пиши: 12 штук! — говорю я.

— Так нас же девять? — по инерции удивляется Сталактит.

— Лишние не помешают...

— Алабама, — печатает Серега. — 12 шт.

Девять человек это – девять касок, девять комбинезонов, спальные мешки на девять мест, как минимум девять фонарей, сто семьдесят круглых батареек к ним и так далее, и тому подобное. Все необходимо, все нужно позарез.

Одно дело – нужно, другое – где взять? Хорошо, что мы идем не одни, и нас подпирает вся могучая группа «ипНАсг»²⁹, с которой мы так удачно слились в результате прошлогодней экспедиции.

²⁹ «ипНАсг» - «искатели приключений НА свою голову» - так назвали и писали название своей спелеогруппы Вовчик Свистунов и Боб Вейс, и я до сих пор храню ее самодельный значок.

Все плетеные веревки – наших московских друзей. А крученые – наши, и только благодаря беззаветному энтузиазму моей Мамули, поднявшую на снаряжение экспедиции половину Восточного Казахстана. Особенно впечатляет неимоверной тяжести 16-миллиметровая веревка, 80 метров которой занимают добрый рюкзак.

Почти все это «верье» мы потом оставим на Сумгане для идущей следом экспедиции Боба Крестина. И Сталактит садится за отпечатку следующего документа под названием: «Кусочек «СЭКСа», который оставить Бобу» В этом списке наш глаз и слух особенно ласкает частая приписка по количеству подлежащего значке снаряжения – «все напрочь!» Означающая, что это не придется тащить с Сумгана назад. Например:

Оставить

1. ... ходовые концы и обвязки – все напрочь!

2. Лестницы – все напрочь!

...

15. Рукавицы – все напрочь!

— АЛАБАМА! — рычит Сталактит.

— Сколько штук оставим?

— Все напрочь!

Но чтобы оставить, надо еще как-то дотащить...

Постепенно, с явной неохотой, все эти сумки, варежки, крючья, подшлемники, запасные носки, карабины, сухари, стельки, обвязки, банки с консервами, спички, мешочки с чем-то и без, веревки и шнурки исчезают в девяти рюкзаках, которые постепенно приобретают поистине угрожающие размеры.

Не помогает и тщательнейшая чистка от всего лишнего. В углу за креслом висится груда изъятого, и все-таки баракла слишком много. Даже в раскладке на девять человек.

— Алабама... — чешет в затылке Сталактит.

* * *

Кажется, только вчера мы барахтались в однообразно маразматической хаки-цветной нудятине военных сборов.

«Товарищи курсанты, опять у вас форма мятая, подворотнички черные, морды небритые - как пятилетние, ей Богу!»

Знойное солнце пыльного Приазовья, мутные мели прибрежных лиманов, абрикосовые посадки, голос Анны Герман над пыльным плацем:

«Надежда - мой компас земной, а удача - награда за смелость...»

Наши палатки и гимнастерки образца 1913 года, перловка с салом на обед и утренние пробежки а-ля «голый торс», ракетные установки, куда нас и на выстрел не подпускали, и сумрачные офицеры:

«Я не понимаю, товарищи курсанты, сколько можно пить? Ну, выпил одну, ну, другую, ну, литр, ну, два. Но зачем же напиваться?»

И над всем этим угроза поносной дизентерии с месячным карантином в виде награды за неумеренное поедание некоторыми абрикосов прямо с деревьев. И тогда – прощай Сумган.

Ярким солнечным зайчиком – письмо Гелены, которое мы с Андрюхой читали сообща под грибком открытого класса:

«... Теперь самое главное. Сначала о составе:

- 1. Я,*
- 2. Ты,*
- 3. Брыкин,*
- 4. Павлов - с этими все ясно».*

Мы с Андрюхой печально переглядываемся. Вот закатят нам карантин, будет «все ясно».

«5. Костин. Он звонил на прошлой неделе и сказал, что:

6. Сестра его едет, это абсолютно точно, подруга ее нет.

Не едет и Долбилов. У него нет денег, и Костин говорит, что с ним вообще дело иметь тяжело.

После моих дипломатий тетя Саша (Юркина мама) согласилась, так что:

7. Юрка. Он едет точно.

Это ужасное создание дало свое согласие, так что:

8. Григорьева едет...»

Так комплектовался состав экспедиции.

И вообще – *«Все пуговицы должны быть пришиты намертво, как шлагбаум!».*

* * *

Главное перед дорогой – удобно уложить рюкзак³⁰. Поистине это настоящее искусство. Рюкзак должен быть высокий и плоский, слегка вдавленный по спине и не слишком выпуклый снаружи. Вот тогда можно протащиться несколько километров даже с 40 килограммами за плечами и все еще ощутить себя человеком, а не полудохлой, мечтающей о пенсии, клячей. Издающий дикий вопль при любой попытке прикоснуться к ее плечам или пояснице.

Каждый возится со своим рюкзаком, перебрасываемся отдельными словечками.

«Слушайте, не тяните резину в долгий ящик!»

Каждый молчаливо пытит над своей долей поклажи. Пока мы еще не группа. Просто девять человек в истоках предстоящей дороги. Шестеро новичков, трое «старичков».

«Эй вы, святая троица! А ну-ка встаньте оба!»

Точно как у нас. Только мы со Сталактитом и Геленой смотрели в глаза Пропasti. И только мы с Серегой представляем сработанную двойку. Не маловато ли для?

³⁰ Это потом пришла эра станковых рюкзаков, напрочь убившее умение укладывать обычные мягкие. На станок хоть ящик привяжи, спина и не почувствует!

Время от времени выходим покурить на балкон. Нас, мужиков, пятеро. Кроме Сереги Брыкина, моих сокурсников по Бауманке Сереги Костина и Андрюхи Павлова, с нами едет Геленкин дальний родственник из Звенигорода Юра Теслёнок.

И четыре девушки. Гелена, ее подружка-москвичка хмуроватая и грубоватая Таня, Юркина пассия – светловолосая добродушная Оля из того же Звенигорода, и какой-то степени родства сестричка Костина – невысококонькая миловидная Светлана, приехавшая в Москву из Минеральных вод и случайно втянутая в круговорот нашей экспедиции.

Таков состав.

Интересно, сколько мы еще провозимся с укладкой рюкзаков?

«Молчать, я вас спрашиваю!»

* * *

Однако отступать некуда, завтра поезд.

И мы таки постепенно заканчиваем. Периодически обхожу каждого и проверяю на вес рюкзаки. Самое сложное на этом этапе – правильно распределить груз. У всех разные силы, выносливость, подготовка, заряженность на работу, самооценка.

Рюкзаку что? В него можно уложить кошмарное количество груза. Можно уложить, а можно спихать как попало. Рюкзаку что? Стоит, толстеет и молчит. Мешок, одним словом. Смерть пояснице и плечам.

— Как у тебя рюк?

— Нормально.

— Гречку возьмешь еще?

— Конечно!

Ох, уж эта готовность новичков...

Вот как раз такой монстр в брезентовой шкуре. Лана-Светлана – врач нашей экспедиции. Познакомиться успели, сблизиться, понятно, нет. Стесняется девушка. Ей сейчас хоть слона в рюкзак положи. Ой-ой, рюкзачок! Как шарик. Надо срочно менять укладку. А то и до вокзала не дойдем.

Зато мой «зеленый друг» – картинка! Снизу на ремнях спальный мешок, сверху палатка. Верхний клапан поставлен торчком и выдается сантиметров на 30 выше макушки. Но сидит, как влитой. Надо только подтянуть лямки...

И вот рядом с моим «верзилой» выстраивается шеренга рюкзаков.

«Всех отсутствующих поставить в одну шеренгу...»

* * *

Ребята потихоньку расходятся: каждому перед отъездом надо доделать кучу дел. Юрке с Олей вообще еще ехать в Звенигород. Костину с Ланой – на вокзал, встречать тетушку. Последней, окинув нашу «штурмовую тройку» сумрачным взглядом, подалась домой Григорьева. Они с Геленой живут почти в одном доме, но на этот раз ехать ей придется одной. Мы со Сталактитом проверяем телефоны, а Гелена активно присутствует на правах «старичка». Штекеры никуда не годятся. Паяльника нет. Скручиваем провода на живую.

— Раз, раз, раз...

Серега прижимает к уху наушники. Кивает:

— Есть контакт!

Щелкаю рубильниками. Старенький, позаимствованный у Вовчика радиоприемник «Геолог» шепчет моим чуть искаженным электроникой голосом:

— Раз, раз.

— Тихо что-то. Питание смени.

Забиваю новые батарейки.

— Раз! Раз! — орет динамик.

Гелена вздрагивает. Мы смеемся. Порядок!

Теперь осталось зарядить аккумуляторы налобных фонарей. Кто-то эти фонари называет по старинке «коногонками», мы – «украинами», из-за надписей на аккумуляторах. В затруднении вертим в руках зарядное устройство, которое Сталактит еще в июне принес от Свистунова. Так близко мы видим его впервые. Поэтому с полчаса мозгуем, стараясь вспомнить пояснения Вовчика и Боба Крестина, а также все, что можно применить к настоящему случаю из курса электротехники. Затем приступаем.

В конце концов, нам удается содрать с аккумуляторов крышки – такое впечатление, что конструкторы сделали все возможное, чтобы шахтерам не удалось вскрыть выдаваемые им средства освещения – что лампу, что блок питания! А то еще стибрят что-нибудь?

Итак, один из испытуемых вполне работоспособен, пару аккумуляторов ставим на зарядку, в последнем нет электролита, и оставаться ему теперь дома.

Неужели это наш последний вечер в Москве?

Сталактит устало смотрит на кучу рюкзаков. Ничего, Серега, в поезде отдохнем.

Завтра встречаемся в одиннадцать.

Завтра начинается дорога.

Завтра...

И еще один день обрывается в прошлое большой переполненной событиями каплей.

Проводы в Москве на Казанском вокзале, слева направо: Володя Сорокин, Оля Гарбар, Боб Крестин, Леха Казённых (спиной), Саня Мишин (Гном) и Вовчик Свистунов. Год – следующий, вокзал – тот же.

ДЕНЬ, С КОТОРОГО НАЧИНАЕТСЯ ДОРОГА

Тата-тата, тата-тата, тата-тата...

Так бы стоял все время в тамбуре у окошка, попыхивал сигареткой, смотрел, как сизый дымок лениво плывет к окну и вдруг, заметавшись в струях упругого воздуха, исчезает где-то в проплывающем мимо пейзаже. Слушал торопливый перестук колес - вечную песню дальних дорог.

Стучат вперебивку колеса: Тата-тата, тата-тата, тата-тата...

Рельсы, будто диковинные струны.

И сама собой отзывается в памяти моя старая песня.

Мы уходим, мы уходим,
И опять по свету бродим,
Дорога.
И летит, летит во след
Чей-то взгляд, чей-то смех,
Дорога...³¹

* * *

О, почтеннейшая публика! – как выражались в оные времена. Не часто вам в повседневной суете представляется такое зрелище – согбенная под непомерными рюкзаками девятка парней и девчат. Ноги врастают в асфальт, а на душе весело.

Смотрите вы на нас, усмехаетесь, недоумеваете. Чего, мол, не сидится? Ишь, понавьючились! Даже в вагоне метро не снимают мешков.

Не сидится – это точно! Тянет нас вдаль от городов и водружает на нас свинцовые мешки ее Величество Дорога. И рады бы мы скинуть рюкзак в вагоне, да лучше потерпеть: потом в одиночку и не надеть...

На улицах наших городов люди с рюкзаками почему-то редко вызывают понимание. И не только на улицах.

Первый вопрос при встрече в горах: «Сколько вам за это платят?» Попробуйте сказать правду – уважительное ожидание немедленно сменяется пренебрежительной усмешкой. На вас смотрят с сожалением: «Велика, мол, детина, да неразумна»...

Но мы еще не знаем этой стороны медали, мы стремимся вперед, переполненные радостной значимостью творимого нами действия. Мы едем в ЭКСПЕДИЦИЮ!

Мудрая, как сама Жизнь, старая и добрая сказочница Дорога.

Она набивает нас в дымные тамбуры, раскидывает по третьим полкам вагонов, утрамбовывает в переполненные салоны автобусов и кузова грузовиков...

Дорога!

³¹ «Дорога» - Константин Б.Серафимов, Москва, 1974 год.

По пути на Казанский, у метро Тургеневская, умудряемся прикупить десятка четыре лампочек для фонарей. Это просто подарок Судьбы!

Сколь тщательно ни собирайся, что-нибудь да забудешь. На столе, на полке, на самом виду. Каждый не раз посмотрит на это необходимейшее что-то и с чистой совестью понадеется на другого.

Вот так и остался в шкафу у Сталактита наш единственный горный компас и компас вообще, одним ударом сокрушив всю научную программу экспедиции. Нечем теперь измерять трещиноватость пород, нечем. Ладно бы себя... из-за такой мелочи подводим Боба Крестина, остро нуждающегося в этих данных для завершения работ.

Вдаль уходят города,
На недели, на года

– Дорога.

Замелькает хоровод,

Кто-то скажет – «Не везет,

никогда, вот беда, вот беда!»

* * *

А погода в Москве паршивая: серые низкие тучи, лужи, мокрый асфальт. Хорошо хоть тепло.

Наш 94-й Москва-Магнитогорск уходит в 13.05. Рюкзаки навалом сброшены в наших двух купе, а пока мы прощаемся с провожающими. По обычаю, курим на перроне. Папа Сталактита, от самого дома помогавший нам тащить гитару и «Геолог»³², пожимает каждому руки и исчезает в вокзальной толпе. По-мужски: долгие проводы лишние слезы.

И тут же из толпы появляется моя Мама: запыхавшаяся, но ужасно довольная – успела! «Главснаб экспедиции», она с интересом рассматривает наших ребят: Костин с сестрой в сторонке прощаются с родственниками, Андрюха с Юркой курят у вагона, остальные уже в купе, посматривают через стекла.

Начинает накрапывать дождичек. Мама смотрит на меня мягко, встревожено, хотя изо всех сил старается не подавать виду:

— Как только сможешь, сразу дай телеграмму.

— Обязательно.

Мама улетает домой в Усть-Каменогорск в воскресенье. Сегодня пятница.

— Будьте осторожны!

— Конечно.

Мамы - они всегда мамы. Но у каждой свой подход. Помню мамины слова, сказанные как-то в самом начале Пути:

«Даже если я буду тебе запрещать, ты ведь все равно полезешь в свои пещеры. Так лучше я сделаю для вас, что смогу, чтобы уменьшить долю риска...»

Что бы мы делали без тебя, наш «Главснаб»? Без добытых тобой веревок, рогаток, зажимов, которые тогда называли «кулачками»?

Мамочка ты моя, хорошо, что ты у меня такая...

³² «Геолог» - транзисторный радиоприемник, на базе которого работала наша громкоговорящая телефонная связь между пещерой и поверхностью.

— Сынок, я тебя очень прошу: если увидишь, что что-нибудь не так – не лезьте. Не рисковуй зря.

Помню, на Просторной мы сидели с тобой вдвоем за чашечкой чая, и я старался как можно убедительней говорить тебе, что в нашей системе спуска срыв практически невозможен. И это, конечно, так. Потому что навеска, правильно выполненная, абсолютно надежна. И не так. Потому что остаются ледники и камнепады, и обычные человеческие ошибки не очень-то подготовленных людей, какими, по сути, мы и являемся. Да мало ли нелепейших случайностей происходит в жизни на путях куда менее тернистых, чем предстоящий нам? Необходимо предусмотреть и четко выполнить все, что зависит от нас – ведь от нас зависит немало.

...И еще чуть-чуть сверх того.

Что такое риск? Действие, исход которого невозможно однозначно предсказать. Исход нашей экспедиции предсказать на 100%, конечно, нельзя. Значит, риск – по Большому счету – заложен в самой основе нашего предприятия. И насколько удастся все свести к ожидаемому результату, зависит от решения множества мелких ситуаций, в каждой из которых присутствует свой «маленький» риск. Маленький, но от этого не менее чреватый.

Я убеждал тебя в безопасности нашего предприятия, и ты согласно кивала. И мы оба знали и понимали все. Потому что вы вместе с Батей не один год работали на шахте, и еще потому, что мы не просто мать и сын. Мы еще и друзья.

Мама целует меня, и я тыкаюсь губами в ее щеку.

Поезд трогается. Веселой гурьбой запикиваемся в тамбур. Вместе с перроном уплывают назад родные лица, знакомые контуры Казанского вокзала, улицы Москвы. Вагон раскачивается на стрелках, набирает ход.

Тата-тата, тата-тата.

До свиданья и прощай,
Напиши и отвечай,
Дорога.
Перезвоном синих рельс,
Может, есть, а может, нет,
Дорога.

Рюкзаки и свитера,
Кто нашел, кто потерял -
Дорога!
Мерзнут руки на ветру,
Не печалься, доберусь
Как-нибудь, как-нибудь, как-нибудь...

* * *

Вот и подходит к концу этот день. День, с которого начинается Дорога. За окнами поезда дождь. Что же там, на Сумгане? Погода нас беспокоит. Во время дождя становится камнепадным ствол входной шахты, возможны обвалы висячих ледников. Благо, в смысле паводков беспокоиться не нужно.

Да что мы знаем о Пропasti? Никто из нас не стоял на ее дне. Только мы трое с Серегой и Геленой заглянули прошлым летом в ее сумрачную бездну.

Заглянули, чтобы не забыть никогда.

За окнами дождь. Остается уповать на тысячи километров, что отделяют нас от Южного Урала с его белыми скалами и бархатными лесами.

Девушки принимаются за изготовление первого экспедиционного обеда.

Все потихоньку приходят в себя после заполошного времени сборов. Каждый еще не верит до конца, что мы уже в дороге. Но постепенно великая благодать разливается в душе...

Задумавшись, ловлю себя на том, что, в упор смотрю в лицо молодой незнакомки на боковом сиденье наискосок и, видимо, уже долго. Девушка хмурится и независимо отворачивается к окну.

Кто-то взглядом скажет «нет»,
Сколько радостей и бед!
Дорога.
До свиданья, до свиданья,
Мы уходим, сердце раня,
Дорога.

Я забыл твои глаза,
А иначе и нельзя,
Дорога.

Выброси тоску и грусть,
Я когда-нибудь вернусь,
Может быть, может быть, может быть...

Оля

ДЕНЬ НА КОЛЕСАХ

— И раз! И рраз! И ррраз!

Я стою последним и еле успеваю перехватывать веревку, которую рывками выбирают ребята. Передо мной ритмично сгибается спина Сталактита. Навеска при каждом рывке веревки проседает, пульсирует. Белые на фоне сероватых скал стрелы растяжек сходятся с трех сторон, чтобы встретиться посередине над черным провалом Пропасти, выпустив вниз дрожащую, как диковинная струна, рапель, на которой сейчас где-то там, внизу, подпрыгивает в такт нашим усилиям здоровенный рюкзак. Потом Серега будет смеяться:

— Пять сталактитов одна веревка – что это такое?

А пока мы впятером мысленно и вслух проклиная тонкий 6-миллиметровый нейлоновый шнур, который и ухватить-то проблема, не то что тянуть такую тяжесть. Поражаясь размерам рюкзака, который как раз показался из устья шахты, мы, наконец, крепим шнур и, отдуваясь, распрямляем спины. Хо-хо! Вытащить с 60-метровой глубины такой подарочек!

Рюкзак тяжело покачивается метрах в пяти от края Южной площадки, где вот уже несколько минут топчется весь личный состав экспедиции, дискутируя на тему: «Как же его – трам-тарарам – вытянуть на край?»

На Южной площадке у входной шахты Сумгана, слева направо стоят: Вовчик Свистунов, Шурка Птер, Рустэм, Гелена; сидят: Оля Чухрова, Розалия и Сталактит Брыкин; сентябрь 1975 год.

Вытяжного конца мы, понятно, не предусмотрели. Делать нечего, приходится применить ковбойский прием. Бросаем веревку, она обвивает рюкзак, но не успеваем мы

подтянуть его к краю, как захлест соскальзывает, и рюкзак из-под самых рук откачивается назад.

С восточного края пропасти за нашими манипуляциями заинтересованно наблюдает Боб Крестин. Его напарник Шурка Щербина по прозвищу Птер невозмутимо замер на самом краю Южной площадки, взгляд прикован к рюкзаку.

— Ну что, попробуем еще разок?

Рустэм снова бросает веревку. На этот раз она обвилась покрепче, и мы со Сталактитом начинаем подтягивать рюкзак к себе. Но проклятая веревка постепенно опять начинает соскальзывать, все больше и больше, так ее...

На какое-то мгновение рюкзак, медленно вращаясь, замирает на расстоянии вытянутой руки от Шурки.

Все дальнейшее происходит совершенно неожиданно, но со страшной скоростью. Не теряя невозмутимого вида, Шурка вдруг наклоняется над краем и вцепляется в рюкзак. Балансируя над бездной на одной ноге, он пытается одолеть вес рюкзака, который тупо тащит его маятником в пропасть. Ситуация критическая. Вижу, как к Шурке одновременно бросаются Рустэм и Сталактит, устремляюсь следом, но запутываюсь в паутине валяющегося у ног шнура и ничком валюсь на камни, выбросив вперед руки. В последний момент вцепляюсь во что-то мягкое и в тот же миг чувствую страшную тяжесть, рвущуюся из рук и тянущую меня к краю пропасти. Каска слетает с головы. Мельком вижу раскачивающийся над шахтой рюкзак с висящим на нем Птером и с ужасом убеждаюсь, что в руках у меня зажаты две штанины, причем из одной высовывается нога в триконе, явно принадлежащая Сталактиту, а из другой - в кеде: это Рустэм. Они уже за краем и только я еще удерживаю их от смертельного падения. Но вес слишком велик, и он неудержимо стягивает меня в пропасть.

— Боб!!! — ору я и слышу, как огромными скачками мчится к нам по скальному гребню Крестин.

Но мне не удержать двоих. Я должен кого-то отпустить, иначе мы все трое соскользнем с края во мрак, леденящее дыхание которого уже обжигает лицо.

КОГО?!

— Бо-об!!! — ору я и...

Просыпаюсь.

Вот что такое «холодный пот струился по лбу».

Черт! Приснится же... Запросто с полки упадешь³³.

Вагон ритмично раскачивается, возвращая дремоту. Светает. Напротив – протяни руку, храпит Сталактит. Андрюха с Юркой в соседнем купе заняты тем же. Девочки по нижним полкам. Спи, высыпайся, коротай время. До Уфы еще далеко.

Когда некуда спешить, время течет медленно-медленно...

Правда, всегда остаются три развлечения, которыми люди обычно коротают дорогу. Первое из них и самое эффективное - поспать. Но спать больше нет сил, бока ломит. Да еще сны такие...

Покурить, что ли? От курева першит в горле еще со вчерашнего дня. Да и не годится на голодный желудок.

Так! А вот это уже мысль. Пора заняться третьим занятием. Вчера мы хорошо посидели в купе, подзакусили и даже выпили за отъезд, за Удачу, за успех нашего «безнадежного дела». Но брюхо, как известно, злодей и старого добра не помнит.

С опаской поглядывая на свои трехпудовые рюкзаки, каким-то чудом уместившиеся на третьих полках, мы слезаем вниз, разгоняя сон «армейским» юмором.

³³ Это был реальный сон, который я помню до сих пор. Один из самых философских снов в моей «коллекции».

«Сейчас я разберусь как следует и накажу кого попало!»
«Дозорная машина высылается вперед на расстояние зрительной памяти».
«Товарищи курсанты, возьмите уставы и перепишите наизусть...»

Что поделаешь! Лагеря не проходят бесследно. Не говоря уже об армии.

Плывет мимо окон однообразный пейзаж Предуралья. Поезд явно не торопится и опаздывает неудержимо, отнимая у экспедиции драгоценное время.

Мы катим куда-то вперед и вперед, оставляя позади телеграфные столбы, раскиданные среди пустошей домики, дальние леса, плывущие навстречу поезду. И уже где-то далеко - грудой искореженного мертвого железа - остался сошедший с рельсов товарный состав, расставивший последние точки над чьими-то «і».

Мы проводили глазами росчерк Судьбы под чьими-то надеждами и стремимся дальше.

Что там?

* * *

Уфа встречает нас мрачно. Мокрые пустынные перроны, суетящиеся люди с сумрачными лицами, лязг и скрежет маневрирующих составов.

Наш поезд опоздал на 6 часов. А еще говорят: «Хочешь быстро - лети самолетом, хочешь вовремя - езжай поездом!» В итоге наш график летит к чертям: ночной поезд на Мелеуз сделал нам ручкой перед самым нашим носом.

Делать нечего, ночуем на вокзале до утреннего поезда. Скрипя суставами, взбираемся на второй этаж. Повсюду вповалку спят люди: кто на чем, укрывшись куртками и пальто, обставившись чемоданами и тюками. Для них дорога – не романтика.

Для нас, впрочем, уже тоже. Коротаем бессонную ночь, слоняясь по вокзалу, дремлем на рюкзаках. За окнами медленно сереет небо, затянутое низкими облаками. За

почерневшими от времени строениями вдали – свинцовая лента Белой. Здравствуй, Агидель, наша Волшебная река!

Выходим в непогодную морось затянуться горьким дымком. Скорее бы! Мысли убегают вперед, опережая действительность. В мыслях мы уже в Мелеузе, уже мчимся на автобусе в Нугуш, пробираемся лесными дорогами к Сумгану.

Трудно нам будет в такую погоду, трудно...

* * *

— А ну-ка, бабоньки, посторонись!

Как римская когорта, щитом к щиту, пытаемся без потерь пробиться через подземный переход к поезду. Мешки, лотки, чемоданы, многоголосый гвалт и ругань густо висят над толпой.

— Бойся!

Перестраиваемся «свиньей» и клином рассекаем толпу. Народ инстинктивно подается в стороны. Неохватные рюкзаки придают нам вес и устойчивость в борьбе с этой стихией. Последний отрезок лестницы, и нас выплевывает на перрон.

Вот и вагон. Чтобы взобраться в него, едва не бьем крючья. Казалось бы, почему не сделать перроны на одном уровне с дверями вагонов? Ведь это же Уфа, а не полустанок какой. Взбираемся, подталкивая друг друга снизу. Талантливо спроектированные вагоны на самом входе-выходе имеют узкие калиброванные двери. Рюкзаки в них не проходят. Подхватываем их по двое, протаскиваем боком, вбиваем в ближайшее свободное купе, валимся сверху. Есть! П посадка завершена. Далеко нам еще до цивилизации...

Каски под голову. В нашем распоряжении еще семь часов времени, чтобы выспаться. Потом его не будет.

* * *

В соседнем купе тихо поют в два голоса. Или снится? Открываю глаза и сажусь на рюкзаке. Поезд не движется. За окном серо-зеленая унылая равнина. Даль туманится дождем, по стеклам лениво стекают змейки воды.

Это какое-то проклятье! И здесь мы ухитряемся опаздывать почти на час.

Смотрим друг на друга. У всех изрядно помятые серые, как утро, физиономии. Идем в тамбур курить. Часом больше, часом меньше, все равно теперь уже скоро.

Слева – далеко-далеко – маячат пологие контуры гор. Неужели мы когда-нибудь до них доберемся?

* * *

Не знаю, как по тропе, а по асфальту с нашими рюкзаками идти можно. Живописно тянемся через привокзальную площадь к автобусной остановке. В Мелеузе почти сухо, если не считать огромных луж и сочной грязи в не асфальтированных местах.

Почему бы автовокзал не разместить рядом с железнодорожным? Не-ет! Не знаю я таких городов. Чем дальше друг от друга – тем лучше. Чтоб жизнь малиной не казалась.

Чему-чему, а садиться в автобусы с рюкзаками мы обучены неплохо. Сказывается сноровка, выработанная московскими часами «пик». Пожилая кондукторша качает головой:

— Геологи?

Киваем, лезем за мелочью.

— Гео-ологи, — продолжает свою мысль «хозяйка». — Все-то носит вас. Вот уж работа! Молча улыбаемся. Лучше уж молчать. Лучше быть «геологами».

Автовокзал. Пока идет разгрузка, со всех ног бегу за билетами. Вскоре подтягиваются остальные, неся мой рюкзак вчетвером на ледорубах, как пострадавшего. У нас еще почти час времени. Автобус на Нугуш отправляется только в 18.00. Еще немного, и мы могли опоздать на этот последний автобус. Вот было б весело заночевать еще и здесь!

Стараясь не смотреть в сторону буфета, где мужики заливаются пивом, грустно потягиваем кефирчик. Не до пива. Сегодня нам уже идти и нести.

Не до пива!

Не до пива!!!

Не...

Неизвестно, сколько мы бы еще продержались на самогипнозе, но подают автобус.

— Граждане, — говорит Сталактит. — У меня такое чувство, что сейчас мы кого-нибудь удивим.

Ждать приходится недолго. Контролеры потрясенно смотрят на наш «багаж».

— Это все ваше?

— Да.

— А билеты у вас есть?

Показываю пачку билетов.

— А за мешки кто будет платить?

— Конечно, мы.

— За такой багаж платить надо!

— Так мы и не отказываемся!

— Нет, я все равно схожу за старшим контролером.

Мы переглядываемся: логика – железная!

Однако все на удивление быстро улаживается, мы платим за багаж и внедряемся в заветный автобус вместе с поклажей.

Ура!

* * *

Автобус, раскачиваясь на асфальтовых ухабах, мчится к горам. Сидя на рюкзаках, мы пытаемся рассмотреть их контуры, которые все четче проступают на фоне облаков. Дождь, едва начавшись, притих. Автобус периодически, как норовистая лошадь, поддает задком, и мы лихо взлетаем в воздух, чтобы затем шлепнуться на рюкзаки.

В один из таких «прыжков» что-то остро-твердое чувствительно впивается мне в корму. Шипя от удовольствия, лезу в карман рюкзака и вытаскиваю уже изрядно помятую банку кофе. Не иначе Татьянины припасы! Ох и разорю я когда-нибудь это осиное гнездо!

Но тут мстительные мысли отлетают прочь, потому что слева, за очередным поворотом, открывается излучина Нугуша с крутыми глинистыми берегами. Дорога здесь взбирается на пригорок, и Нугушское водохранилище распахивается как-то раз, едва нос автобуса клюет за перевал.

Обступающие серую гладь горы путаются в дождливой пелене. Взгляд торопится вдаль, туда, где справа обрывается в воду крутолобая сопка с белыми проплешинами. Известняки! Под этой горкой, километрах в четырех от городка Нугуш, – деревня Сергушкино³⁴. За ней

³⁴ На современной карте в Сети обозначена как Сергеевка.

нас поджидает Сергушкинский перевал. Помнится, прошлым летом мы весьма эффектно взбирались по его серпантину на УАЗике. Нынче, чувствую, нам предстоит не менее красивое, но куда более утомительное восхождение. Пешком.

Автобус вкатывается в городок и резко останавливается на площади.

— Нугуш. Приехали, ребята!

* * *

Под заинтересованными взглядами редких жителей вытаскиваем из автобуса рюкзаки. Собираемся в кружок, закуриваем.

Конечная автобуса Мелеуз-Нугуш – приехали! Слева направо: Серега Костин, Оля (в шляпе местный зритель), Андрюха Павлов, Юрка Теслёнок, Гелена, Светлана, Серый Сталактит. 1976 год.

Нам еще не верится, что с этой минуты все зависит только от нас. Вот сейчас можно начать движение, и через день-полтора увидеть Сумган, нашу Пропась. И уже ничто не может нам помешать - ни опаздывающие поезда, ни придирчивые контролеры, ни другие разности наших городов, чрезвычайно благоустроенных для жизни.

Перед нами Дорога, откинувшая вуаль.

Вон, за водохранилищем домики Сергушкино! До него четыре километра. Так нам говорят местные жители. Почему-то в прошлом году они говорили, что семь... Наверно, дорога стала получше.

Идти?

На площади перед сельсоветом приютились две бортовушки. Переглядываемся со Сталактитом:

— Попробуем?

Первые наши попытки, как говорится, «ушли в песок». Однако из переулка выкатывает очередной обшарпанный грузовичок. Парнишка-шофер щурит на нас светлый глаз:

— До Сергушкино? Еду. Садитесь.

* * *

Глиняные колеи за нами быстро затягивает кофейной жижей. Мы со Сталактитом держимся за задний борт, с наслаждением глядя на дорогу.

Едем! И шли бы мы вот тут, мимо этих кустиков и умытых дождями берез, часом, а то и двумя позже, если бы не это чудо техники: катишь, сидя на собственном рюкзаке, и только ветер гудит и хлопает брезентом дырявого полога.

Оглядываюсь. Андрюха показывает большой палец. Улыбающиеся лица. На душе впервые за все последние дни спокойно и хорошо. Мы выходим на свои орбиты, вырываясь из независящих от нас обстоятельств. Почему мы так любим свои Дороги? Может быть, потому, что в них почти все зависит от нас самих. В странствиях этих мы свободны в максимально возможных степенях...

И отзываясь на наше настроение, полыхнуло по брезенту, заиграло на штормовках закатное багряное светило из расступившихся туч. Солнышко! Заискрилась рябь в окруженном березками заливе, поглубели лужи, отозвалась зеленью трава на обочинах...

Мы едем на Сумган.

В суете сборов, маяте подъездов приближение его не чувствуется.

Ты стремишься к цели, которая еще скрыта горизонтом, и продвижение вперед незаметно.

Мы едем на Сумган!

Год назад по той же самой дороге мы двигались в Неизвестное. Теперь оно начинается гораздо дальше – в черной пасти Пропasti. А тогда мы впервые смотрели на эти кривоватые улочки вдоль ручья, говорливо сбегавшей в водохранилище из мрачноватого ущелья, что открывается прямо на краю деревни.

Год назад нас было четверо, и Сергушкино встречало нас жарким полуденным солнцем.

Сергушкино заказывали? Приехали! Костин с Юркой подают, мы с Андрюхой принимаем мешки, Светик с Олей любят. Сергушкино, 1976 год.

* * *

Теперь нас – девять. Рюкзаки лежат на земле и с вожделием поглядывают на наши плечи. Не спеша копошимся возле, поправляя укладку, подтягивая лямки. Кое-кто мстительно пинает мешки ногами, пытаюсь придать нужную форму. Ну ничего, они на нас еще отыграются!

День зримо катится к вечеру. Солнышко вот-вот рухнет в зябкую стынь озера. Пора идти, пора зарываться в ущелье.

— Рюкзаки, по коням!

Помогаем друг другу навьючиться, разбираем «ручную кладь».

Пошли!

Рюкзаки, по коням! Слева направо: Сталактит Брыкин, помогаю надеть рюк Гелене, вместе с Юркой, чья макушка видна сзади, Костин наблюдает процесс, Андрюха собирается с духом перед своим рюкзаком, украшенным полосатым геологическим спальником и каской-дюральной, Оля и Светик уже под поклажей – девочки всегда впереди! Сергушкино, 1976 год.

* * *

... Если бы вся дорога состояла только из первых шагов!

Сапоги шуршат по мокрой траве, разъезжаются в глине. Путь ведет вверх, и это сразу чувствуется по нарастающей тягучей боли в ногах. Кровь бьется в висках, потом заливает лицо. Скользко, черт! Только бы не упасть. С таким весом за плечами это весьма неприятно. Приклеит к дороге, как почтовую марку к конверту!

А глаз радуется! Слева меж деревьев все чаще проступают обнажения известняков. Их белоскальные улыбки заставляют трепетать души искателей подземных приключений. Известняки – здесь могут быть пещеры! Щебень осыпей прочерчен скотными тропами. А

проселок все круче ввинчивается в потемневшее ущелье. Солнышко скрылось за водохранилищем, да и оно давно уже растаяло позади.

Машин на Кутук нет, сказали нам в Сергушкино. Дороги развезло. Сено не сохнет. Дожди...

Трудно идти. Подъем. Рюкзаки давят плечи, лямки мешают дышать, сапоги в глине.

Подъем на Сергушкинский перевал, за мной (в болотниках) Гелена, Юрка и Сталактит. 1976 год.

Неожиданно дорога раздваивается: одна, избитая и раздолбанная колесами, продолжает подъем вдоль левого борта ущелья, другая неширокой тропкой берет правее и круче вверх. Куда идти?

Бросаем рюкзаки у большой березы. Рядом много сушняка. В принципе здесь можно встать на ночевку. Тем более, что сумерки сгущаются, все устали, не ели с самого Мелеуза.

Пока суд да дело, решаем с Андрюхой сходить на разведку. Надо все-таки определиться, куда идти. В прошлом году мы здесь проехали на машине. Но для машины, как для бешеной собаки – сто верст не крюк. А с нашим багажом любое отклонение от оптимала губительно для здоровья.

Вдруг:

— Трактор!

— Где?

— Да слушайте!

Напряженно вслушиваемся в лесные шумы. Со стороны Сергушкино нарастает рокот двигателя. Трактор!

Хватаю ледоруб и бегом скатываюсь к дороге. Следом топчет Сталактит. На лицах ребят надежда.

Уже совсем темно.

Из-за поворота выгребает «ДТ-75» с тракторной тележкой на прицепе. Бежим к нему, размахивая руками. Голосов не слышно за треском и грохотом. Тракторист глушит двигатель, и на лес падает тишина. Мы не успеваем раскрыть рта, как слышим:

- Бутылка есть?
- Есть.
- Садитесь.
- А куда везете-то?
- Юрмаш³⁵ везем.

Ха! Юрмаш - это то самое место, где у нас в прошлом году сломалась машина. Оттуда до Кутукского урочища, а значит, и до Сумгана остается километров двадцать с небольшим. Недурно для первого дня!

Сверху уже подкатываются с рюкзаками наши. Только бы чего не забыть в такой темени!

В прицепе трое молодых башкир, потеснившись, дают место нашим рюкзакам. Советуют:

- Ниже ложись, ветки хлестать будут.

Рев двигателя рушит тишину. Трактор рвется вперед. Наш прицеп немилосердно кидает из стороны в сторону. Цепляясь за борта и друг за друга, закуриваем.

На душе восторг. Свет фар выхватывает из тьмы чудовищные колдобины, лужи и глинистые влажно блестящие скаты. Мы взбираемся на Сергушкинский перевал.

— Врешь! Снова мы тебя проехали!

Воет трактор. Кабина отводит нависающие над дорогой ветви. Срываясь, они свистят над головой, и тогда мы ничком падаем за рюкзаки.

Подъем! Мы бы тут сдохли с нашими рюкзаками...

Трактор то проваливается в никуда, то, дыбясь, лезет круто вверх, возносясь над нашими головами. Иногда кажется, что даже его стальных мышц не хватит, чтобы одолеть очередной взлет дороги, что вот-вот его могучая глотка захлебнется чернилами ночи. Но, замерев на мгновение, «дэтэшка» лязгает всеми своими траками, рвет с места тележку, и наш «дилижанс» снова скачет по кочкам, по ступицы проваливаясь в месиво колеи.

Лучше плохо ехать, чем хорошо идти!

Деревня Сергушкино на южном берегу Нугушского водохранилища, 1976 год

³⁵ Юрмаш – ручей, впадающий в реку Нугуш чуть выше Нугушского водохранилища.

НОЧНОЙ ДЕБЮТ

Глохнем от тишины.

— Приехали!

— А где Юрмаш³⁶?

— Там! - тракторист машет рукой в ночь. — Километр не будет. Вот дорога.

Под ногами хлюпает вода. С высокой травы при каждом прикосновении рушится дождь. Ситуёвина!

Грохот трактора гаснет вдали вместе с последними отблесками его фар, и мы остаемся в кромешной ночи. Только огоньки сигарет нарушают ватную темень.

Как нужна луна, так ее нет, замечали?

Поеживаясь от холода, держим совет. По всему выходит, что нужно идти на Юрмаш. В тот самый домик, к которому в прошлом году нас добросил «УАЗик». Хоть переночуем в тепле. Глаза постепенно привыкают к темноте, и видно, что небо набухло чернильными тучами. Того и гляди, пойдет дождь. Для полного счастья!

На ощупь пытаемся достать из рюкзаков фонари. Эта затея удастся немногим, потому что самые нужные вещи обычно лежат в самом низу.

Так что начинаем движение практически вслепую. По колее. Довольно споро скатываемся с пригорка к какому-то ручейку. Километр мы, наверно, прошли. Надо осмотреться.

Бросаем рюкзаки и парами расходимся в разные стороны. Темень – глаз коли! На открытых местах что-то еще видно. Деревья и кусты бугрятся темными бесформенными пятнами. Повсюду высоченная - в рост, трава. О, заросли крапивы! Значит, где-то близко жильё.

Натыкаемся на вытоптаный кусок земли: вроде, был загон.

— «Что за свинья тут ходила, корова, что ли»? — бормочет сквозь зубы Сталкит.

Внизу серой ртутью блестит озерцо или запруда. Дом – не игрушка, а вот поди ж ты – не можем найти! Куда же подевался Юрмаш? А может, мы еще не прошли километр?

Через полчаса блуждания в зарослях крапивы снова влезает в лямки. Попробуем пройти еще.

— Ничего не забыли?

Лучи фонарей шарят по примятой траве и неожиданно утыкаются во что-то большое, безмолвно копошащееся в темноте.

— ...?

Через мгновение взрыв хохота разряжает гнетущее чувство неопределенности и растерянности: мрачный монстр – это Андрюха Павлов, молча сражающийся в партере с собственным рюкзаком. Помогаем ему подняться.

Пошли!

³⁶ Тогда, в сентябре 1976 года я думал, что Юрмаш – это название места, поляны, «ранчо», с загонами и домиком для пастухов. И только потом узнал, что это название ручья.

Нас подгоняет ночной холод. Идем на удивление ходко. Кто бы мог подумать, что мы сможем так неплохо идти с полной выкладкой после такого сумасшедшего дня! Остановки нечасты. Под ногами сплошная грязь и вода. Поэтому предпочитаем отдыхать стоя, согнувшись в три погибели, упершись локтями в колени, переместив вес рюкзака с плеч на ноги. Дорога идет по правому борту лога, все понижаясь. По «правому», потому что ручеек, вроде бы, слева. Но в какую сторону он течет?

Хрен с ним. Возникшая было надежда, что этот спуск выведет нас к Юрмашу, быстро гаснет – здесь просто перекрестье логов...

Темнота выводит из душевного равновесия. Придется снова снимать рюкзаки, а силы на исходе.

Предпринимаем с Серегой Костиным разведку вперед по дороге, но через полчаса напрочь застреваем в глинистом «бульоне», заполняющем колею.

Мрачный непроглядный лес тревожно шумит под верховым ветром.

Все. Придется ночевать здесь, в перекрестье логов.

Обидно.

* * *

Народ засыпает от усталости. Хочется плюнуть на все и завалиться в спальные мешки, но надо поужинать.

Как говорил наш майор: «*Что вы спите стоя на ходу?*»

Добыча дров для костра нам не по силам. Пока остальные устраивают ночлег под прикрытием стога сена, мы с Костиным колдуем над примусом. Новенький «Шмель», отсвечивая красными боками, капризничает: фыркает, плюется бензином, но работать «по уставу» не желает. Вы когда-нибудь встречали примус, который зажигался с первого раза? Ну, тогда вам повезло.

Вы уже, наверно, догадались, что дома попробовать разжечь заветное приобретение мы не удосужились. А потому знания наши о работе этого хитроумного агрегата ограничивались объемом институтского курса. Ну, того, на котором примуса изучают в Бауманском... Ну и то верно – зачем тогда экспедиции?

В очередной попытке мы явно перестарались с накачкой воздуха. В результате примус выплевывает из форсунки струю бензина.

Ничего не подозревающий Костин подносит спичку, и – наконец! – получаем результат. Правда, несколько превосходящий ожидания. Пылает все! И примус, и трава под ним, и стоявшая непростительно близко 5-литровая канистра с бензином – на ней вспыхивают потеки, оставшиеся после умелой заправки бачка.

Канистра так охотно и весело занимается голубыми огоньками, что невольно хочется поставить ее примусу в пример. Но если сгорит бензин, что же мы будем делать на Сумгане?!

Похоже, это озарение посещает не только меня, так как тишину пререзает чей-то тревожный вопль:

— Канистра!!!

Дальнейшее развивается в соответствии с ходом мысли персонажей известного эпоса:

— А что бы ты сделал, Петька, если бы увидел перед носом чью-то задницу?

— Ну, ясное дело, что, Василий Иванович, укусил бы!

Что делает студент Бауманского училища, увидев перед собой горящую канистру?

Ясное дело, что! Пинаю канистру ногой – подальше от полыхающего примуса. Пламя на мгновение гаснет, но тут же вспыхивает с новой силой. Замечаю, что пробка закрыта. А ежели шандарахнет?

Гурьбой бежим к канистре. Кто, где – не понять – темные бегущие силуэты в сполохах рыжего пламени.

В голове стремительно мелькают все возможные методы тушения пожаров. Мозговой компьютер, наконец, щелкает и выдает решение - надо накрыть канистру воздухо непроницаемой тканью. Но мгновением раньше правая нога, подчиняясь выданной ранее команде, наносит канистре новый удар, которому позавидовал бы и Гарринча³⁷. Канистра отрывается от земли и, как мяч в «девятку», влетает в невесть откуда взявшийся на пути стог! Все смешивается, будто в трагикомическом мороке.

- Штормовку!
- Держи!
- Вот, мою, непрогораемую!
- Стог горит!
- Туши!

Сталактит, мастерски, как Луиджи Рива³⁸ – с левой ноги, выбивает пылающую емкость из стога, и я – в яшинском броске³⁹, накрываю мя... простите, канистру штормовкой.

— Есть!

Из-под штормовки вырываются языки пламени – только бы не взорвалась, зараза! Сверху летит еще чья-то штормовка, затыкаю полыхающие дырки полами. Краем глаза вижу, как Сталактит тушит стожок. И надо же – ему это удается!

Уфф...

* * *

Все чрезвычайно взбодрились. Сна ни в одном глазу. Потерь нет, если не считать того, что Геленина штормовка ангельски благоухает бензином. Опасливо косясь на злополучную канистру, которую теперь (и всегда в будущем) оставляем вдалеке от кухни, снова разжигаем примус. Тот пристыжено разгорается с первого подхода.

Пример подействовал! Надо было его раньше отпинать для острастки...

И вот хлебаем супец с сухарями. Сильно похолодало. В разрывах туч показываются редкие звезды. Похоже, распогодится. Расползаемся по спальным мешкам, укрываемся полиэтиленом.

- «Ты зачем сюда лежишь?» — говорю Сталактиту.
 - «Твое место здесь, а не тут!» — отзывается Серега.
- На сене мягко. Только бы не было дождя.
Наша репутация и так уже подмочена.

Звон кузнечиков подменяет тишину.

Настроение тревожное. Сегодня уже семнадцатое августа...

³⁷ Гарринча – вообще-то это маленькая птичка, встречающаяся в Бразилии, но, прежде всего, прозвище легендарного правого крайнего нападающего сборной Бразилии по футболу Маноэла Франсиско дос Сантос. Когда мы ехали на Сумган, Гарринча еще был жив, здоров и весьма популярен.

³⁸ Луиджи Рива – один из лучших итальянских футболистов мирового класса, левша.

³⁹ Яшин Лев Иванович – советский футболист, вратарь, лучший вратарь XX века по версии МФФИИС (Международная федерация футбольной истории и статистики).

ОТ ЮРМАША ДО ТАШИЛЬГАНА

Просыпаюсь от солнца, бьющего в глаза. Выбираюсь из спальника, оглядываюсь. На зеленой поляне вокруг нашего стожка разбросаны укрытые накидками рюкзаки, примусы, миски, чернеет подпаленным боком злополучная канистра.

И на душе сразу становится прозрачно и легко. Солнышко! Как хорошо, что ты выбралось из-за этих совсем теперь нестрашных рваных туч. Нам очень нужно твое золотое тепло! Особенно сегодня.

Трава сверкает искрами всех цветов радужной палитры.

Куда же мы вчера забрели?

Тот наш лагерь едва не сгоревшего стожка у дороги вдоль Юрмаша, 18 августа 1976 года.

Бужу Сталактита. Серега продирает глаза, щурится на солнышко:

— Распогодилось, что ли?

Берем ледорубы и уходим вниз к ручью, что сверкает солнечными бликами на дне лога. Наскоро умывшись, перепрыгиваем на другую сторону и через заросли крапивы и чертополоха сразу же выходим на другую дорогу.

— Вот же заросло! В прошлом году все выжжено было, ни травинки.

— И, главное, заметил? Рядом с человеком ни одна порядочная травинка не растет. Всё дрянь всякая - то крапива, то колючки...

Выбираемся на пригорок, озираемся. Места явно знакомые. Лог, несомненно, тот. Но где же все-таки дом? Где Юрмаш-то?

Сталактит показывает ледорубом:

— Гляди, едет кто-то.

— Пастух, наверно.

Срезаем путь вверх по склону и минут через пять выходим всаднику наперерез.

Здороваемся. Пастух-башкир натягивает поводья.

— Юрмаш? Вот Юрмаш.

— А где дом?

— Нет дом. Прошлый год был. Этот год весна увезли.

Вот же оказия! Ну, кто мог подумать, что «украли» дом? Пастух удаляется, а мы плетемся к рюкзакам, посмеиваясь над своей незадачливостью.

Долго бы мы его искали!

— В прошлом году мы тут, с Рустэмом еще, тоже у одного пастуха дорогу спрашивали, - вспоминаю я. - Сколько, говорим, до Ташильгана? Километра четыре будет, отвечает. А потом поглядел на нас и спрашивает: а кони ваши где? Нету, говорим, коней. Так вы что - пешком что ли? Пешком, отвечаем. О-о! – говорит, тогда, однако, далеко будет, километров восемь-десять!

Смеемся. На душе тоже солнечно. И наконец, оживает в памяти, становится такой знакомой долина, которой мы идем сейчас и шли в прошлом году. Вот и озерко – каким ведьмачьим смотрелось оно ночью... Вот и загон, вернее, вытопанное скотом место, когда-то огороженное плетнем. А вот на этом месте тогда сломалась наша машина, и мы впервые ощутили вес своих рюкзаков. И вот тут мы уже плелись по залитой полуденным солнцем дороге, обливаясь потом. Тогда на четверых у нас было пять рюкзаков, из них один с сухарями, плюс гитара и котелок с шашлыком.

И сердце выпрыгивало из груди, и пот падал в дорожную пыль...

А потом пришла усталость и вместе с ней – растерянность: что же делать дальше? Нести весь этот груз мы были не в силах.

И тогда родилась идея челночной заброски.

О! А вот, кажется, место, где мы тогда закапывали консервы и лестницу, и вон на то дерево подняли мешок с сухарями. Как приятно все узнавать!

— Слушай, Серега, а неплохо мы вчера по потемкам прошлись!

— Километра два за Юрмаш утопали.

— А мне показалось, что всего метров пятьсот, и сдохли.

— И мне тоже.

— «Все ваши неприятности, — улыбается Брыкин, — оттого, что верхняя пуговица расстегнута!»

* * *

Оживление в лагере видно издалека. И слышно тоже. Тянет дымком, значит, будет завтрак. Мы невольно удлиняем шаг.

Только сейчас доходит, что вчера мы не прошли ни лишнего метра: встали точно у развилка дорог. Удачно!

Местные здесь говорят: «Все дороги ведут к Сумгану». Верно – все. Но вот только все ведут по-разному.

— Доброе утро! — встречают нас девочки.

— Значит так, — говорит Сталактит после завтрака. — «Складываемся и выходим рано вечером на рассвете».

— Правильно, — говорит Костин. — «Даю ориентир: сосна с березовой верхушкой»!

* * *

Место для тайника находим не сразу. Дорога вьется по правому борту лога, потом берет резко вправо под прямым углом и исчезает в густом осиннике, взбираясь на пологий перевал. Вот тут, пожалуй, самое то. Углубляемся в лес, продираясь сквозь чащобу. Облегчаем рюкзаки. Мы вернемся за оставленным с Ташильгана — фермы, к которой лежит теперь наш путь. Укрытый палаткой тайник не виден с дороги.

— Надо метку поставить, — говорю Юрке. — Чтобы наши не проскочили.

Час назад мы вдвоем с Теслёнком ушли вперед, чтобы подыскать удобную «нычку» и проверить проселок, уходящий влево от основной дороги на Ташильган. Может, этот путь проще?

Мы с Юркой перед выходом с ночевки на Юрмаше и Светланка.

Юрка притаскивает несколько веток и выкладывает на дороге заметную стрелу.

— Пойдет!

А погода снова хмурится. По небу ползут грязные набухшие дождями облака. Нет худа без добра! По такой погоде идти прохладнее.

Идем ходко. Незаметно минуем первый подъем и, скользя по глине, скатываемся в Мышиную падь. Скидываем рюкзаки, садимся на знакомое бревно.

...В прошлом году мы тоже курили тут, слушали тишину. Если сидеть тихо, то кажется, что весь лес полон едва слышными шорохами, топотом множества маленьких лапок – будто тысячи мышей снуют в сухих листьях.

На каждой пройденной дороге есть такие приметные места, связанные в памяти с чем-то особенным, случившимся там с тобой или кем-то другим.

Колея снова лезет вверх. Глина, грязь. Сзади ритмично дышит Юрка. Мне нравится этот открытой души парень. Старается, хоть и трудно ему с непривычки.

Неужели перевал? Шустро это мы.

Перекуриваем, не снимая рюкзаков, удобно расположившись на поваленных березах. Здесь, на перевале, посуше. Критически осматриваю Юркины, в брызгах грязи, джинсы:

— «Товарищ студент, — перефразирую я известный анекдот. — Почему вы явились в экспедицию в штанах предполагаемого противника?»

Юрка несколько секунд тупо смотрит на меня, потом улыбается. Дошло!

— «Не, ты лучше представь себе такую обстановку, — говорит он. — Кругом чистое поле, ни деревца, ни кустика, и вдруг из-за угла выезжает танк!»

Сказывается растленное влияние Сталактита Брыкина!

И снова идем вдвоем по украшенной колдобинами дороге. Приходится пробираться обочинами, скользя и оступаясь. Под горку ноги сами несут наши скрюченные под рюкзаками тела. Подмывает пуститься бегом, но не хочется думать, что будет, если упадешь. Тут налегке бы прогуляться!

Скатываемся к ручью. Это последняя вода до Ташильгана. И – цель нашей разведки.

Прячем рюкзаки в траве – благо, ее тут целые заросли, и налегке идем влево, вниз по ручью. Впереди в просветах между деревьями далеко-далеко синют горы. Может быть, это хребты уже за Белой, и этот ложок с ручейком выведет нас к Ташильгану, минуя перевалы?

— Змей тут, наверно, полно, — говорит Юрка, шелестя сапогами в траве.

— Не без того. Смотри-ка, человек!

— Покос. Подойдем?

Косарь – здоровенный дядя, русский.

— Мошка заела, — говорит он после ритуальных приветствий, почесывая открытые майкой плечи. — Живьем гложет. А тут еще курево кончается.

Угощаем его «Примой», закуриваем сами.

— Значит, на Ташильган идете? Так по этой дороге только обратно к Нугушу. На Ташильган вон там дорога будет, откуда вы пришли. Можно, конечно и здесь, напрямик, но круто. Прошлой неделей с братом ходили налегке. Дак и то спарились, — дядька качает головой, задумчиво пускает синий дым. Он рад случайному разговору, но нам пора возвращаться.

Выходит, некуда деваться бедному крестьянину – надо ползти на Ташильгнский перевал.

* * *

Рюкзаки на плечи, лезем на подъем. Ноги разъезжаются. Пот градом. Мошки тоскливо зундят и лезут в уши. Почему в уши-то? Вот сволочи!

Ну и дорога! Трактора перемешали грязь, проломали многочисленные объезды вокруг непроходимых бездонных луж. Сапоги с чавканьем и хлюпом месят дорожную глину.

И снова идет дождь. Серое небо прячется в листве, а мы все выше взбираемся на заросший лесом перевал.

Эти залитые водой канавы трудно назвать колеями...

Через каждые две-три сотни метров останавливаемся, чтобы перевести дух. Отдыхаем стоя – сесть практически некуда. По полиэтиленовым накидкам бегут капли.

Моросит и моросит дождь...

* * *

Дорога на несколько десятков метров выполаживается и идет меж полян с нахохленными старыми березами вразброс.

Я узнаю это место. Здесь мы ночевали в прошлом году – первая ночевка. Жарили шашлык, пили воду из глиняной лужи... вот тут. Было страшно сухо, это сейчас сплошная слякоть. А ночью прямо на расстеленную в траве палатку выскочил заяц. И утром я напоролся на гнездо шершней, вон под той березой, благо, обошлось.

Теперь еще с полчаса, и мы наверху.

Смотрю на часы. Как-то там ребята? Думаю, часа на два мы с Юркой оторвались.

Когда идешь, постоянно думаешь о чем-нибудь. Чем труднее дорога, тем обрывочнее, беднее мысли: как будто все силы организма отдаются движению, а мозгу достается то, что осталось.

Когда идешь, мысли – не главное содержание работы.

О том, что кончается подъем, первыми узнают ноги. Как-то удобнее, приятнее, легче, комфортнее становится идти, и только потом сознание оформляет все это в понимание – перевал!

И покатались, заскользили сапоги на спусках. Легче, легче! Так и шлепнуться дважды два...

Батюшки, а это что? Грибы! Да какие... Да сколько!

Меж мокрых сосен и осин кучками по два-три красуются подосиновики. Нет сил смотреть, надо останавливаться.

Собираем это роскошество в каску – будет вечером угощение!

* * *

Юрка вспарывает ножом банку тушенки:

— Кушать подано.

Балбесы. Отправились и забыли взять сухари. И ложку. Приходится орудовать донышком от банки. Стоп! Где-то у меня должен быть сухарь. Роюсь в карманах. Ага! Нашел. Сдуваю с него табачные крошки, стараясь не крошить, разламываю на две половины. Не густо.

В домике Ташильгана пусто, но видно, что он нынче жилой, и хозяева лишь временно отлучились. Зато вторая, холодная зимой, половина полна душистого сена, так что сухой ночлег нам обеспечен.

Юрка алчно поглядывает на гору банок, сложенных нами за печкой и укрытых комбинезонами.

— Может еще баночку?

Мы на Ташильгане! Я так люблю подходить к этой ферме, ловя сказочные изменения в окружающем пейзаже. Сумрачный лес вокруг дороги вдруг редет, маячит просветами, и неожиданно распаивается дивным простором. Округлые холмы, березовые перелески, стога вразброс, далекие синие горы впереди и справа – там, где несет теплую воду башкирская красавица Агидель - наша река Белая.

Бревенчатые избушки, строения ферм в стороне, округлая сопка за домиками, а перед ней родник, давший название ферме. Стоит смыть с себя соленую маску дороги, как мошкара сразу же отстает.

Ферма Ташильган в долине одноименного ручья, бегущего вправо, к Агидели: с видом на хребет Яман, август, 1976 год.

— Ну, так как? — Юрка красноречиво облизывает нашу импровизированную ложку.

— Облопаешься, — парирую я, хотя голод все еще скребется в желудке. — Покурим, и надо двигать навстречу нашим.

Достаю из кармана тощую пачку «Примы», Юрка вытягивает из нее одну, лезет за спичками. В этот момент крупная капля находит сигарету, оставляя на ней влажное расплзающееся пятно.

Юркино мнение об этой капле, дожде и воде во всех ее проявлениях не отличается новизной.

* * *

Пора идти навстречу группе. Едва отходим на несколько десятков метров от фермы, оглядываюсь. Ташильган пустынен. Избы, загоны, коровники, изрезанные надписями деревянные столы с дощатыми лавками – все мокрое, бусое от воды. В серой дымке мороси

теряется гладенькая, выстриженная косарями «под машинку», изъеденная карстовыми воронками долина.

Отворачиваюсь и споро бегу по знакомым колеям. Холод подгоняет, мокрая от пота рубашка противно липнет к спине, пустой рюкзак не греет. Бр-р-р!

Дорога только в первый раз кажется неведомо длинной. С каждым проходом она словно укорачивается, обрастает памятными местами, приметами, ориентирами, метками, следами. И ты идешь, то и дело здороваясь, прощаясь, вспоминая, отмечая... и путь твой становится легче.

Где-то наша команда?

Ветки громко хлещут по накидке. Стоит неосторожно задеть ствол деревца, и сверху низвергается целый водопад. Спешим, глядяваясь вперед за каждый открывающийся поворот.

И все-таки встречаемся неожиданно. Совсем близко впереди вдруг захрустели сучья, зазвучали голоса.

— Эва!

— Эва, эва! — доносится в ответ.

Наши! Они отстали всего часа на полтора, но... какой у них вид! Девчата идут в накидках, и это хорошо. Но Сталактит, Костин, Андрюха — мокрые до нельзя. Хуже всего, что в таком же виде и их рюкзаки. Лица мрачные, настроение, в отличие от нашего с Юркой, ни к черту.

Забираем рюкзаки у самых уставших, и Ланка с Татьяной заметно веселеют. Остальных подбадриваем тем, что Ташильган уже рядом — каких-нибудь полчаса ходу.

Катимся под горку, и хоть лес все так же укутан непогодной пеленой, невольно ускоряем шаг, когда, наконец, возникают впереди просветы меж деревьями. Лес редее, и — каждый раз неожиданно! — как окно в новый мир, распаивается Ташильганская долина.

Как в первый раз...

И зажатая лесом и непогодой душа встряхивается и расправляется. И как бы ни устал — улыбка трогает губы.

И пусть дождь, пусть не идут уже ноги, уставшие скользить и переступать лужи и стволы, но вот он — конец пути! И можно бросить в угол рюкзак, расправить сведенные плечи и распрямить спину. А потом медленно выйти из домика, прямо в морось дождя, спуститься по скользкой тропинке к ручью и долго смывать едкий пот, грязь и соль в холодной до ломоты воде.

А потом, умывшись и остыв, растершись мохнатым Андрюхиным полотенцем, медленно потягивать самый вкусный на земле напиток — хрустальную ледяную воду из родника, укрытого от непогоды срубленной чьими-то заботливыми руками избушкой.

После чего вернуться в свою, полутемную, половину дома и, закулив предложенную Сталактитом сигарету, постепенно приходить в себя... и ощущать, как отливает большой свинец из раздерганных дорогой ног.

Снаружи моросит дождь. А нашей комнатке сухо и есть печка.

Что еще надо для счастья?

Дрова!

Народ постепенно оживает. Юрка с Андрюхой с грохотом ссыпают у печки наколотые чурбаки. Ольга колдует над котелками. Кто-то раскатывает и взбивает сено на нашей половине избы, раскладывает спальные, кто-то достает из рюкзаков сухари...

Скорее бы все сделать, сесть и не двигаться. Но лучше лечь и спать, а?

Благословенный родник Ташильгана кто-то заботливо укрыл бревенчатым срубом.
У воды Сталактит, Костин и Юрка. 1976 год.

Быстро темнеет. Когда же мы будем у цели? Мало все-таки сегодня сделали - всего одну ходку от Юрмаша до Ташильгана. Половина груза еще лежит и мокнет в начале пути. А до Сумгана – 10-12 километров. Совсем рядом, а поди дойди! Вон он дыбится – перевал Яман-тау!

— Ребята, ужинать! — доносится из открытых дверей, и мы по очереди, пряча в карманы окурки, проходим в дом.

ВОСЕМЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ШАГОВ

— Понимаешь, так получилось...

Черная шаль ночи укрывает горы. Прохладный ветерок тычется в штормовку.

— Ты всегда думаешь только о себе!

— Но послушай, послушай... Мы не могли вернуться, не дойдя до конца. Ребята вымотались: прошли сорок километров – это не шутка. Но мы победили морально, мы смогли, дотянули! И завтра пойдем с легкой душой – зная, что это последний переход. Что...

— Но вы просрочили контрольное время. Я уже хотела стога жечь... Не знала, что и думать! А ты подумал об этом? О контрольном сроке, обо мне, наконец?

— Думал. Я все время думал о тебе и о сроке, и мы шли, как могли. Мы торопились, но идти быстрее было уже выше сил. Если бы не ночь... Мы просто немножко не рассчитали. Но ведь мы сделали такое дело!

— Сделали бы завтра. Ты никогда не думаешь о других.

— Но ведь я и думал о других! Обо всех нас. Ну как тебе объяснить?..

Время далеко за полночь, а мы с Геленой никак не можем выпутаться из этого тяжелого тягучего разговора. Глаза мои слипаются. Я страшно завидую ребятам, которые видят уже второй сон. А может быть, измученные весом рюкзаков, помноженным на километры – на четыре десятка километров дороги – спят без снов, провалившись в забытье. И последние два десятка из этих сорока были настоящей гонкой по бесконечным увалам и логом, по которым горбится разбитая тракторами дорога на Сумган.

* * *

А с утра было солнечно. Непривычно солнечно!

Утренние туманы над Ташильганским логом, утопающим в росе, август 1976 год.

Мы вышли с Ташильгана часов в 10, оставив Татьяну сторожить груз на ферме. Лес поднимал в небо струи испарений. В духоте его влажного дыхания остервенело мотались и лезли в уши скотские мухи. Солнце с трудом пробивалось в сумрак влажного леса. Оно ложилось желтыми полосами на дорогу, скользило теплом по штормовкам ребят, золотя сосны и выбеливая березки, и ощутимо поднимало наше смурное с недосыпа настроение.

Под его лучами в тяжелом труде вьючных животных вызолотилось, наконец, то самое, за чем мы и нам подобные едут в далекие места. Это неуловимое «Что-то» вдруг замаячило повсюду: теснилось к самой дороге буреломами лесной чащи и тракторными завалами, смотрело сказочной тайной из зеленой ряски болотных омутов-колдобин, выглядывало лешачьими ликами в корнях-выворотнях. Налетало ласковым ветерком на перевалах, гудело в натруженных поясницах, плечах и ногах - это «Что-то», за чем мы приходим сюда.

Эта Сила влекла нас вперед к все еще далекому Сумгану, и задерживала в пути, бросая под ноги целые россыпи подосиновиков и придорожной малины. И тогда мы сбрасывали рюкзаки и алчно набивали лесными сокровищами каски и полиэтиленовые накидки.

Она завораживала нас радостными красками просыпающегося после долгой непогоды леса, вынуждая доставать фотоаппараты и замирать от восторга!

* * *

Мы добежали до заброски налегке, загрузились и побежали назад.

Знакомая уже до мелочей дорога споро ложилась к ногам.

Через шесть часов мы снова на Ташильгане. Дед Лесовик, видно, хотел нас притормозить - его грибы то и дело сбивали нас с темпа. А не то пришли бы и раньше.

Все чувствуют себя прекрасно, во всяком случае, не подают вида. И только Гелене заметно тяжело. Она прибалывала еще в поезде, а вчерашняя слякоть, похоже, совсем подточила ее силы.

Ах, богаты грибами Уральские леса!
Сергея с добычей, август 1976 года.

Таня встречает нас шикарным обедом, сервированным под открытым небом на еще влажном от дождя столе. Грибной суп великолепен.

Как хорошо на душе!

Сидим, курим, зубоскалим:

— Как говорил наш подполковник Курбатов: «Посуду надо мыть горячей водой, потому что уменьшается липучесть атомов!»

— «Товарищи курсанты, сапоги это ваше лицо!»

— Фу-у, обкурили! — Гелена, скривившись, вылезает из-за стола. — И здесь от вас житья нет.

— Да? — отзывается Костин. — Смотри, а вот бабочкам нравится!

Пестрая большая бабочка явно пристраивается покурить. Стоит мне затануться и опустить руку с сигаретой, как бабочка немедленно садится на руку. Страху не мает. Сидит, шевелит крылышками, и вроде, нюхает. Двинешь рукой ко рту — улетает, чтобы сразу же вернуться. Мы заинтересованно наблюдаем за диковинной курильщицей.

— Наркоманка, что ли? — удивляется Лана.

— Эй, накуришься и помрешь! — машет рукой на бабочку Гелена.

— Правильно, — соглашается Сталактит так, чтобы его реплика не долетела до женских ушей. — «Кто не курит, тот оттягивает свой конец, а кто курит — тот кончает раком».

Костин давится от смеха, кашляет:

— Из заповедей майора Дындина?

— Его, родимого.

— Большой был человек!..

Благостно посидеть за гостеприимным Ташильганским столом на солнышке после доброго обеда! Слева направо: Таня, на задней лавочке Юра, Оля и Гелена, на передней Ланка, Андрюха, Сталактит и Костин. Впереди еще ходка к Сумгану, август, 1976 года.

А ведь мы почти не устали, вернее, не почувствовали этих двадцати пройденных километров!

И только сейчас вдруг стало доходить, что Сумган-то уже действительно вот он — в считанных часах ходьбы! И дойти или не дойти до него сегодня — зависит не от погоды, не от транспорта, денег, прочих взаимосвязей и заморочек, а только от нас самих! Это ли не счастье? Солнышко светит ласково, времени всего шесть часов вечера, и только 10 километров отделяет нас от цели.

Кто устоит перед таким соблазном?

* * *

Порешили – в этот же день нести заброску дальше. Задачу поставили скромную. Прошлогодний подъем на Яман-тау – водораздельный хребет между Ташильганской долиной и Кутукским урочищем – оставил сильное впечатление. Лошадь, с трудом вытягивающая телегу с нашими рюкзаками, выпирающие на дорогу, искрошенные траками, скальные плиты, кажущийся бесконечным подъем...

Поэтому решили сделать заброску за перевал. Или чуть подальше.

И все.

Однако в подсознании упрямо вертелась мысль, что в прошлом году мы с Рустэмом налегке прошли отсюда до Сумганской фермы за два часа и десять минут.

Разве это время? Два часа туда, два обратно...

Оставив на ферме Гелену и пообещав вернуться не позже одиннадцати – потянул же черт за язык! – выходим. Начало седьмого, и солнце еще высоко.

Быстро переваливаем Круглую сопку, пересекаем поперечный ложок. Дорога все больше забирает влево, пока еще опушкой, ровненько, радуя нас открывающимися вниз – по Ташильганской долине видами. Глаза радостно выискивают карстовые воронки, поминутно попадающиеся вдоль пути.

Окончательно поворачиваем под прямым углом к долине и входим в лес. Вот и подъем... Ну как ты там, Яман-тау – Плохая гора?

Поворот дороги из Ташильганской долины на Яман-тау. Вдали хребты за Агиделью. 1976 год.

...Смотрю на часы и не верю глазам!

Сработал психологический фактор. Подъема боялись, готовились морально, собирали все силы и... как это бывает порой – переоценили! Наверх выскочили, буквально не заметив. Через час с небольшим неимоверно взбрыкивающая под ногами дорога закладывает очередной зиг-заг меж раздробленных скалок и вдруг выплевывает нас на перевал.

— Перева-а-ал!

Вот тут-то, на перекуре, и обрела свободу мысль – а не двинуть ли сегодня же к Сумгану? Ведь мы вполне можем сделать больше, чем запланировано, а значит освободить завтрашний день, который грозил стать четвертым днем дороги. Четвертым! Из скупой отмеренных на экспедицию дней.

И мы пошли.

Юрка, Оля, Ланка, Костин, Таня, Сталактит – наш марш-бросок через Яман-тау

* * *

То, что мы не вернемся к назначенному сроку, становится ясно, когда мы скатываемся к ферме Сумган. Что называется, поднажали, взвинтили темп, пользуясь прохладой уходящего дня, и вот мы – на месте!

На часах – 21.00.

День угасает.

Мы пока еще в графике. До контрольного срока еще два часа, но нам явно не успеть. Даже налегке... Мы просто спотыкаемся от усталости.

Разгружаем рюкзаки в пустующем домике фермы, договариваемся с пастухами, чтобы присмотрели. Последняя сигарета, и выходим в обратный путь. Теперь нам предстоят пологие затяжные подъемы. Хорошо хоть – без груза.

А душа поет: Сумган! Сделали!

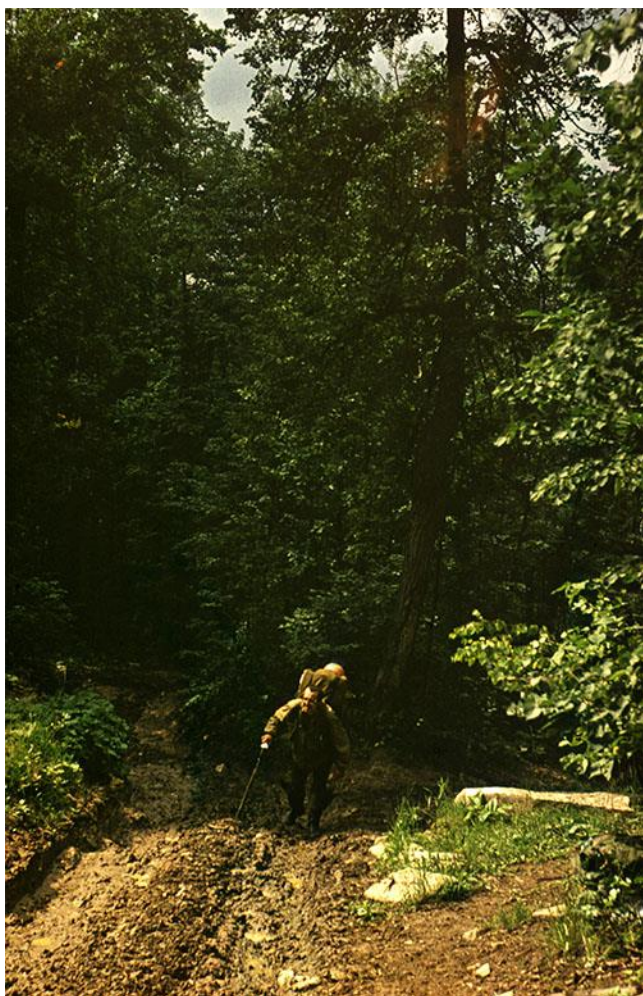
И только мысль о том, что где-то в десяти с лишним километрах, за водораздельным хребтом, начинает тревожно посматривать на часы и ближние увалы маленький одинокий человек в зеленой штормовке, только эта мысль нарушает душевную эйфорию от содеянного. Но эта же мысль заставляет раз за разом выдергивать из поддорожной грязи сапоги, переставлять ноги, уворачиваться от веток в густеющей тьме...

* * *

— Мы спешили... Мы думали о тебе, Гель. Мы, конечно, виноваты (почему я говорю - «мы»?), но ведь мы сделали такое дело... — (вот тут – да, верно, потому что это сделал не я один!)

— Ты бесстыжий тип! У тебя хватает совести говорить, что о чем-то думал, кроме своей дороги...

Гулом отдаются во всем теле все эти сегодняшние, особенно, последние ночные, километры. Но сна ни в одном глазу. Тяжкая обязанность руководителя, лидера, гасить конфликты в группе. А без них не бывает.

Выпивших и позабывших сказать «спасибо» перед тем, как упасть на нары и заснуть налету, еще не коснувшись сена?

Стоит ли выигрывать полдня ценой работы на износ, до тошноты, до кругов перед глазами, чтобы потом четыре дня бродить бесцельно по Кутукскому урочищу на рыбалку, по

Так кто же из нас прав?

По формальной сути и логике права Гелена. Контрольный срок - святое понятие, и если ты принял эти правила игры, то должен неукоснительно исполнять. Но сейчас я, кажется, готов поставить под вопрос эти правила, ранее принимаемые без сомнений ⁴⁰87 ниже. Меня раздражают противоречивые чувства.

И не стоит обращать внимания на обидные слова.

Последний взлет дороги на перевал Яман-Тау со стороны Ташильгана – хорошо, когда солнышко! 1976 год.

А что стоит?

Стоит ли жертвовать спокойствием одного ради сохранения высокого боевого духа всей экспедиции?

Стоит ли обижаться на выжатых в лимон ребят, в момент выпивших до капли кисель, который ты, Гелена, сварила, а потом подогривала два часа до и полтора часа после контрольного срока.

⁴⁰ Сколько раз я потом приходил к пониманию не безусловности некогда непреложных правил?

грибы, просто так... оставляя без внимания уникальные красоты этого края, чей недостаток только в том, что они прячутся от ленивых глаз?

Стоит ли тащить за перевалы полсотни килограммов, из которых тебе лично понадобится не более половины?

Спросить бы каждого из нашей восьмерки, спустившейся сегодняшней глухой ночью к огоньку Ташильганского окошка – доволен ли он этим днем? Как бы он поступил на твоём месте?

Знать бы, где упадешь...

Знать бы.

Привал , лавочка на перевале Яман-Тау, август 1976 года.

Но только ночь вокруг, тишина. Затягиваюсь теплым дымком, и слышно, как потрескивает табак, сгорая и занимаясь малиновым огоньком. И странно, что не нужно уже выдирать из грязи сапоги, что нет перед глазами чернильной тьмы леса с выныривающей на мгновения спиной Сталактита в желтых мазках подсевшего фонаря замыкающего группы.

...Замыкающим с фонарем идет Андрюха. Впереди со вторым фонарем – Татьяна. Больше фонариков нет. Не взяли. Не рассчитывали на такую темноту. Глухо чавкают под сводами леса шаги, хлюпает грязь, трещат сучья.

— Ветки!

Чудом избегаем нависающих над дорогой веток, таящихся под ногами ям, поваленных стволов, преграждающих дорогу. И несется спереди по цепочке:

— Дерево под ногами!

— Скользко!

— Яма справа!

Ни черта не видно в этой темноте. И, как заводной, идешь след в след за темнеющей впереди спиной – словно тянешься на невидимой ниточке, в точности повторяя движения впередиидущего: слепо, бездумно и уверенно – раз прошел первый, значит, пройдешь и ты. Только надо в точности повторить его движения. Вот так, наверно, и овцы вслед за вожакom прыгают через несуществующую уже веревочку. «Чего думать-то - трясти надо!»

Когда стрелки часов упрутся в наше контрольное время, мы как раз одолели водораздел. И еще полтора часа толкали назад непослушную дорогу, пока первый без сил не ввалился в натопленную избу Ташильгана.

Полтора часа налегке, под горку! Против часа десяти в начале пути - в гору и с грузом...

И как здóрово было бы выбросить сейчас из головы все эти «стоит ли», «зачем» и «для чего», завалиться на нары, упасть и не двигаться. Дело-то уже сделано.

Сорок километров, восемьдесят тысяч шагов.

И, черт возьми, будем мы завтра на Сумгане, и будем еще до обеда!

Слышь, Геленка?

Завтра мы увидим Кутук-Сумган и, может быть, даже сделаем навеску.

Сделаем, слышишь? Да перестань ты хлюпать носом. Было бы из-за чего расстраиваться! Все живы, здоровы, работу выполнили на все двести, а задержались всего на полтора часа.

Прости нас за опоздание – игра, как говорили гусары, стоила свеч.

Прости...

Я ничего больше не могу сказать, я засыпаю...

Утренние заморозки, Ташильган, август 1976 года.

ЗДРАВСТВУЙ, СУМГАН!

*Гаснет эха далекий звук,
Обнимая березки стан,
Мы вернемся к тебе, Кутук,
Скажем: – Здравствуй! – тебе, Сумган!*⁴¹

Рюкзаки сброшены у дверей. Взгляд бежит по до боли знакомым домикам. Маленькая банька в воронке, навес над кострищем, изрезанный надписями деревянный стол и лавки близ него.

Будь я проклят – мы на Сумгане!

Ферма Сумган с последнего спуска, август 1976 года.

Ферма Сумган встречает нас привычным уютным запустением. Вот так – запросто! – можно спуститься к ручейку, погрузить в его тепло руки, а через несколько часов омывавшая их вода, быть может, уже растворится во мраке подземной реки Пропasti, наполняющей ее галереи таинственным гулом невидимых перекаатов. А еще через несколько десятков часов она снова увидит свет, вынырнув из бездонного Сукурайского озера, чтобы радостно устремиться меж лесистыми берегами к ласковому спокойствию Агидели.

Неужели, все это правда?

⁴¹ Эта песня пришла ко мне много позже – в 1982 году, от моего друга тех лет Виктора Ануфриева из Салавата.

Вот уже год стоят перед глазами эти округлые холмы и увалы, сосновые лога и белые скалы, тропинки меж разнокалиберных округлых воронок. Ущелье, где с поднебесных скал черными глазницами смотрят входы пещер, улыбаются путнику живописные останцы с откосами крупно-глыбовых осыпей у подножья.

И – хозяин урочища – Кутук-Сумган, чей ледяной взгляд бесстрастно устремлен в отороченное соснами небо.

Весь этот год я мог до мельчайших подробностей представлять все это. Не мог самой малости – потрогать прохладные известняковые стены, полежать в душистой траве на краю, бросить в Сумган камень и слушать, как через несколько секунд отзовется глубоко внизу приглушенный щелчок и после – шорох осыпающихся в снег осколков.

Весь год я не мог этого. А сегодня, сейчас – могу! Вон там, в километре, в двенадцати минутах ходьбы – Сумган. И для того, чтобы в этом убедиться, нужны только эти двенадцать минут.

Не верится.

Ребята разбредаются по ферме, потрошат рюкзаки, тащат сено на нары. Весело позвякивают котелки, которые Ланка цепляет на проволоку над уже занимающимся костром. Сталактит молчаливо вытаскивает из рюкзака снаряжение.

— Серый.

— Чего?

— Пора, однако, готовить навеску.

— Пора!

Сегодня надо натянуть растяжки над устьем и навесить основную и страховочную веревки в главную шахту. Погода, с утра ласковая солнышком, что-то снова хмурится.

Вытаскиваем из домика связки веревок, карабины, крючья, молоток, укладываем в пустые рюкзаки.

* * *

К Сумгану идут все. Трам-тарарам, мы идем к Сумгану! Мы идем к Сумгану – ущипните меня кто-нибудь!

Чувствую произвольную нервную дрожь. Настоящий мандраж. И ничего не могу с собой поделаться. Я целый год ждал этого дня.

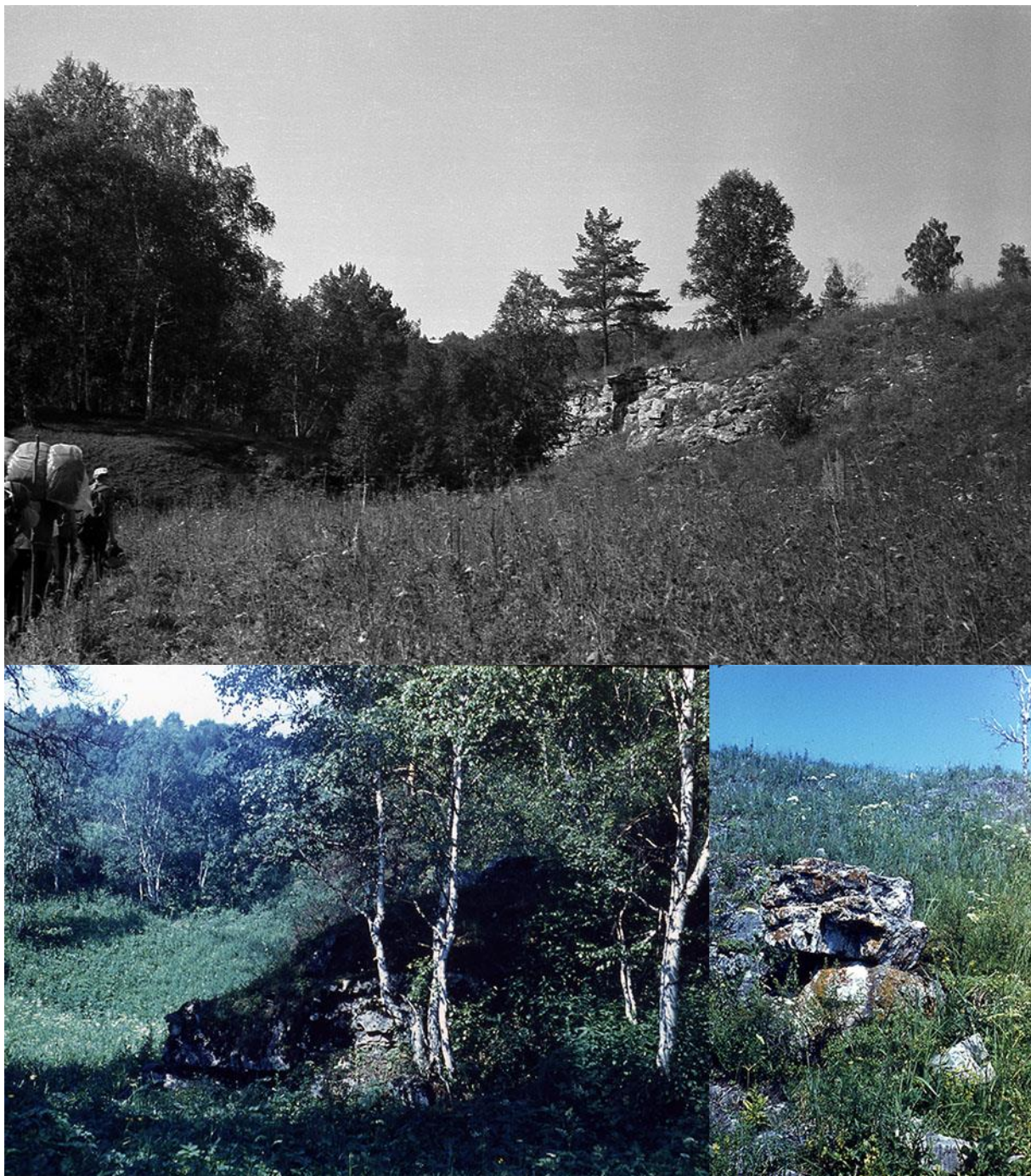
Слева от тропы открывается вид на гигантскую провальную воронку: метров 60 в диаметре, до 40 метров глубиной, скальные стены местами отвесны. Как здесь все заросло! Травища, чертополох, крапива в рост. В прошлом году все было выжжено. Неистовое солнце обнажило землю. А нынче столь же неистовый праздник зелени. Эту провальную воронку мы меж собой называли Каньон. И будто в ответ моим мыслям Сталактит оборачивается:

— Каньон!

Невозмутимая физиономия. Идет, как по Арбату. Гелена оживлена. А меня бьет мандраж. Что это со мной делается?

Покрепче стискиваю клюв ледоруба. Его прохладный металл придает уверенности. Я жду встречи с Сумганом, и Сталактит ее ждет, и Гелена. А что рисует воображение ребятам, идущим за нами?

Вольготно распахнутый лог впереди резко сужается, белея невысокими скалами. Это – «Ущельице», с микропещерками у основания правой известняковой стены. Тропа ныряет в него, изгибаясь между близкими стенками, деревьями и камнями.
Здравствуй, Ущельице!

Идем по Сумганскому логу к Пропасти. Впереди белые скалы Ущельица, 1976 год.
Хранители Сумгана: каменная Жаба (справа) и Дракон, чья удивительная голова улыбается путнику вот уже многие тысячи лет.

Ущельице, не успев начаться, кончается. А вот и Жаба - Хранитель подступов: одиноко торчащий посреди травостоя невысокий белый останец справа от тропы. Плоский сверху, он покрыт разноцветными лишайниками.

Здравствуй, Жаба! Вот мы и вернулись. Помнишь нас?

Жаба молчит, греясь под проглянувшим солнышком на своем постаменте.

Тропа слегка изгибается вправо, и впереди выступают из травы величественные контуры Дракона.

Здравствуй Хранитель Сумгана! Мы вернулись...

Срезаю путь по траве и подхожу к голове, чтобы прикоснуться рукой к прохладной каменной шкуре. Дракон безмолвно улыбается, щеря в улыбке пасть. Я знаю - его спина и хвост обнимают Сумган.

Ведь вот-вот уже, рядом!

Тропа снова – на этот раз круто – поворачивает вправо и ныряет в узкий проход между скал. Мелкие камешки катятся из-под ног. Еще несколько шагов по мокрым скользким камням, полочкой, нависающей над неглубокой воронкой слева, и мы один за другим спрыгиваем на Южную площадку Пропasti.

Медленно-медленно поворачиваюсь и смотрю вправо. На самом деле я двигаюсь как обычно, но – в моем восприятии – все почти останавливается. Скорость и плотность моих чувств сейчас предельны, и потому мне кажется, что я все никак не могу завершить этот поворот и достать глазами черный зрачок Бездны...

«Я вернулся к тебе, здравствуй! Я вернулся... за мной должок, помнишь?»

Сумган встречает нас хмуро. Солнце за тучами. Холодный блеск голубоватых, уходящих в неведомую глубину стен.

Разговоры стихают.

Я, наконец, поворачиваюсь лицом к Глубине и поднимаю глаза.

Я чувствую, что все вокруг изменилось, что все не так. И постепенно начинаю осознавать то, что видят мои глаза.

Сиротливо скособочившись, на одном шлямбуре, висит на северной стене мемориальная табличка погибшим здесь в 68 году спелеологам МГУ. А справа, в северо-восточном углу, разметав буйные ветви, лежит красавица-сосна, за которую в прошлом году крепили растяжку. Скальная перемычка между пропастью и соседней воронкой оказалась ненадежной опорой для ее корней.

Черт! И береза на Южной площадке пострадала – срублена толстая ветка, протянувшаяся когда-то к самому провалу. Это-то кому понадобилось?

Возвращаясь, не жди увидеть оставленное...

* * *

Закуриваем. По очереди, держа друг друга за ноги, подползаем к краю, подолгу смотрим вниз. В свою очередь ложусь на влажные плиты:

— Юр, поддержи.

Придвигаюсь к краю. В лицо ощутимо дышит холодом, и взгляд стремительно падает в сумрачную глубину.

Пропасть Кутук-Сумган (фото Михаила Анциферова, Наб.Челны)

Зрелище Пропasti никого не оставляет равнодушным. Почти прямоугольный – 20 на 10 метров – ствол отвесно уходит вниз, расширяясь вправо на восток, где на глубине спиченками крест-накрест белеют на замшелом уступе березовые стволы, упавшие вниз в неведомые времена. Под уступом с березами в непроглядной тьме дышит холодом и паром Вторая шахта, уходящая вниз длинной осью перпендикулярно первой: один из трех⁴² колодцев, соединяющих верхний и нижний ярусы Пропasti. Но это ниже, в невидимой сверху глубине.

До слуха доносится едва уловимый гул. Что это? Похоже на звук бегущей или падающей воды. На нижнем ярусе Пропasti протекает подземная река, но звук ее вряд ли достигает поверхности через лабиринты и отвесы пещеры. Возможно, это тают ледники, окружающие устье Второй шахты или висячие - в главном стволе? Вот один из них. Безобидная с такой высоты сосулька над жерлом нижнего отвеса – на деле многотонная громадина. В конце лета ледники то и дело рушатся вниз, заставляя вздрагивать эти сумрачные стены. Но это во Второй шахте – на Нижний ярус. А что по трассе спуска?

Далеко внизу у противоположной северной стены отвеса что-то белеет. Эта белизна резко контрастирует с ярко зеленым мхом неширокой полки, что выдается на нашей южной стене метрах в двадцати под нами. Ледник на северной стене? На чем же он там прилепился? Северная стена пропасти – это совершенно отвесная гладкая скала. Вся в вертикальных, отполированных до черноты карровых бороздах, она влажно блестит черным камнем. Покровный лед? Да откуда бы ему здесь взяться... Тем более, что белизна, которую я вижу, имеет явно горизонтальную поверхность. Ближний ее край мешает рассмотреть южная полка, а дальше не высунешься, страшно.

Отползаю от края:

— Ребята, что это там внизу, не пойму...

Теперь Сталактит и Гелена долго смотрят вниз.

— Белеет что-то. Неужели тоже ледник?

— А шум воды слышите?

— Похоже, с ледника бежит...

— В прошлом году ничего подобного не было.

— То-то и оно!

Наконец, Сталактит отползает от края:

— Такое впечатление, — говорит он, — что ледник перекрывает всю шахту. Здоровый такой ледничок!

Что за бред! Этого просто не может быть.

* * *

Никакой ледник не может перекрыть всю шахту. Скорее всего, мы просто не видим его край за южной полкой. Значит, при спуске мы попадем либо на сам ледник, либо повиснем рядом. И дальше – спуск под нависающий лед. А это чересчур рискованно! У любого риска должны быть полновесные резоны. Обрушить же такую махину заранее нам будет явно не по силам...

Вот так номер! Что ж, как говаривал мой Батя: «Будем посмотреть».

Молча разбираем веревки. Надо поторапливаться с навеской, скоро стемнеет.

⁴² Тогда еще никто не знал, что этих колодцев три, а не два: Вторая шахта Основного и Туманный, из Актового зала. Колодец Вейса был еще не пройден.

Раскладываем многометровые бухты на Южной площадке, вяжем узлы. Парни разбирают концы оттяжек и расходятся по противоположным краям Пропасти. Главное теперь точно вывести над шахтой центральный узел растяжек, от которого вниз уйдут спуско-подъемные веревки.

На Южной площадке, слева направо: Костин, Андрюха, я и Юрка. А веревка у нас лихая – крученный капрон 16 мм диаметром! Такую тянуть одно удовольствие. Вот таскать тяжко... 1976 год.

— Андрюха! Левее, левее заводи растяжку, — кричит Сталактит. — Там сосна, видишь? Не видишь? Ну, сейчас иду.

Кося глазами на Пропасть и стараясь держаться от нее подальше, мотаемся вокруг входной шахты, вяжем узлы, натягиваем веревки. Придирчиво проверяю каждый узел.

Постепенно Сумган приобретает привычный обжитой вид. С трех сторон над его жерлом протягиваются капроновые растяжки, чтобы сойтись посередине тройным схватывающим узлом. Толстые 12-миллиметровые веревки – такие тоненькие на фоне исполинских скал, как паутинки! Положение центрального узла выверяем с помощью туристского компаса, манипулируя длиной растяжек: важно добиться, чтобы основная спуско-подъемная веревка пришла точно на вершину снежного конуса на дне главной шахты.

...Если, конечно, на пути не встанет ледник.

Мы, конечно, не видим снежный конус, но ориентируемся по прошлогодней навеске Вовчика и Боба: я тщательно измерил и записал азимуты.

«Основка»⁴³ у нас крученая. Веревка новенькая, и под нагрузкой наверняка начнет раскручиваться. Надо бы ее предварительно нагрузить⁴⁴. А то потом хлопот не оберешься.

⁴³ «Основка» – основная, главная веревка, по которой идет передвижение по шахте (сленг).

⁴⁴ Раскручивай или нет, а крученая веревка в пустоте под нагрузкой всегда устроит хорошую карусель, если не принять каких-нибудь особых мер... Вот только не всегда они возможны.

Набиваем камнями мешок из-под Андрюхиной палатки и привязываем к нижнему концу основки. Выше пристегиваем скользящий карабин вытяжной веревки, с помощью которой мы сможем подтянуть потом к краю основную – висящую в середине шахты.

«Только глупый бледнолицый дважды наступает на одни и те же грабли!»

Да еще после таких снов...

— Пора, однако!

— Давай!

Спихиваем в отвес набитый камнями мешок. Вережка натягивается, шуршит в рукавицах и по краю площадки, тянет вниз вслед за мешком, уходящим в неведомое. Через минуту движение веревки замедляется. Теперь только вес 70-ти метров доброго капрона все еще тянет вниз. Похоже, мешок куда-то лег – не на ледник ли?. Если отпустить веревку, может, свалится?

Сложная система растяжек, отводящих рабочие веревки от стен шахты, была предложена Вовчиком Свистуновым еще в 1974 году для ухода от камне и ледопадов, не редких в ее стволе: слева - основная веревка, справа – страховочная и телефонный провод. Расстояние между ними позволяло устранить кручение спускающегося, по крайней мере, в верхней половине отвеса.

— Бросай ее, ребята!

Змеей метнувшись по краю, основка спрыгивает в пропасть и вертикальной струной дрожит теперь в отдалении от края. Судя по длине и поведению выданной нами веревки, мешок вроде должен лечь на дно. Значит, ледник он обошел, и, в принципе, путь ко дну шахты есть.

Ладно, проверим другим способом. Нам ведь нужно, чтобы веревка раскрутилась, а для этого мешок должен висеть. Значит, надо вытащить веревку до нужной длины. Вот и посмотрим, сколько ее выберется, когда мешок оторвется от дна, или на что он там улегся...

Смеркается, девочки ушли на ферму, а мы все еще мотаемся вокруг Сумгана, воюя с непокорным мешком.

А между тем вид Пропасти заметно меняется. Наверху похолодало, и теперь из Сумгана сумрачно и величественно поднимается пар. И вдруг замелькали вокруг черные тени. Летучие мыши! Сколько их – туча!

Зрелище мрачное и захватывающее. Вот они – ад и преисподняя!

Наконец, мешок повисает где-то там, на недосягаемой пока глубине.

Курим по последней, крепим концы веревок.

Все. Завтра разберемся.

* * *

Возвращаемся на ферму молча. Настроение не из лучших.

И откуда взялся этот ледник?

Ферма встречает нас теплом и вкусными запахами. Девчата уже соорудили ужин. Костер под дырявым навесом роняет кровавые блики на желтые бока избушки. Накрываем навес своими накидками, потому что с неба опять моросит дождь.

В конце концов, дождь загоняет нас в дом. Как хорошо тут – тепло и сухо!

Расправленные на покрытых соломой нарах спальные мешки, увешенные комбинезонами и касками стены, уставленные батарейками и прочим мелким скарбом стол – что еще нужно для уюта?

Но за окном дождь, сыро и пасмурно, и на душе смурно.

Плохо, когда нет уверенности.

А какая тут, к черту, уверенность?

Малый домик фермы Сумган, вид от главного дома вниз по Сумганскому логу – там, в километре, наша Пропасть.

КУТУКСКИЕ СОКРОВИЩА

Все вокруг блестит от росы, от пролитых дождями слез. Все сверкает на солнце. Солнышко! Вот вышло ты, и на душе сразу светло и весело. И Сумган стал таким домашним: он как-то съежился, присмирел и заулыбался в нарядном уборе из капроновых растяжек и солнечных лучей. И только серебристая табличка на северной стене напоминает о разыгравшейся здесь когда-то трагедии. Пропасть не прощает ошибок.

Но сейчас Сумган занят другим делом: он дразнит нас. Дразнит и, наверняка, посмеивается, глядя, как мы по очереди до боли всматриваемся вниз, потом отползаем от края и тупо пялимся друг на друга. Вот же чертов ледник! Белеет там, где ничего не должно быть!

Так ничего и не поняв, поправляем навеску. Веревки за ночь отсырели, но капрону это нипочем. Снова выверяем по компасу положение центрального узла, и, наконец, удовлетворенно потираем руки. Все.

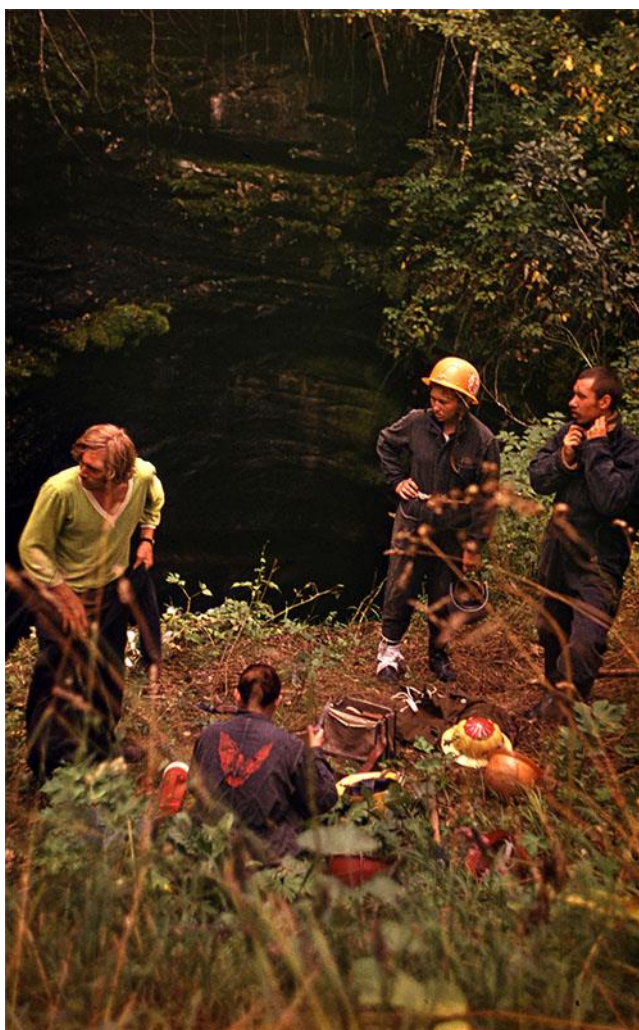
Теперь можно заняться и другими делами. Например, сделать акклиматизационный выход в Четвертую Кутукскую: глубочайшую пещеру Урала – не хухры-мухры! Правда, в пещеру идут не все – Гелена все еще неважно себя чувствует.

Бросаем последние взгляды на навеску и углубляемся по тропке в прозрачный лесок к северу от Пропасти. Лес постепенно густеет, и потихоньку начинает ныть мое левое колено. Благо, идти совсем недалеко.

«Четверку» находим сразу. Вот он – внушительный отвесный провал на дне неприметной из-за лесной растительности воронки. Однако, метров 10 на 15 в поперечнике! Вниз на 12-метровую глубину уходят суковатые осклизлые стволы.

Можно спускаться? Как бы не так! Мы забыли на ферме лестницу!⁴⁵

На краю «Четверки» одеваем еще не маранные комбинезоны. Нашу Сумганскую эмблему – летучую мышь, мы трафаретили уже на ферме: чертов предотъездный цейтнот...

⁴⁵ Конечно, во входном колодце 4-й Кутукской всегда стоит подобие лестницы из древесных стволов, потому что пастухи хранят мясо на донном леднике! Но сами понимаете, что для нас это было неспортивно. ☺

* * *

Пока Сталактит ходит за лестницей ⁴⁶, подхожу к краю колодца. Южная стена провала выше остальных. Скала здесь в многочисленных поросших мхом уступчиках-ступеньках. Кажется, тут. Погружаю пальцы в прохладный мох и у самой скалы нащупываю округлый стержень. Вот она...

— Здравствуй!

...Ручка от моего сломанного в прошлом году молотка. Она намокла и потемнела от времени. Год прошел.

Вот что такое Судьба...

Когда-то росла ты таким же живым деревом – где? Потом тебя срубили, возили, обрабатывали, и сделали, наконец, ручкой для молотка на далеком отсюда Алтае. Потом привезли в Москву, и мы с тобой не раз бродили по подмосковным каменным лабиринтам. Но вот уже год, как ты лежишь здесь, на краю самой глубокой пещеры Урала ⁴⁷. Потихоньку возвращаясь в свою изначальную сущность и питая новую жизнь.

Я рад тебя видеть. Извини, мне пора...

До новой встречи.

Уникальный снимок той нашей лестницы – из багажных ремней и перекладинами из стального уголка «двадцатки». Весило это чудо около килограмма на метр. Мы со Сталактитом Брыкиным на краю Кутукской-4 перед первым спуском по этой лестнице в сентябре 1975 года.

* * *

Сергея приносит не только лестницу. С торжествующим видом он достает из сумки рогатку.

⁴⁶ Лестница наша – это та еще песня! Ее мы заначили в тайнике после экспедиции 1975 года. Знал, что вернусь.

⁴⁷ В литературе присутствует глубина 4-й Кутукской пещеры – около 170 м от входа до сифона на дне. При протяженности основного хода порядка километра пещера не имеет вертикальных участков, кроме входного колодца – 12 м и двух уступов по 5 метров.

— Во! Сейчас мы ее испробуем!

Не то, чтобы мы ни разу не держали в руках рогатку, но времени испытать в деле новенькое снаряжение, прибывшее из Усть-Каменогорска, у нас попросту не было.

Четвертая Кутукская, в просторечье – Четверка, несмотря на свои титулы, достаточно проста для прохождения. Да: глубина -170, общая протяженность около 1500 метров, но кроме входного колодца да пары уступов сразу за ним – ходи пешком, и все просто. Правда, метрах в 600 от входа, на полу появляется ручеек. Его ледяная водичка струится по полу низкого лаза, метров 30 длиной, прозванного первопроходцами Адамовой баней: если не хочешь вымочить одежду, раздевайся и айда пузом по медузам! В прошлом году мы раздеваться не стали, но вымокли не слишком. Может быть, из-за засухи, царившей в этих горах...

Сегодня мы через Баню не пойдем, хотя за ней открывается красивейший каскад гуровых озер⁴⁸. Ограничимся осмотром ближней части пещеры.

Игнорируя традиционный путь по бревнам, спускаемся в колодец по веревке - на рогатке. Дно - засыпанный прелой листвой и ветками лед, и надо быть внимательным, чтобы не загудеть в уходящие на север и юг крутосклонные галереи.

Для начала пытаюсь расчистить ледник от залежей тухлого мяса - пастухи хранили его здесь в холодке, да видно, не рассчитали сроков. Ребята по одному скатываются ко мне вниз, и я, прерывая раскопки, осторожненько оттааскиваю их от 10-метрового ледового сброса в Северную галерею.

Наконец, мне удается ледорубом подтащить приличный кусок тухлятины к обрыву и скатить его вниз. Из черной дыры под стеной доносится гул уходящего поезда, и через мгновение тяжелый шлепок извещает о том, что посылка прибыла по назначению. Аккуратно отхожу подальше. Последовать примеру этого тухлого безобразия было бы, по меньшей мере, глупо.

Ольге на каску звучно шлепается чудесный кусок зеленого мха, и по оранжевой пластмассе расплзается черная слякоть.

— Пещерный подарочек! — комментирует Костин. — Поняла, зачем спелеологу каска?

Оля смущенно улыбается.

Сталактит съезжает по веревке вниз головой: надумал спускаться с рюкзаком за плечами, и как только Серегины сапоги отрываются от карниза, рюкзак вносит свои коррективы в его положение. Забавно и поучительно.

⁴⁸ Гурьы – естественные барьеры-плотины из переотложенного известняка, образующиеся в местах водотоков в пещерах и даже на поверхности.

— Способ «ВГ»! — смеется Сталактит, приземляясь на каску. — Вниз головой...
— Ты бы грудным карабином пристегнулся, — советует Андрюха, пока мы приводим Серегу в нормальное положение.
— Это сильно умным надо быть, — ворчит Брыкин.

* * *

Потихоньку углубляемся под своды. В лучах «Эмитрона» — нашего 6-батареечного прожектора, пещера преобразается. Только очень мощный свет может прорвать вечный мрак на такую высоту. А галерея постепенно все более повышается.

Мы идем по гигантской расщелине. Отполированные водой стены возносятся вверх на высоту многих этажей.

— Метров сорок! - говорит Юрка, придерживая рукой каску.

— Там, небось, окон неисследованных до вола, — отзывается Сталактит.

Используя тросовые лесенки, спускаемся с двух обрывистых уступов. Под ногами каменный навал, по стенам местами струятся ручейки. Через некоторое время луч света выхватывает из тьмы приставленную к левой стене деревянную лестницу.

— Пришли!

Эхо оживает под уже невидимыми сводами. Наши голоса взлетают высоко и там переплетаются, пульсируя, затихая и усиливаясь. Неповторима ты, музыка пещеры!

Метрах в восьми над нами чернеет большое окно, откуда сбегает по стене застывшие покровы кальцитовых натеков.

— «Восьмое чудо света», — говорю я, пробуя на прочность лестницу. — Так называется этот ход.

Теперь нам со Сталактитом предстоит взобраться наверх, чтобы навесить веревку. Лестница приводит на маленькую вылизанную водой площадку. Принимаю на нее Серегу. Дальше идет абсолютно гладкий, обрывающийся в темноту под нами, крутой натечный склон, который сначала надо чуть траверсировать вправо и затем брать в лоб. В прошлом году мы проходили его с Рустэмом. Где-то тут должны быть маленькие зацепочки...

Шаг вправо, и вот ты уже на натеке, под тобой восемь метров, и страшно подумать, что будет, если сила трения подкачает. «Держи меня, соломинка, держи!» Но поверхность натека шероховата, и резиновые сапоги держат отлично. Сначала медленно, осторожно, а затем все быстрее лезу на четвереньках вверх. Склон постепенно становится положе, и перед глазами вырастает сказочная крепость из заполненных водой гуровых ванночек.

— Все!

Усаживаюсь у стены, закрепляюсь и скидываю вниз веревку, страхую. Ребята поднимаются по одному, восторженно озираются. Для них все внове, и я завидую им в этом.

Осматриваюсь, отыскивая памятные по прошлому году очертания стен, натеков.

Еще один подъем на крутолобый белоснежный натек, и вправо открывается дивной красоты затопленная водой галерея — озеро, подпруженное кальцитовой плотиной. Вода цвета медного купороса отражает лучи фонарей.

Вокруг сахарной белизны натеки: сталактиты, ребра, драпировки причудливых форм...

⁴⁹ Тогда мы еще не знали, какая красота срывается за этими водными воротами. Только в 1983 году я сподобился сплавить через озеро и не пожалел — более восхитительными гуры и озера я видел, пожалуй, только в Красной пещере в Крыму (Кизил-Коба).

Гуровые ванночки на подъеме в «Восьмое чудо света»: плотинки невысоки, но изящны. Когда-то в них можно было увидеть прекрасной формы и цвета горошины «пещерного жемчуга» - покрытых кальцитом песчинок.

Фотографируем. И колдовским зеленым сиянием люминесцируют стены после вспышек.

Между тем эйфория первого восторга постепенно проходит. Народ начинает мерзнуть. Все-таки нас многовато, и все получается медленно.

Пора возвращаться.

* * *

Такие минуты остаются в памяти, наверно, навсегда. Можешь ты их вспомнить потом или нет, но они входят в тебя растворенной в естестве информацией.

В принципе, ничего особенного – просто надо спуститься последним по этому натечному лбу, что неудержимо заваливается в отвес, и нет ни одной зацепочки для рук, чтобы поддержать равновесие, если соскользнешь. Только и всего.

И вот, как муха по стеклу, сползаешь все ниже в темноту, распластавшись по натеку. И все круче склон под тобой. И когда уже кажется, что вот-вот свалишься, заскользишь вниз по окаменевшему водопаду, левая рука, наконец, встречает опору – крохотный сталагмитик на каменном лбе.

Теперь траверс, и ты на уступчике. Все страшное уже позади, а руки все еще рефлекторно излишне тщательно цепляются за натеки. Скрипит под ногами мокрая деревянная лестница, а снизу со дна галереи бьют в глаза подсевшие фонари, и ты кричишь:

— Под ноги светите, черти! Не видно же ни ...

Ничего не видно, одним словом.

В галерее «Восьмое чудо света», спереди Андрюха, Ланка, Оля, во втором ряду почти не виден Серый Сталктит, затем Костин и Юрка, 20 августа 1976 года.

* * *

Пожалуй, впервые не волнуюсь перед возвращением.

Эта неосознанная тревога перед выходом на поверхность осталась с катакомбистских вылазок, когда трудно было угадать, что предстоит на обратном пути: свежий завал, волок⁵⁰ или неприятная встреча⁵¹...

Впереди гулко хрустят по щебню шаги. Мелькают фонари. Путь вверх очевиден и не представляет труда. И все же каждый раз с каким-то внутренним трепетом ждешь, когда же затеплится впереди дневной свет. И даже когда возвращаешься ночью, приближение выхода чувствуешь еще за четыре поворота, за полтора колодца – по какому-то едва уловимому аромату свежего земного воздуха, по особой озоновой свежести, контрастирующей с привычными запахами подземелья.

Мы возвращаемся засветло, и вот он - невысокий входной колодец.

Вечерний лес встречает нас морем прелых запахов. Краски уже притушены, но парное тепло ласкает лица и руки. Стаскиваем обвязки, комбинезоны, спихиваем в рюкзаки снаряжение.

Как хорошо наверху!

Что нас гонит в пещеры?

* * *

⁵⁰ Волок – искусственно вызванное задымление лабиринта не с благидами, как можно догадаться, целями.

⁵¹ То были времена периодической вражды с местными бой-скаутами из близлежащих ко входам в каменоломни деревень.

Этот день – день потерь. Перестала работать вспышка, сломал свой ледоруб, потеряли герметическую кнопку от «Эмитрона».

И снова разболелось колено. А в пещере ведь молчало...

Традиционная перекличка:

— Ничего не забыли? Карабины все?

И мы уходим от Четверки. Плетусь в хвосте. Сталактит возглавляет колонну и явно подворачивает к югу. А ведь нам на восток. Как-то незаметно воздух будто сгущается. В прогалинах меж деревьями видно, как со дна логов выползают белесые космы тумана, и березы кутаются в него, готовясь ко сну. А видимость становится все хуже. Куда-то нас выведет Сталактит? Но ведь он ходил за лестницей, не заблудился...

Лес редееет, склон идет вниз, впереди из тумана проступает что-то похожее на скрестье логов. Куда же это нас несет?

Сергея останавливается так резко, что мы почти натыкаемся на впередиидущих:

— Стой!

— В чем дело?

— Стоп-сигнал надо зажигать!

— !..

— ...Сумган, мужики.

И тут порывом ветра относит туман, и впереди выступают знакомые контуры скал за Пропастью. Оставалось только свалиться в Сумган с его северной стены!..

Брыкин озадаченно чешет макушку, мы перешучиваемся.

Вот что значит – Судьба. Сумган притягивает нас ото всюду!

Мы поворачиваем влево, скатываемся вниз и назад и тянемся к ферме по Сумганскому логу.

* * *

Сегодня двадцатое августа. Послезавтра спуск. Вниз точно идут трое: Сталактит, Гелена и я. Кто будет четвертым? Костин? Андрюха? Юра?

И вообще, пойдём ли мы в Сумган?

Пойдем.

А вот пройдем ли?

С этим поганым ледником над душой...

Это будет ясно только послезавтра.

Послезавтра...

*«Послезавтра мы уходим».*⁵²

⁵² Аркадий и Борис Стругацкие, «Улитка на склоне» (Беспокойство).

СУКУРАЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

Над Кутукским урочищем солнце. И такое солнце, что заболело, защемило что-то в груди. И захотелось просто побродить по земле, полной красок, запахов и тепла, пропитаться ими до самой глубины, перед тем как уйти в темноту подземного мира.

Мы уходим в Пропасть завтра. Завтра – штурм.

И виноваты ли мы, что уральское лето вдруг спохватилось и залило золотом окрестные хребты, леса и воронки? И наши истосковавшиеся по солнцу души вдруг потянулись к теплу, зелени трав и деревьев, безмятежной синеве неба над ослепительной белизной скал.

От которых мы завтра уйдем.

А когда увидим их вновь, уже подкатит время уходить и прощаться...

— Слышь, Серега, надо бы на Сукурай сходить.

— А почему нет? У нас целый день впереди.

— А тренировка?

— Успеем! Налегке ведь.

* * *

Пока наши под руководством Гелены навешивают веревки для тренировки в Каньоне, вдвоем с Андрюхой и Сталактитом бежим на Сукурай.

В траве сверкает роса.

Травица сошла с ума! Порой она едва не скрывает нас с головой. С трудом пробиваем дорогу в каких-то почти тропических зарослях, чутьем удерживая направление.

Ориентируемся по синим декорациям хребтов на юге. Еще несколько титанических усилий, и из переплетения веток и трав неожиданно вываливаемся на свободную площадку.

Рев восторга возносится над горами – мы приветствуем Сукурайское ущелье!

Грандиозные каменные стены вырастают над нами по мере того, как мы скатываемся вниз по каменистой тропинке. Это удивительное царство камня! Стены и осыпи. Только известняки могут создать такое непорочно белое великолепие вертикалей⁵³.

Известняк – камень пещер.

Минут через пятнадцать спускаемся на место нашей прошлогодней «базы» при разведке пещер ущелья. Это небольшая ровная площадка среди камней у подножия одинокого жандарма на повороте ущелья. Присаживаемся покурить.

— Гляди-ка!

Не верю глазам.

На камне – кусок оргстекла. Чуть поодаль еще связка плексигласовых факелов. Будто мы их оставили только вчера. Рядом среди камней две банки из-под тушенки. Сталактит поднимает одну:

— Семипалатинская. Наша.

⁵³ И еще Йосимитские граниты в Калифорнии ☺

Запоздало, пристыжено закапываем банки поглубже, а факелы берем с собой. Пригодятся.

Наша база 1975-го года среди осыпей Сукурайского ущелья. Слева – я, справа – Рустэм.

В ущелье прохладно, только западные стены озарены розовым. Высоко-высоко над нами чернеют окна пещер. Тут мы пытались свернуть себе шею, стараясь добраться до них. А вот и Орлиное гнездо, откуда я чуть не слинял...⁵⁴

Тропа прижимается к скалам правого борта, и мы поворачиваем по ней к выходу из ущелья. Этим путем мы еще не ходили.

Через несколько минут выходим из-за поворота и замираем восхищенно: перед нами открывается залитая солнцем отвесная 200-метровая стена над Сукурайским озером-источником. Как ни старайся, а в кадр фотоаппарата эта стена не входит – велика!

Скала над Сукураем.

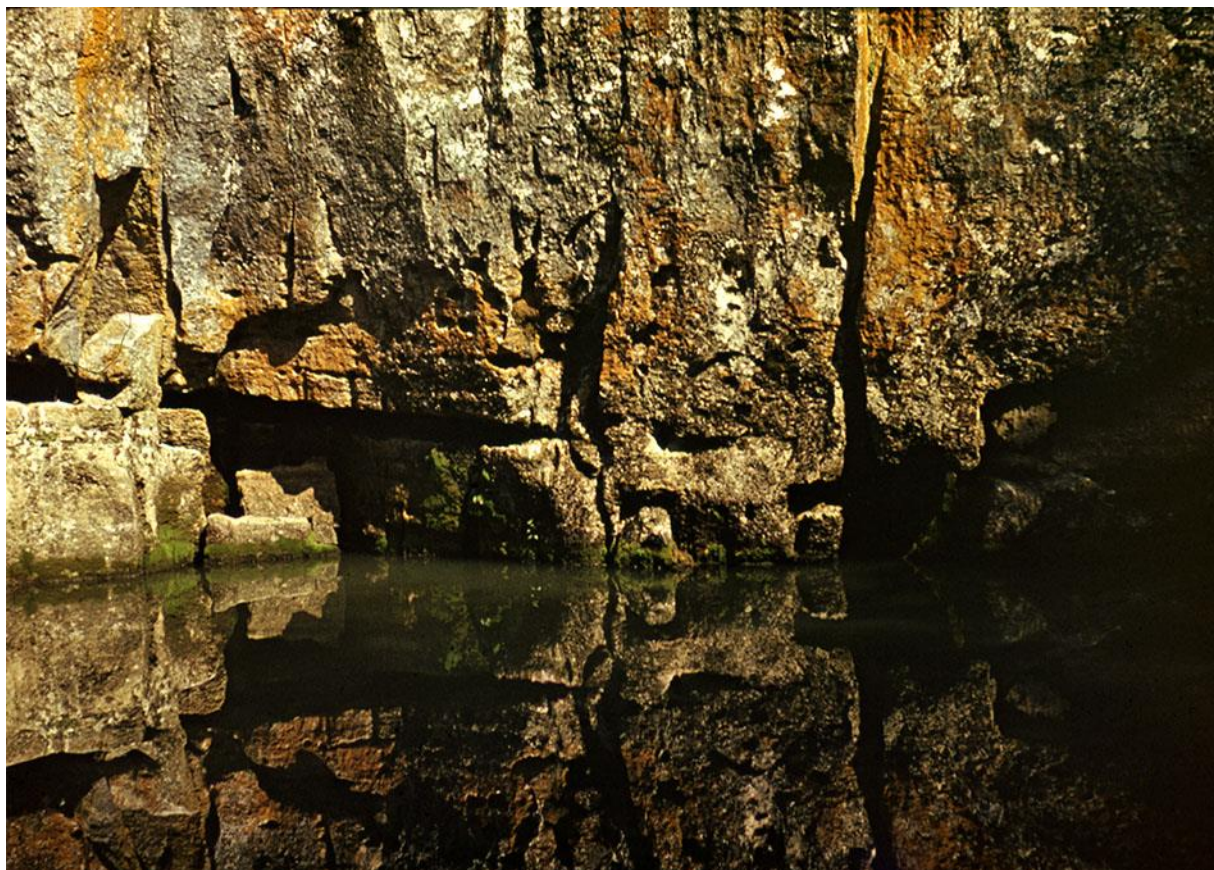

⁵⁴ Этот случай описан мной в рассказе «Солнечное ущелье», сборник «Голубой Сталагмит», 1982 год.

А вот и озеро! С высоты осыпи оно кажется ярко зеленой бусиной в скально-лесистом обрамлении берегов. Зеленой? Спускаемся к берегу. Да, Сукурай, увы, зеленый, как бутылочное стекло. Нет и намека на обычную купоросную синеву.

И все равно красиво! Где-то за этими водяными воротами в толще исполинской скалы таятся еще ни кем не виданные подземные лабиринты. Почти пять километров отделяют нас от Сумгана, где ныряет в сифон вытекающая перед нами река. Если по прямой. А сколько прошла эта вода в глубинах известняков?

Молчит Сукурай, бормочет невнятную хрустальную песенку на перекатах. Узнаем ли мы когда-нибудь, что там, в его глубине?⁵⁵

Озеро Сукурайского источника-грифона, 1976 год

* * *

Пора возвращаться. Наскоро обследуем приток Сукурая, который, оказывается, начинается совсем рядом из осыпи под большой глыбой. Взбираемся по крутяку к самой скале и в последний раз оглядываемся на озеро.

— Пошли?

— Тихо! Что это?

Прислушиваемся. Внизу в долине под куполом леса явственно раздается песня. Несколько голосов горланит:

— Куда идет король, большой секрет!..

Ветер относит песню, но она крепнет вновь и явно приближается.

⁵⁵ Начатые нами годом позже спелео-подводные исследования Сукурайского источника, куда вытекает подземная река Кутук-Сумгана, не завершены и по сей день

— Эвон, смотрите-ка, — Сталактит указывает вниз, к озеру.

Одна за другой появляются из леса и разбредаются по берегам озерка цветастые фигурки:

— ...Если близко воробей!..

— Ого, народу!

— Пойдем, что ли, потолкуем?

Дальше действие развивается, как в добром вестерне. Растянувшись рядком, неторопливо спускаемся к озеру. Заросшие недельной щетиной физиономии, ножи на поясе. Правда, вместо ковбойских шляп нас со Сталактитом украшают едва-едва заколосившиеся лысины, да вместо винчестеров – в руках длинные самокованные ледорубы угрожающей массивности. Павлов берет свое дикой чернотой волоса.

— Эва-а! — раскатывается над долиной наш боевой подземный зов.

Песня внизу резко обрывается, голоса смолкают, «туземцы» быстренько перебираются на противоположный берег потока и настороженно ожидают нашего приближения.

— Откуда это вы, ребята? — раздается чей-то голос.

Сталактит высказывается в том смысле, что «из лесу, вестимо», и разговоры на том берегу начисто стихают. Спускаемся к самому берегу, степенно рассаживаемся на камнях, достаем извечную «Приму». Предлагаем замешкавшемуся на нашем берегу иноплеменнику, но тот лишь невнятно мычит, трясет головой и спешно ретируется к своим, где из-за спин многочисленных собратьев начинает переводить фотопленку на нашу троицу.

Закурив, приступаем к визуальному изучению племени пришельцев. Для них пришельцы – это мы. Но нас это не смущает.

Перемешавшиеся в Кутукском урочище «племена»: наша группа обеспечения во-главе с Андриюхой (стоит второй справа), рядом левее Ланка и Оля, сидит с радиоприемником Юрка, правее Таня. Остальные – добровольные помощники «Агидельцы». 1976 год.

С интересом обнаруживаем, что племя на две трети состоит из девиц, в примечательной боевой раскраске: пара тканевых полосок на бедрах и груди. Беззастенчиво паялимся на них и чувствуем, что начинаем пользоваться взаимностью.

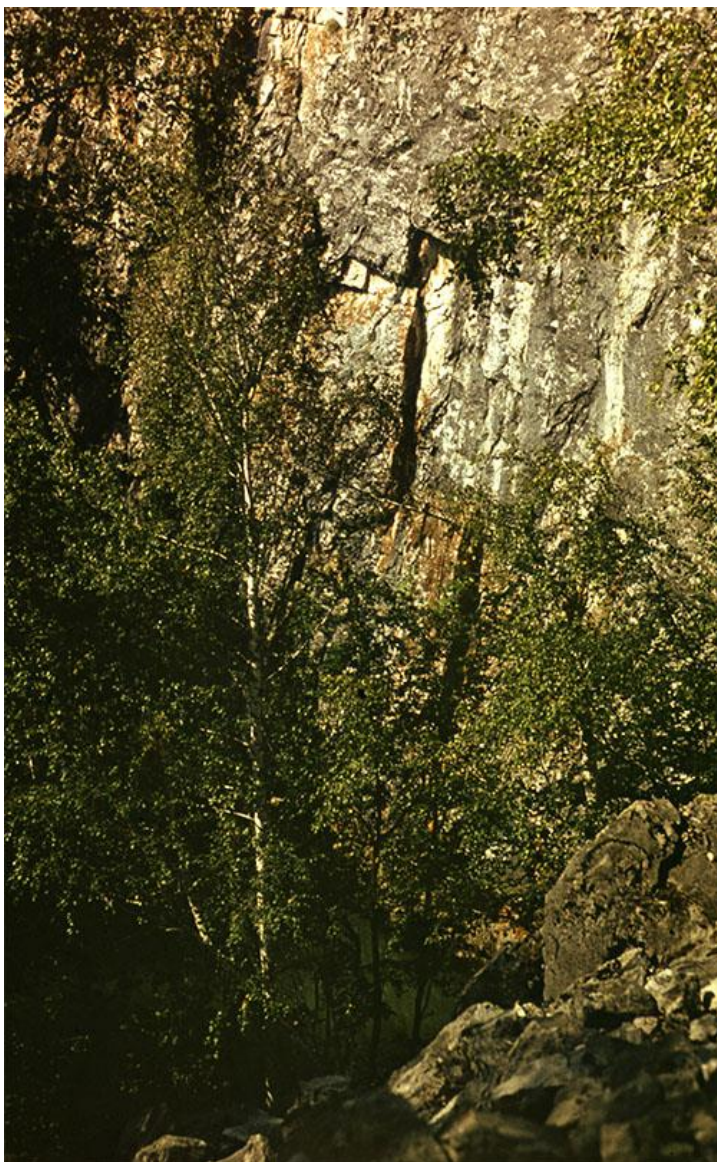
После ритуальных фраз выясняется, что они туристы-речники, сплавляются на плотах по Белой от турбазы «Агидель», что здесь примерно половина племени - человек пятнадцать, что вождь и предводитель толпы - инструктор и бродяга по имени Гриша.

Выясняется также, что про Сумган они кое-что слышали, но весьма немного. Узнав, что мы идем в Сумган, Гриша интересуется, можно ли слезть в него без специальной подготовки.

В ответ приглашаем всю компанию поприсутствовать на премьере и посмотреть, как это делается. Пижонство, конечно, но кто устоит перед искушением распушить хвост?

* * *

Расстаемся много менее эффектно. Нам пора на ферму, в Каньон, где, я надеюсь, уже тренируются ребята. Время к обеду, а завтра спуск.

Прощальный взгляд на Сукурай с осыпи – мы возвращаемся к Сумгану, август 1976 года.

ПЕРЕД ШТУРМОМ

Наши в Каньоне. Оказывается, еще и не спускались. А мы уже на Сукурай успели посмотреть!

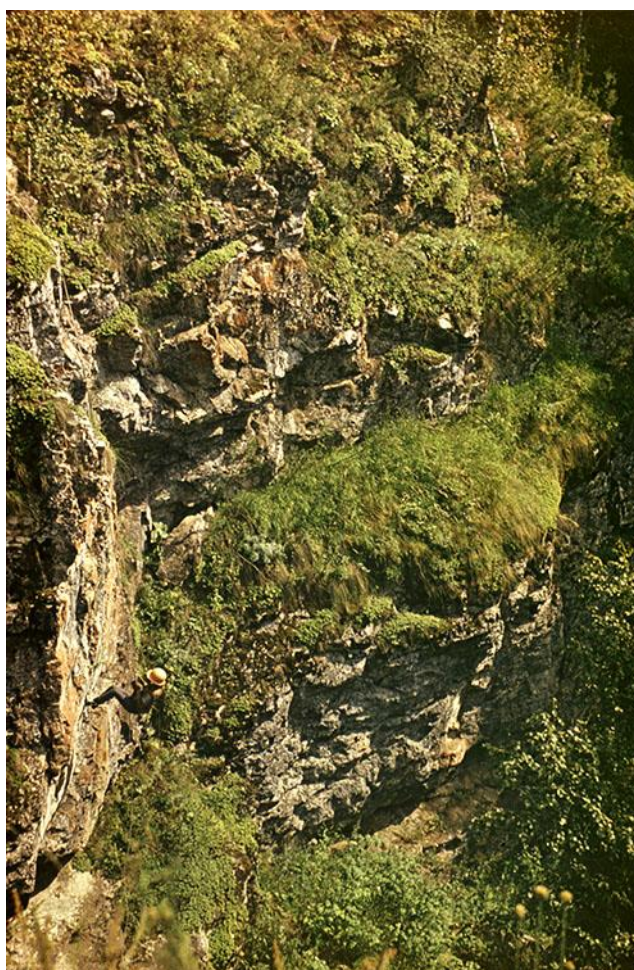
Пока идут первые спуски, мы со Сталактитом навешиваем противоположную от тропы 30-метровую стену с карнизом на половине спуска. Именно здесь в прошлом году я пережил наимприятнейшие минуты, когда под моим весом крученая веревка превратилась в центрифугу.

Мало по малу, втягиваемся в работу. Солнышко нажаривает не на шутку. Наверху жара, а на дне Каньона - исполинской провальной воронки, прохладно и сумрачно. Черные арки пещер. Классное место!

Второй день держится хорошая погода, а настроение у меня прескверное. Из-за ледника завтрашний спуск рисуется сплошной авантюрой. Хорошо, хоть погода отличная.

Эта провальная воронка, называемая нами Каньон, находится буквально рядом с понором Сумганского ручья и поражает грандиозностью архитектуры. На 20-метровой стене Гелена, август 1976 года.

Старается всю Серегу Костин. В красной футболке и синих штанах, он живописно смотрится на фоне серых скал и изумрудной зелени Каньона. Ясно, что четвертым вниз пойдет он.

А вот остальные члены нашей команды что-то не проявляют никакого рвения. Проведя по паре спусков, уходят на ферму Юрка с Андриюхой. Девочки уже давно там, так что вскоре в Каньоне остается только наша «штурмовая» четверка.

Все, положительно все мне не нравится.

Начиная с разговоров: только и речи, что о грибах, бане, рыбалке. Стоило ради всего этого тащиться в такую даль? Трудно, когда в группе нет общего стержня интересов.

«А на что ты, собственно, рассчитывал? — возражаю себе. — Что все вот так сразу возьмут и с ходу заболеют пещерами? Вот эти случайные девочки и случайные мужики? Хорошо, хоть Костин увлекся. Набрал себе команду, теперь не удивляйся».

— Эй, отцы командиры! — кричит Костин. — Жрать охота, ка-ак вы считаете?

— Время-то сколько? — отзывается Сталактит со своей веревки.

— Да дело к шести, — Гелена аккуратно поправляет рукав над часами. — Пора заканчивать.

— Пора, — соглашаюсь я.

Чего тут непонятного. Какое настроение на голодный желудок?

Сергея Костин на 30-метровой стене Каньона над тем самым карнизом, что годом раньше преподал нам урок «вертячки», август, 1976 год.

Завтра двадцать второе августа, завтра наш первый спуск в Сумган. Да еще ледник этот проклятый...

А может, я просто боюсь?

Распутываю веревку, чтобы уложить ее в рюкзак, и наблюдаю, как назойливо крутятся в мозгу невеселые мысли.

Почему сейчас, когда уже так близок миг, о котором мечтал, которого ждал целый год, я почти готов отказаться? Неужели элементарно боюсь?

— Ну и боюсь!

— Что? - спрашивает Гелена.

— Ничего, это я так.

* * *

Все равно завтра я пойду вниз — к этому загадочному леднику — и пойду первым. Так стоит ли сегодня так переживать, если все равно пойду?

Нет, не стоит. Конечно, не стоит...

Так что же тогда?

Просто я не уверен ни в чем... И в самом себе тоже не уверен. Я ведь вижу, что делается в группе. Юрка с Андреем решили для себя, что вниз не идут и расслабились. И я их прекрасно понимаю. Но сейчас никому из нас нельзя расслабляться. Ведь мы пришли работать одной командой, рассчитывая друг на друга...

Это так, но стоит ли психовать по этому поводу? Дело не в ребятах, дело в тебе самом! Признайся, что ты просто боишься Пропasti. И прошедший год не сделал тебя сильнее. Пока

Сумган был далеко, ты стремился к нему. И вот он рядом, он глянул тебе в глаза, и ты сник перед его величием.

Зачем же так резко?..

А как? Вспомни прошлый год. Почему ты не пошел в Сумган, когда вас звали Вовчик Свиштунов и Боб Крестин? Ты думал целую ночь, а потом встал пораньше, чтобы одному, без ребят, пойти к Пропасти. Одному легче - не надо никому смотреть в глаза.

Помнишь?

Помню, но зачем сегодня об этом?..

А чтобы знать. Ты пришел к Сумгану, и Боб Крестин сидел у палатки, копаясь с телефонами.

«Ну что, — спросил он, — идете?»

«Нет, — ответил ты, — ребята пока не готовы к таким пещерам».

«Понятно, — сказал Боб, — с ребятами понятно. Ну а сам-то пойдешь?»

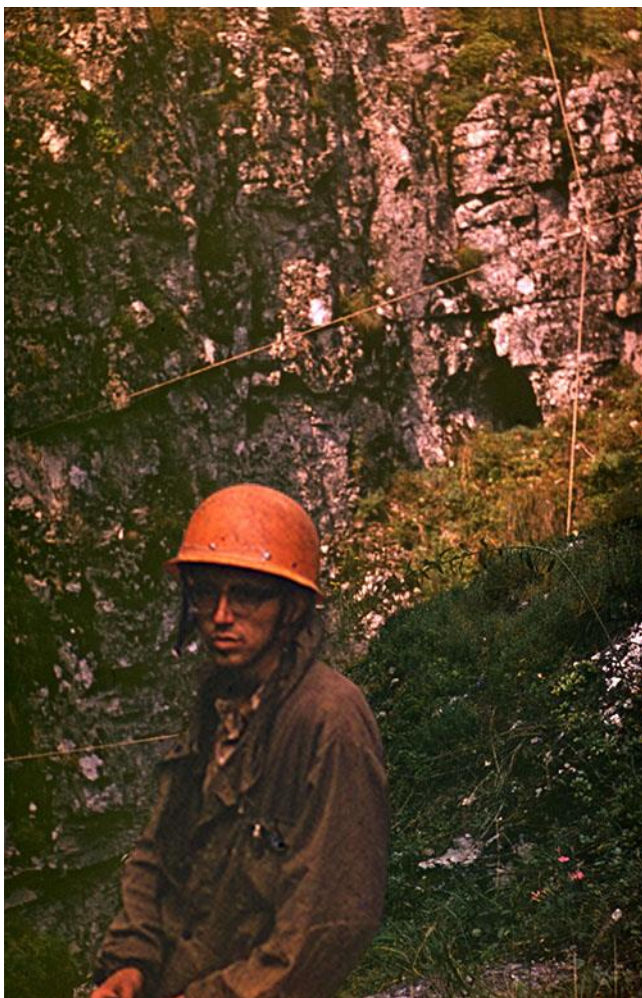
Боб-искуситель — он понял все так, как ты сказал: мол, не идем, потому что ребята не готовы. Ребята... Ну да — не ты сам, а ребята!

«А сам-то пойдешь?» — спросил Боб.

«Нет, — сказал ты. — Не могу ребят оставить».

Правду сказал?

Правду...

Правду, да не всю! Если бы сказал, что тоже не готов к такой Пропасти, это было бы честно. Сказал бы просто — мы не готовы. И все. А ты? Покривил душой. Слебезил. Я, значит, готов, но ребят не могу оставить! Герой, блин... А они не готовы, потому и я не иду. Позор!

Позор...

Но я болел Сумганом весь этот год. Болел своей трусостью, страхом своим, и этими словами тоже болел. Я пришел искупить.

Почему же я опять близок к поражению?

А просто мало, что изменилось! Время прошло, а ты — ты-то — все тот же!

Что ты сделал за этот год? Что? Ты лазил каждый день, тренировался, работал со снаряжением на больших стенах?

Да ты рогатку-то попробовал всего несколько раз!

Я работал, как мог... И не в этом главное. Я ведь сломал в себе робость перед первым шагом. Я решил вернуться — и вот я здесь.

И мне еще страшнее сейчас! Потому что в прошлом году были Вовчик и Боб, и на них можно было положиться с закрытыми глазами. А сегодня я один. И первый шаг за мной...

Один? Снова ты пуп в открытом поле! А Сталактит? И ведь Серега хотел идти еще в прошлом году! Рустэм не хотел, ты боялся, но скрывал, а он – хотел!. И пошел бы, если бы ты не решил все за всех и за него, в частности. Кто дал тебе это право?

Никто... Я сам взял его. И это тоже было трудно и, может быть, неправильно.

В том-то и дело, что сам взял и за всех решил. Командир, понимаешь. А помнишь, как болезненно переживал Рустэм твои заявки на лидерство в той экспедиции?

Но я был опытнее в походном плане, да и в подземном... Я десятки раз ходил в катакомбы, а Рустэм гораздо меньше.

А Рустэм, между тем, был у себя дома, в Башкирии! Это он – он привез первую карту Южного Урала и книжку про Сумган. Это он принимал вас у себя дома, и его папа организовал машину от Уфы до Юрмаша.

Это так... Но в Подземле я понимал больше. Потому что увлеченно занимался этим. И именно поэтому – а не из стремления покомандовать! – потянул одеяло лидерства на себя,. Вот только так неловко и малодушно сфальшивил тогда в разговоре с Бобом... Но – в итоге – получилось-то неплохо?

Получилось, как получилось. По-другому ведь уже не попробуешь.

Когда ты вернулся на ферму и сказал, что ходил к москвичам и отказался от спуска, все просто приобрело определенность. Сталактит весело расстроился, но... знаешь ли ты, что было тогда у него на душе? Гелена обрадовалась. И тебе полегчало. Ты избавился от одного груза и еще не знал, что взвалил на себя велико большую тяжесть! Вот только Рустэм, наверно, обиделся, что ты все сделал единолично.

Но, в конечном итоге, я сделал так, как считал нужным он, Рустэм... Рустэм высказывался против спуска. Верно?

И мы не пошли в Сумган.

А я потом болел своей слабостью весь этот год.

* * *

Ладно, это действительно так. Но вот, вот – оглянись! – все сделано!

Завтра можно идти в Сумган. Развязать чертов узел, ненароком затянувшийся по твоей слабости, поставить точку в сомнениях, разобраться в себе самом, наконец.

Неужели сдрейфишь и теперь? Даже не попытаешься?

Нет. Я ведь все же уже не тот, что год назад. Сейчас я готов к этому шагу. Вот только боюсь по-прежнему.

Но готов пойти.

Завтра.

Тогда не трусь, не мучай себя больше. Зачем тебе это?

Незачем, по большому счету. Просто когда-то приходит время назвать вещи своими именами и не кривить душой.

Полегчало тебе?

Не знаю. Утро вечера...

* * *

Пока готовится ужин, раскладываем на столе схемы Пропasti. Въедливо изучаем разрез. Нет там никакого карниза, на котором мог бы прилепиться злополучный ледник. Вот же напасть какая!

Может, это и не ледник вовсе? Тогда что?

И еще долго всматриваемся в линии картосхем, расплывающиеся в свете угасающего дня. Завтра они оживут перед нашими глазами воочию.

* * *

Ужинать устраиваемся в темноте. Речники-туземцы не обманули и правда нагрянули в гости. Сейчас их голоса доносятся с поляны за ручьем, где они разбивают палаточный лагерь.

Горит костер. Мечутся по лицам оранжевые блики. Настроение тревожное. Но после схем и карт меня потихоньку начинает разбирать боевой азарт.

— Серега, тащи гитару.

Глухо шумят под ветром деревья над костром. Струны отзываются на прикосновения пальцев, и сама собой приходит песня.

Пусть скажут о нас «чудаки»!
И пальцем покрутят висок,
Мы просто в ответ промолчим:
Что спорить, ведь путь наш далек.
Мы завтра уходим с утра
В пещеры сырой неуют,
Чтоб сразу забыть про вчера,
О тех, что не верят, не ждут.⁵⁶

Из темноты по одному возникают речники, рассаживаются вокруг костра.

Нас ждет тишина галерей,
И залов сторожкая тьма,
И в желтых лучах фонарей
Привал на холодных камнях.
Все крепче усталости груз,
На каске ударов следы,
Я в сердце своем сберегу
Пещерный таинственный мир.

Гитару берет Сталактит, и я чувствую, как во мне все отчетливее звенит тоненькая нотка решимости.

Закуриваем, и огненные точки сигарет вспыхивают красными зрачками вокруг костра. Разговор перепрыгивает с темы на тему. Мы, будто специально, избегаем касаться завтрашнего штурма. А я все более внимательно начинаю присматриваться к нашим нечаянным гостям. Почему бы нет?

А ну как подпрячь их завтра к работе во время спуска в Сумган? Народу много, если что – на «раз-два» вытянут, и пикнуть не успеешь!

Почему бы нет?

Дел-то! Повиснуть над шахтой и посмотреть вниз. Если ледник непроходим, перестегнуться на кулачки и выбраться наружу. Дел-то!

Но Боги Пещерные! Должно же нам, в конце концов, повезти?

Нет, пора по нарам и кости в куль...

Завтра вставать в шесть утра.

⁵⁶ Константин Б.Серафимов, «Пусть скажут о нас «Чудаки» или «Пещерный гимн», Москва, март 1975 года.

СПУСК

Ребята готовят завтрак, а мы готовимся к спуску. Перед домом на солнышке вырастает куча барахла, снаряжения, продуктов. Основная задача на этом этапе - ничего не забыть. Проверяем и упаковываем телефон. Заворачиваем в полиэтилен схемы. Упаковываем в спальный мешок фотоаппаратуру. «Украины», коробки с батарейками, связки веревок, карабины...

— Ребята, завтракать!

— Идем.

После завтрака одеваемся по-пещерному. У меня на этот случай припасена чистая фланелевая рубаша. Сталактит тоже что-то на себя натягивает особенное.

— Готово.

Взваливаем на плечи увесистые мешки.

— Вперед!

* * *

Мы идем к Сумгану. Настроение какое-то ирреальное. На все смотрю как бы со стороны.

Мы идем к Сумгану. 22 августа 1976 года.

А день стоит сказочный! Солнце жарит немилосердно. Мокнет спина под рюкзаком. А в голове вертится песенка, что пел вчера Сталактит:

Трещат кузнечики в саду,
Сегодня жаркий день,
Из жизни в сказку я иду,
И каска набекрень.
Из жизни в сказку я иду,
И каска набекрень.
А что кузнечики в саду,
Так это – дребедень!⁵⁷

Все дребедень! Есть только ты и солнце. И вот эта тропа, бегущая под ногами. И сопение идущих за тобой ребят с рюкзаками.

Пред всеми на виду
Шагаю я туда,
Где снова в сказку попаду
Без всякого труда.
Где снова в сказку попаду
Без всякого труда,
Скатилась каска в лебеду,
Так это ерунда!

А вот и Жаба...
И Дракон.

Солнце.
Солнце над Южной площадкой...

* * *

На площадке становится тесно. Расшнуровываем рюкзаки. Мужики навешивают страховочную веревку, проверяют растяжки. Я вожусь с телефоном. Забиваю крюк в обрубок березы на краю, навешиваю на него катушку с проводом. Его мне придется тащить за собой.

Страховочную веревку перекидываем через ролик, подвешенный скользящим карабином к восточной растяжке. Туда же отводим телефонный провод. Спасти меня от вращения при спуске может только правильный угол между основной и страховочной веревками.

Подходят речники. Мы их гоним с края, приспособливаем к страховке, к телефону. Народ рассыпается вокруг Сумгана. У наших на штормовках красные летучие мыши, мы их рисовали два дня назад уже на ферме. Но постепенно жара заставляет раздеваться, и вскоре на первый взгляд уж не отличишь: кто наш, кто чужой.

Я же, наоборот, одеваюсь. Мягкие мои «скальные» штаны, рубашка, сверху голубой обтягивающий свитер с фирменной буквой «F» на груди, затем черный комбинезон. Зашнуровываю трикони – тяжелые горные ботинки с металлическими шипами на подошве. В них тепло, и они хороший противовес моим раскаленным мозгам. Ну и солнце!

Потихоньку становлюсь похожим на нечто космическое. Жарко во всей этой сбруе!

⁵⁷ Владимир Баганов, «Солдатская песня»

Теперь обвязка из моей любимой короткой стропы. Беседку затягиваю изо всех сил. Если сползет на поясицу, можно заработать неприятности.

Так. Поверх всего этого «Украина»: аккумулятор на ремне, лампа на каске. На голову шерстяной монтажный подшлемник с наушниками телефона. Вот же жара!

Подвязываем микрофон.

— Раз, раз!

Связь есть. Удивительно!

Каска моя старая, самая первая, в которой я впервые пошел под землю в подмосковные Сьяны. Красная монтажная каска.

На Южной площадке у Пропасти готовлюсь к первому спуску, ребята ассистируют: сидит Ланка, далее слева Гелена, Андрюха и Костин.

В правое ухо бубнит голос:

— Как слышно? Как слышно?

— Нормально.

Хотя вообще-то я глохну...

Ребята вытягивают на край основняк, подают конец страховочной веревки. Пристегиваю к себе карабин страховки:

— Страховка?

— Порядок!

На страховке приматывается Сталактит, пристегивается к березе, рядом еще кто-то.

— Водички? Водички глотну. Что? Плохо слышу. По телефону. А! Вот так хорошо.

Я спокоен.

Я на все смотрю со стороны.

* * *

Прицепляюсь на рогатку, накидываю два витка веревки на рога и сажусь на скалу метрах в полтора от края. Основка сильно тянет в пропасть. Ребята ее держат.

Андрюха приносит сигаретку. Это болгарский «Феникс». Интересно, откуда? От речников, наверно. Дым почему-то кажется горьким. Затягиваюсь без удовольствия.

Настроение отличное.

На все смотрю со стороны.

Пора.

— Страховка?

— Есть! – в голосе Сталактита обычная уверенность.

— Держать вытяжку!

Вытяжная веревка пристегнута к основке выше моей рогатки, и за нее держат меня трое или четверо. Иначе я упаду с края и буду падать, пока не натянутся растяжки и основняк. Замечательная перспектива...

— Ну, я пошел.

Гелена говорит, чтобы я не волновался.

Не до того.

Я ведь на все смотрю со стороны.

Сижу на краю перед самым первым в моей жизни спуском в Сумган: хорошо видны наши крученые супер-веревки (вверх и за край – основная, вправо из-под локтя, страховочная, назад – тоненькая, по сравнению с главными, вытяжная веревка. И в добавок к этой паутине двужильный телефонный провод – военно-полевого у нас тогда не было. В общем, было, в чем запутаться), 22 августа 1976 года.

Потихоньку, на боку, сползаю вниз. Проклятая «Украина» цепляется аккумулятором за камни. Сзади на карабине позвякивают кулачки, висят «прусики»⁵⁸ – как бы не зацепиться!

Еще немного и я свалюсь...

— Жестче оттяжку! Вот так.

* * *

⁵⁸ Прусики – связанные из шнура кольца для вязки схватывающих узлов на стременах для подъема по веревке и самостраховки.

Скала уходит. Зависаю у стены. Рогатка держит отлично. Смотрю вверх на узел растяжек, и небо плывет над головой, пока меня медленно выпускают, выводят на центр. И плывут, слегка опрокидываясь, стены.

Зависаю лицом на запад. Правую ногу режет ремнями беседки. Пробую переместить точку подвески, ерзаю на веревках, устраиваясь. Вот теперь другое дело! Можно висеть. Говорю в телефон:

- Как слышно, наверху? Как слышно?
- Хорошо, хорошо.

Пока это только игра, все слышно и без телефона.

- Ну что, я спускаюсь?
- Подожди.
- В чем дело?
- Страховка соскочила с блочка⁵⁹, может застрять. Ты повиси пока, мы посмотрим.
- Ладно.

Смотрю вниз. Отсюда, с центра колодца, видно значительно больше. После солнечного света взгляд не сразу пробивается в полумрак шахты. Но зрелище захватывающее.

Глубоко-глубоко вниз уходит тонюсенькая ниточка веревки – совсем рядом с полкой на южной стене.

Так... Отчетливо вижу кольца веревки на белом теле ледника. И этот ледник перекрывает всю шахту.

Погоди, погоди...

Перекрывает всю шахту? Но это невозможно!

Значит, ... дно?

* * *

Треск в наушниках, голос Андрюхи:

- Слушай, сейчас будем тебя вытаскивать.
- Что случилось?
- Надо перевязывать страховку. Пропустим ее вместо блока через карабин.

Надо, так надо.

— Давайте!

Страховочная веревка натягивается и сильно тянет за грудную обвязку. Раскачиваюсь посередине шахты, медленно приближаясь к южной стенке.

— Эй, черти! Тише тяните страховку!

Они меня прямо подвесили на грудной обвязке...⁶⁰

⁵⁹ Этот массивный блок-ролик мы нашли в 1975 году в железном сундучке – в гроте «Старого пирата», расположенном в соседней воронке, примыкающей к Южной площадке со стороны березы. Кто и когда сделал этот тайник?

⁶⁰ Крепление страховочной веревки за грудную обвязку, «кулачки», рогатки... В этих мелких подробностях видна вся та эпоха в советской вертикальной спелеологии ☺. Конечно, нашего уровня, но и ведущие спелео-коллективы страны тогда не слишком обгоняли нас в плане снаряжения.

Осыпая камни, выбираюсь на край площадки. Меня распирает от новостей.

— Ребята, что я вам скажу!

— Потом скажешь!

С суровыми лицами мужики оттаскивают меня подальше от края. Сажусь на камни.

— Да послушайте же! Это не ледник. Это дно!

По физиономии Сталактита вижу, что сейчас в Сумгане раздастся грохот от рухнувшего с его души камня.

На лицах расцветают улыбки.

Кто мог подумать, что будет такая хорошая видимость? Такой чистый снег на дне?

Кто бы мог подумать!

* * *

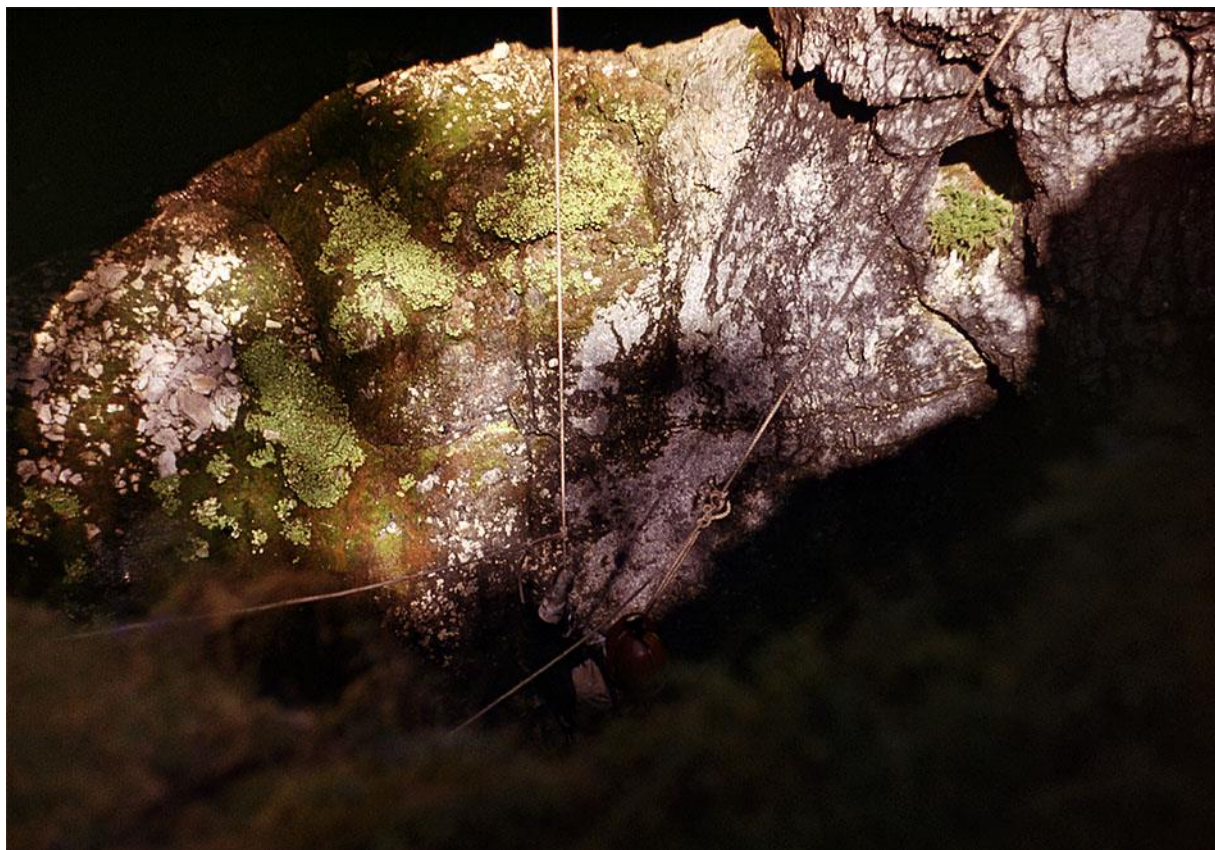
Пока перевязывают страховочную веревку, сижу на краю и с волнением слежу, как пытаются порвать телефонный провод.

Солнце перевалило за полдень. На часах 13.00. Наконец, страховка готова.

Еще раз осматриваю все «хозяйство».

— Пошел.

Сползаю с края и снова зависаю в центре колодца. На этот раз это получается гораздо быстрее и спокойнее. Под моим весом растяжки здорово проседают, и я уже в тени. Только на северной стене - справа и выше меня, всеми цветами радуги играют в солнечном свете лишайники. Снизу несет прохладой.

22 августа 1976 года. Начинаю свой первый спуск в Сумган.

А каков узел на страховочной веревке?! ☺

- Начинаю спуск?
- Давай.

Снимаю петли веревки с рогов рогатки. Трение сразу ослабевает, и я начинаю медленно скользить вниз.

Стены ползут вверх. Они как бы расступаются передо мной. То, что сверху казалось метром, вытягивается в целых пять.

Верчу головой. Осматриваюсь. Колоссальное зрелище! Сзади теперь хорошо просматривается устье второй шахты. И замечательная, метров в десять-пятнадцать длиной, голубая сосулька над ней. Я уже на ее уровне.

Та самая сосулька высоко над Второй шахтой. В иные года достигает пугающей массы и длины. Вид с уровня Южной полки, сентябрь, 1977 год.

Потрескивает в наушниках:

— Ну как?

— Ох, и красотища! — голос глухо отдается в колодце.

Вот и Южная полка. Прохожу от нее метрах в пяти. Здесь еще виден зеленый мох — хватает света сверху: последний островок зелени в колодце.

Веревка идет мокрая и холодная. Это хорошо: не очень греется от трения рогатка, не оплавит капрон.

Так... А это уже неприятно. Справа от меня в северо-западном углу шахты прилепились к стене два висячих ледника центнера по полтора весом каждый.

Хорошо вижу, как с них сочится и сыплется капельными струйками талая вода.

Ха! Да я уже близко. Снежный бугор на дне — прямо подо мной. Практически мы не промахнулись с навеской! Впрочем, веревки хватает с запасом. Это в 75-м мужики подпрыгивали за концом рапели.

— Эва! Я уже почти приехал!

— Молодец! — узнаю в наушниках голос Гелены.

* * *

Последние метры, и я на дне. Смотрю на часы: спуск занял 12 минут. Неплохо.

Особенно если вспомнить, как в прошлом году Вовчик спускался сюда на «бахманах»⁶¹ 45 минут. Правда, за ним Крестин сквозанул на «пожарнике»⁶² за три с половиной минуты, но, похоже, ему это не очень понравилось.

Внизу светло. Гигантские голубоватые стены отвесно уходят вверх, к неимоверно далекой груше голубого неба. И, если приглядеться, видны пересекающие ее золотистые от солнца паутинки растяжек.

Вот они – паутинки растяжек над Пропастью.
Вид из ниши Идола на северную стену. Август, 1976 год.

— С приездом! — поздравляю себя.

Топчу нетронутый снег на бугре, отстегиваюсь от страховки, снимаю с себя и цепляю на страховочный карабин все спусковое снаряжение⁶³. Оглядываюсь. Вокруг в основаниях стен чернеют арки входов. Оттягиваю телефонный провод в юго-западную нишу. В ней хоть не тянет сквозняком. А вообще, как сказал бы Вовчик - свежеповато!

— Я в Сумгане!

Не доходит...

— Я – в Сумгане!!!

⁶¹ Узел Бахмана – вид схватывающего узла на карабине, который использовался для подъема и даже спуска по веревке до изобретения механических зажимов, называемых нами тогда «кулачками».

⁶² «Пожарник» - особый торзящий узел на карабине, известный в разных странах как «Итальянская петля», «Петля Мунтера» и «Узел УИАА» - в постсоветском пространстве.

⁶³ Вот так ходили – пара комплектов спуско-подъемного снаряжения на всех. И почему? Ведь было на всех...

...Я смотрю на все со стороны.

— Эва-а! - ору верх. — Наверху-у! Я готов. Выбирайте страховку!

Веревка с прицепленным на нее снаряжением медленно уплывает к небу.

Я – в Сумгане.

Кто следующий?

* * *

Отхожу в юго-западную нишу, врубаю фару, осматриваюсь. Луч бежит по влажным серым стенам и утыкается в бревенчатого Идола⁶⁴ в глубине тупикового грота. Перед ним на полу следы маленького костерка – кто-то пытался согреться. Или шаманил.

Пачка из-под «Шипки». Не прошлогодняя ли?

А вообще, это идея - надо закурить!

Идол Сумгана стоял раньше на дне Основной шахты в юго-западном ходе, названном нами Гротом или Нишей Идола. На самом деле ход кольцевой, только продолжение его в окне в нескольких метрах вверху. 1976 год.

Связь работает нормально. В 14.30 мне сообщают, что Гелена начинает спуск. Из ниши с Идолом я ее не вижу, но характерный свист камней, с шипением бьющих в снег перед моим убежищем, говорит, что информация достоверна.

⁶⁴ Теперь этот Идол, олицетворяющий Бога Сумгана, стоит в галерее Метрополитен, ведущей к Актовому залу со стороны Зала Кубиков – недалеко от традиционного места для палаток на выходе в эту галерею Большого Кольца.

Прячусь поглубже. Дубею. Жду.

И куда жара подевалась?

Сверху доносится Геленкин голос: перекрикивается с верхом. Наглядная иллюстрация того, что высокие звуки под землей слышнее, чем низкие. И лучше всего слышен свист. Любой. Кроме свиста приближающегося камня...

Камнепад затихает, и через некоторое время решаю выглянуть. В голубоватом туманном освещении - высоко еще - паучок на веревочке.

— Эва?

— Эва! — отзывается Гелена.

Выхожу встречать. Вкруг снежного бугра масса «посторонних» предметов: бревна, щепки, прелые листья, еще зеленая березовая ветка.

Что-то привлекает мое внимание - у самых ног, резко контрастируя с зимним окружением, лежит пучок колокольчиков. Их много растет на краю пропасти, на отвесных скалах вокруг нее.

Привет далекой Земли.

Помогаю Гелене отстегнуться от веревки и преподношу ей «пещерный» букетик:

— Даме – цветы!

* * *

Начинают спускать груз, и мы прячемся под своды. Спускают со свистом. Едва успеваем оттащить в грот Идола рюкзаки, тюки со спальниками и палаткой, связку кольев для нее, ледорубы и так далее, и тому подобное. Время от времени сверху летят «подарочки». Уходим глубже под своды. От греха.

Но вот мешки кончаются, и сверху буквально сваливается Сталактит – время на спуске 4 минуты!

Я уже два часа в Пропасти и успеваю изрядно задубеть. Принимаю согревающие меры: танцюю «Мгангу»⁶⁵, и трикони тяжело бухают в тишине.

Оставив Сталактита встречать Костина, мы с Геленой, как «старожилы», отправляемся на разведку в северо-западные ходы. Заодно и согреться.

Вылизанный водой пол уходит вниз. Стены покрыты кальцитовый корочкой цвета кофе с молоком. В выемках пола – хрустальной чистоты лужи. Порой о их существовании догадываемся, только наступив. Местами можно утонуть по колени, но мы пока удачно избегаем этого удовольствия. Развилка. Сворачиваем вправо. Однако через несколько метров останавливаемся перед озерком, заполнившим ход от стены до стены. Приходится упереться ногами в одну стену, руками в другую и на распорах перебираться на противоположную сторону. Скользя лучом по стенам, спрыгиваю на натечный пол, поворачиваюсь на сухом пятке и... невольно отшатываюсь.

Луч вязнет в непроглядной тьме, тускло освещая напротив – вдалеке – туманную стену гигантского зала. Я стою на узкой – метра полтора, площадке, за которой ход обрывается в пустоту. Осторожно выглядываю в «окно». До пола метров пятнадцать. Завороженно стою на краю. Чуть не получилось как в том старом пещерном анекдоте:

«Ребята! Я нашел колодец! ...одец!! ...о-одец!!!»

⁶⁵ Мганга – танцуется исключительно в триконях. По утверждению Сталактита Брыкина - согревающий танец конголезских папуасов – именно Серега привнес этот бессмертный ритуал в нашу группу в 1975 году. И что интересно – реально согревает! На самом деле мганга – африканский музыкальный инструмент, он де калимба.

Тем же порядком перебираюсь назад и обнаруживаю Гелену с изрядно подмоченной репутацией – умудрилась-таки наступить в воду. Отсылаю ее под колодец переобуваться, а сам продолжаю исследования.

Левый отводок снова приводит к окну в огромный зал. Масштабы этой полости меня ошеломляют. Стою, как на балконе, упираясь коленями в белоснежный парапет. Вниз, вверх, во все стороны уходит мрак.

Похоже, на северо-запад нам не пройти.

* * *

Наша команда в сборе, и мы вчетвером углубляемся в зияющие чернотой арки северной стены. Здесь система солидной. Ходы ветвятся, выкидывают щупальца низких глинистых лазов, но, как правило, либо выходят окнами в тот же великанский зал, либо выклиниваются непроходимыми щелями, либо обрываются обледенелыми колодцами во вторую шахту.

Возвращаемся перекурить к главному колодцу. Здесь еще светло. У наших ног на каменном туре размокшая фанерка с именами первопроходцев БГУ.⁶⁶

— Однако, — размышляю я вслух, — куда же подевался проход? Не из окон же спускаться?

— Может, его завалило? — предполагает Костин, окутываясь клубами синего дыма.

— Это тебе что, катакомбы?

— А может, снегом.

— Тот вон ход видели? — Сталактит показывает на Южную стену.

— Где?

— А вот, за снежным бугром.

— За бугром?

— Надо посмотреть.

— Последний шанс.

— Бросьте, мужики! Все же как-то ходят...

Переговариваясь этак, огибаем снежный бугор и спускаемся к невысокой арочке в основании южной стены. Влево снежный склон заваливается ко второй шахте, и это напрягает.

По одному входим под своды, пролезаем под расклиненной в проходе глыбой и попадаем в узкую, но вполне проходимую галерею, пол которой полого идет вниз. Трикони громко скребут по натеку. Пропуская ответвления, следуем главным ходом. Потолок повышается. Распрямляем спины. Затем в глубоком приседе пробираемся под резким понижением свода, встаем, резкий поворот влево, арочка и...

Мы в огромной пустоте подземного зала!

Стены разбежались в стороны. В них, высоко под потолком, чернеют окна - не отсюда ли мы выглядывали?

Потихоньку идем по засыпанному обломками камня полу. Слева над осыпью – огромная глыба: высотой в десяток метров кубик на тонкой ножке, стоит, слегка наклонившись в сторону зала.⁶⁷

⁶⁶ Башкирского Государственного Университета. До сих пор не могу себе простить, что не сфотографировал тогда эту табличку! И ведь нашли варвары, ее уничтожившие...

⁶⁷ Этот «кубик» носил имя Слон, откуда и пошло название зала, край которого он украшает.

- Вот грохнется!
- Не грохнется. Небось, тыщу лет стоит.

Голоса раскатываются эхом. Идем вперед. Метров через тридцать выходим на некое подобие тропы, протоптанной на глиняном полу. Вдоль левой стены тропа поднимается вверх. Справа зияют черные арки и окна замысловатых конфигураций, откуда-то доносится журчание воды и звон капли.

Масштабы этого зала поражают и как-то придавливают. Невольно хочется говорить в полголоса.

Наша тропа взбирается вверх по глиняному откосу. Перебираемся через несколько кубических глыб, снова глина. Галерея под прямым углом поворачивает вправо и расширяется метров до десяти. Пол начинает понижаться.

- Эва! Кажись, пришли.

Слева – ниша в стене. Сложенный из плитчатого камня стол, деревянные лавки. В глубине ниши виднеется невысокая арка – ход.

- Лагерь!
- Точно лагерь. Насколько помню, впереди у нас Актальный зал.
- Посмотрим?

Гулко топая по утрамбованному глиняному полу, идем вперед. Галерея ведет вниз, все больше расширяется, потолок, едва снизившись, снова округло взмывает вверх. Фонари мечутся, пытаясь пробить все более удивительные расстояния.

Боги Пещерные, мы в Сумгане!

* * *

Оставляем слева объемную, круто уходящую вверх галерею. До потолка тут гораздо больше десяти метров. Похоже, это начало хода под названием Большое кольцо. А мы, однако, – в Актальном зале.

Выходим на Трибуну – полутораметровый уступ, разделяющий зал на две неравные части. Видимо, отсюда и название – Актальный. Правомернее было назвать эту часть зала Сценой. В «партере» сильный шум падающей откуда-то с высоты обильной капли.

- С грохотом спрыгиваем с Трибуны вниз.
- Ну и масштабы, мужики!
- Только ради этого зала стоило лезть...

В Актальном прохладно. Справа озеро, в край которого с потолка бьет мощная капля. Дальний его край уходит в две черные арки, присевшие над самой водой. Куда они ведут?

Слева тянет ветром. В эту сторону зал постепенно снижается, и пол его заваливается куда-то вниз, по описанию – явно в устье колодца. Оттуда валит пар, заволакивая туманом прилегающую грандиозную архитектуру пещеры.

Мы не подходим близко. Достаточно того, что в колодец падает ручей, вытекающий из озера в правой части зала.

— Ребята! — голос Гелены подвергается наименьшему искажению причудливой акустикой пещеры. — Пора бы лагерь ставить.

Делать нечего, надо.

В 20.00 первый сеанс связи, да и перекусить бы не мешало.

* * *

Пыхтя и чертыхаясь, таскаем увесистые мешки и тюки в зал. Где же поставить палатку? Недалеко от Трибуны находим еще одно место стоянки – на полу толстый слой слежавшегося влажного сена.

— Ну что, здесь встанем?

— Да вы что? Тут же холодина!

Действительно, тянет здесь жутко.

— Зато – сено.

— Эка невидаль, — Сталактит ворошит сено носком ботинка. — А мы его перетащим.

Сказано сделано. Расстилаем полиэтилен, сгребая на него сено, и Серый Сталактит, как невиданное чудище, тащит здоровенный тюк вверх по галерее к нише с лавками.

Ставим палатку и добрым словом поминаем Андрюху, нарубившего столь мощные колышки – даже они с трудом входят в плотную, как асфальт, глину галереи.

Но вот наш брезентовый дом стоит, и лагерь сразу приобретает жилой и уютный вид. Раскладываем снаряжение, определяем место для кухни, устраиваем склад продуктов.

На душе легко и весело - впервые за последние дни.

Наш подземный лагерь традиционно стол на выходе Большого кольца в галерею Метрополитен: брезентовая палатка, каменный стол, деревянные лавки...

Заправляем примусы. Проказник «Шмель» озирается в поисках очередного стожка, но, не найдя, сразу же берется за дело, оглашая галерею басовитым гуденьем. Рядом голубым пламенем фырчит старичок «Турист».

Пока мы с Геленой занимаемся ужином, парни уходят на связь.

И долго еще перекачивается под сводами эхо их тяжелых шагов и звон щебня.

* * *

- Ух ты-ы, какие запахи! — тянет носом Костин.
- Садись, мужики, сейчас созреет. Какие новости?
- Пришла еще одна группа.
- Да ну? Откуда?
- Из Москвы. Будут завтра в 12 спускаться по нашей навеске.
- Ну что ж, интересно!

Отяжелев от содержимого котелков и всласть нахрустевшись сухарями, тянемся за куревом. Гелена морщится и покидает нашу компанию.

После сытного ужина, как обычно, разбирает смех. Замечали?

Дикое эхо мечется под сводами. Наш хохот разносится по пещере совершенно невообразимыми звуками.

— Мужики! — давится от смеха Костин. — Чур, уговор ночью не храпеть. Тут от страха помрешь!

- И не чихать – заикой сделаете!
- И не икать!..

* * *

...Есть такой пещерный ритуал – «Охота на мамонтов».

* * *

После «охоты» забиваемся в спальные мешки. Несколько минут ожесточенной борьбы, барахтанья, сдавленных воплей и переругиваний в полголоса⁶⁸. Наконец, все стихает, и становится слышно, как где-то в глубине пещеры падают капли: плюк! плонк! пленкс!

- Во, музыка, — хрипло шепчет Костин.
- Не ставьте лагерь у бегущей воды... — вещаю я в том же диапазоне частот.
- А говорят, тут какая-то живность водится, — говорит Сталактит. — Продукты тибрит.
- А Крестин в прошлом году мышу в спальнике поймал.
- Здесь, в Сумгане, что ли?
- Ну!
- Что ж они тут жрут?

Некоторое время мы молчим, соображая.

— Трупы! — мрачно выдает Сталактит.

Начинается черный юмор.

— Мало ли тут ходит нашего брата, — вздыхает Костин

Наконец, Гелена не выдерживает:

— Спать сегодня будем или нет? То пихаются полчаса, то разговоры у них. А завтра, между прочим, в 9 связь.

Затихаем. В кромешной темноте плывут перед глазами голубые блики

...Плонк! Плюк! Пленкс!...

⁶⁸ Спали-то по двое – для облегчения веса снаряжения, и даже могучие геологические спальники требовали некоторой гибкости организмов.

БОЛЬШОЕ КОЛЬЦО

Открываю глаза - никаких изменений. Все едино ни черта не видно. В спальнике тепло, сопят ребята. Интересно, сколько сейчас «на башне»?

Когда ложишься спать в подземном лагере, главное запомнить, что куда положил, пока не выключен последний свет. Рассвета не будет.

Высвобождаю из спальника руку и шарю за головой – где-то здесь был фонарь.

Ага! Вот он.

Луч света вспарывает темноту. Без двадцати восемь. До связи еще больше часа, но спать уже не хочется. Ведь мы в Сумгане!

Как могу осторожно выбираюсь из спальника. Народ начинает было недовольно ворчать, но, почувствовав свободу, быстренько раскатывается на мое место и затихает. Массам, главное, сунуть кусок!

Снаружи свежеповато. Полиэтиленовые пленки, которыми мы накрывались поверх спальников, все в мельчайших капельках воды. Натягиваю на себя комбинезон, каску, трикони. Оглядываюсь. Спасаясь от желтого света моего фонаря, во все стороны убегает тьма. Беру котелки и топаю вниз по галерее.

Да еще как топаю!

Чем ближе к Актовому, тем холоднее. Из рта идет пар.

— Воочию, — говорю я вслух, и эхо немедленно принимается играть моим голосом. — «Температура в пропасти и летом не превышает 2-6 градусов по Цельсию», — цитирую по памяти. — Дубак, одним словом.

Есть что-то особенное в том, чтобы бродить по пещере одному. Необычная яркость и цельность восприятия.

С грохотом прыгиваю в Партер и подхожу к капели. Ее звук удивительно мелодичен. Стараюсь поставить котелки под самый густой «душ» и быстренько ретируюсь – задержишься, и мигом промокнешь до

Пока посуда со звоном наполняется холоднющей водой, рассматриваю гальку под ногами. Она очень необычная: все камни покрыты вековыми кальцитовыми корками так, что образовались громадные: с кулак, больше и меньше, «жемчужины». Некоторые из них уже покрыты мелкими вторичными наростами, шариками брызговых кораллитов. Другие, некогда расколотые пополам, образуют прекрасные «пепельницы» – вогнутые с одной стороны половинки кальцитовых кор, некогда покрывавших кремниевое ядро.

Со стороны Туманного колодца несет пар. В стене напротив Трибуны чернеет несколько окон. Все это очень внушительно!

Особенно, когда ты в пещере один.

И в какой пещере!

* * *

Актный зал Сумгана во всей удивительной красе, фото сделано позже, зимой 1980 года.

Меню у нас стабильное: на первое рожки с тушенкой, на второе какао, на третье сигаретка. Сухари в ассортименте. Но все прекрасное когда-нибудь кончается.

Пора выходить. Вставляем свежие смены батареек в фонарики, собираем фото-сумку. Вспышка после «Четверки» оклемалась – просохла, видимо.

Собравшись в кружок у стола, раскладываем схему Верхнего яруса. Сегодня мы хотим сходить на Большое кольцо.

И вот задуваем свечи.

— Вперед!

Большая арка в левой стене Актового зала открывает галерею с круто восходящим вверх полом. С каждым нашим шагом вперед и вверх она как бы сплющивается в вертикальном направлении. Стены все также далеко, а потолок все больше снижается, заставляя нас лавировать по фарватеру с более высоким потолком, потом согнуться, и вот мы уже взбираемся почти на четвереньках.

— Ребята, ушанчик! — Гелена восхищенно высвечивает маленькое серое существо, прилепившееся поспать в выемке потолка – летучая мышка, ушан, прозванная так за большие изящные уши-локаторы. Мышка дрыхнет вниз головой, не обращая на нас никакого внимания, но ушки уже подрагивают: чует!

— Давайте сфотографируем!

— На обратном пути. Еще и не прошли ничего, а уже останавливаться?

Наивные, мы еще не знали главного правила подземного фотографа: фотографируй, когда увидел, не оставляй на потом – «потом» чаще всего уже не бывает.

Лезем вверх, скользим по глине и не успеваем наперебой восхищаться натечками. Желтые, будто от времени, сталактиты, толстенькие сталагмиты, массивные колонночки сталагнатов, натечная кора покрывает пол у стен. От нас уже валит пар, застилая видимость.

Эверест. Так называется эта 40-метровая глиняная гора. Ни дать, ни взять!

Уклон все возрастает, потолок уже в полуметре от пола, и стены сошлись. Трикони забиты напроць, тяжелая фотосумка волочится по глине, но мы уже один за другим вползаем в неширокий глиняный лаз. Вершина?

Лаз на вершине Эвереста на Большом кольце Сумгана

Это потом мы обратим внимание на странное строение этой глиняной горы с каменным потолком, позже родятся гипотезы ее происхождения, а пока мы ступаем по неведомой для себя земле.

И страшно хочется узнать что там, впереди?

Вершина! Отдуваясь, собираемся на небольшой ровной площадке. Отсюда такой же неширокий лаз круто катится вниз, быстро расширяясь и вырастая в объемную галерею. Катимся вниз на пятых точках, удивляясь растущим прямо на глине палкообразным и пальмовидным сталагмитами. Некоторые из них достигают метровой высоты! А галерея все расширяется и повышается, и вот мы стоим в рост и шарим лучами фонарей в обширном пространстве. Проспект!

«Проспект Геофака БГУ».

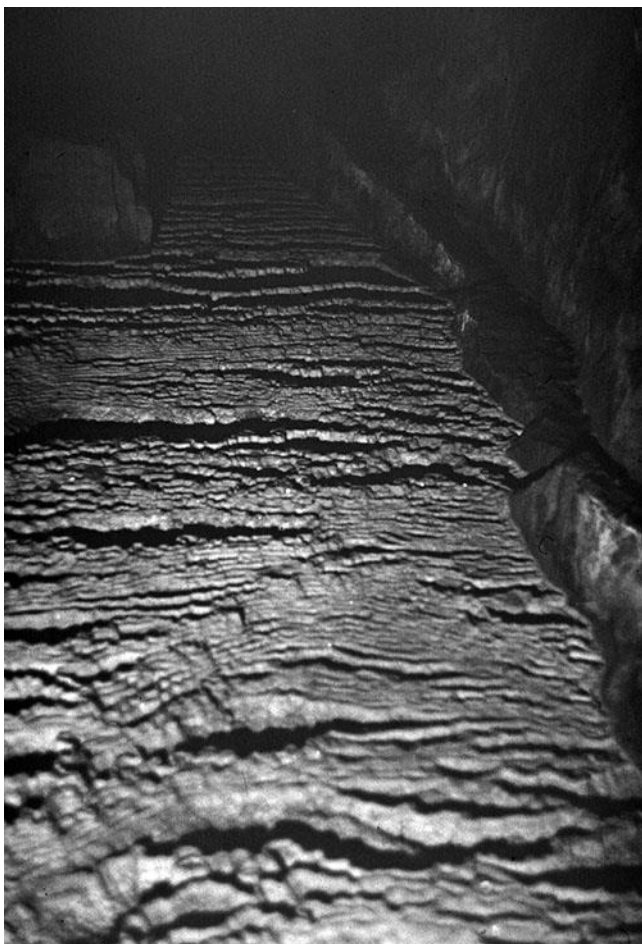

Проспект Геофака БГУ – самая внушительная галерея Верхнего яруса Сумгана, круто ниспадающая с вершины Эвереста (реставрировано из оригинала неизвестного мне *Djon Smit*). Слева вдоль стены гуровая река, некогда белоснежная...

— Смотрите! Смотрите!

Слева из-под стены «вытекает» каменная река. Ее белоснежные струи застыли, будто заколдованные. Мы не в силах сдержать восхищенных междометий. Потрясающие кружева гуров – кальцитовых плотин-барьеров, исчезают во тьме впереди. Но нигде ни капли воды. Сухо.

Устремляемся дальше вниз вдоль белоснежной реки. Посередине галереи горбом высокий глиняный гребень – след деятельности воды в неведомые времена? Идем по нему под все повышающимися сводами.

Влево уходит ответвление галереи. Видимо, это вход в «Змеевик». У развилки галерея достигает максимальных размеров. Здесь довольно тепло и сухо. На глиняном холме следы стоянки.

Неужели это лагерь первопроходцев из БГУ, о котором мы читали в книжке? Они думали, что пещера продолжается в этом направлении, и перенесли лагерь для дальнейших исследований в эту галерею, чтобы не таскаться каждый раз через Эверест. Увы, галерея оказалась кольцом.

Правда, Большим Кольцом – протяженностью более километра.

Сухая гуровая река Проспекта Геофака сверкает причудливыми кружевами кальцитовых плотин в искорках мельчайших кристалликов, август 1976 год.

По стенам «Геофака» то здесь, то там струятся сахарные натечные каскады, искрятся влажными бликами в лучах фонарей.

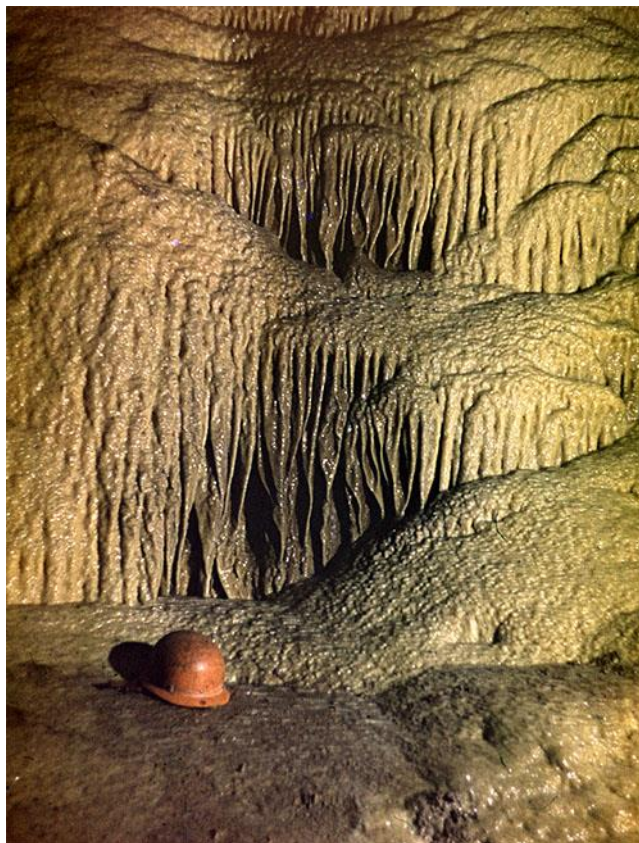
Идем и наперебой «узнаем» новые места. Кажется, что мы уже тут были - перед глазами оживают слайды, сделанные в прошлом году группой Вовчика.

И самое удивительное, что все это великолепии можно потрогать, сфотографировать и даже лизнуть языком!

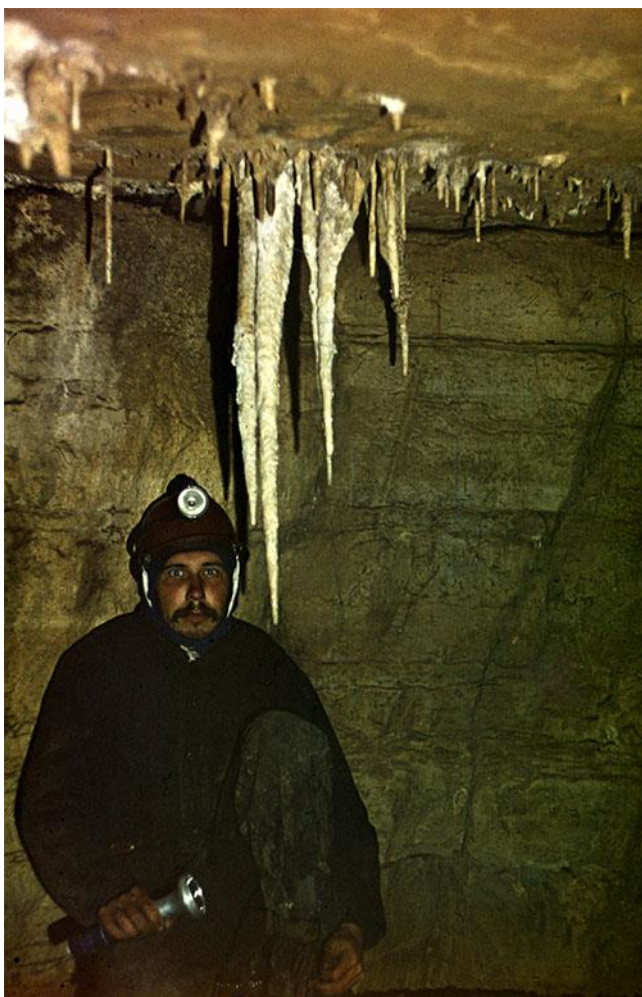
Натечные каскады правой стены Проспекта Геофака в районе старого лагеря спелеологов БГУ, август 1976 года.

Тем временем галерея резко снижается и, в конце концов, упирается в гигантский сухой глиняный сифон – здесь потолок сошелся с глиняным полом, и дальше нам не пройти⁶⁹. А жалко.

Жаль, когда кончаются такие огромные галереи...

⁶⁹ Через 7 лет мы прошли! В 1983 году штольня длиной 30 м в этом сифоне вывела нас в галерею Фортуны.

Мы возвращаемся к Змеевику и углубляемся в него. И правда – змеевик! Весьма высокий постоянно меняющий направление коридор полого идет вниз. Глина сменяется глыбовыми навалами на полу. На потолке покачиваются в токе воздуха искристые пушинки кальцитовых кристаллов – кажется, что они сломаются даже от дыхания. Местами стены покрыты шоколадного цвета натеками, каменными цветами, кораллитами.

Этот слайд мы называли «Сталактит под сталактитом» – эти метровые сосульки украшали Змеевик, август 1976 года.

Ветер ощутим. Мы идем ему навстречу, снова приближаясь к Актовому залу, оставленному нами не так давно.

После резкого поворота налево в самой низкой точке, Змеевик, не забывая изгибаться, ведет вверх и, наконец, расширяется в грот «Кукольный театр»!

С высокого потолка свисает ажурный занавес сталактитов, за которым в каменной нише прячется сцена, обрывающаяся трехметровым отвесом в чистейшее озеро под стеной.

В немом восхищении мы замираем перед удивительным творением Природы в безднах Земли.

Грот Кукольный театр открывает «мокрую» часть Большого кольца со стороны Змеевика. Фотография много более поздняя – увы, тогда у нас не было такой фототехники. Автор мне неизвестен.

* * *

Чем дальше, тем больше воды. Она хлюпает под ногами, капает с потолка, струится по бело-коричневым натечным драпировкам на стенах, норовит залиться в башмаки. Перекуриваем, пьем воду из озера.

— Так без зубов останешься, — говорит Костин. — Аж зубы ломит!

— Зато вкусна водица, — улыбается Сталактит, сидя на корточках, и от падающих с его рук капель по озерку разбегаются круги, играя на стенах бликами наших фонарей.

Еще несколько шагов, и... дальше нам не пройти. Округлым натечным каскадом ход срывается в обширный, тонущий в темноте зал. Уступ, в принципе, невысок, но хлипкая деревянная лесенка, приставленная снизу к стене, не вызывает доверия. А веревки у нас с собой нет. Цепляясь за толстенный сталагмит, всматриваемся в глубину зала, где в нескольких метрах ниже мерцает водяными зеркальцами его пол. Брыкин кидает вниз камешек:

— Метров пять-шесть...

— Смотрится больше, — Гелена отходит подальше от края. — Жаль, веревку не взяли.

Из глубины зала доносятся гулкие звуки падающей капли, отдающиеся эхом где-то невидимо высоко.

— Судя по тому, как булькает, — кивает в темноту Сталактит, — натеков там, небось, изрядно.

— И воды, — говорит Костин, с удовлетворением похлопывая по голенищу резинового сапога. — Ну, куда вы в своих ботиночках?

Да-а... в триконях нам со Сталактитом здесь не очень уютно.

Булькает впереди невидимая капельь.

* * *

Весь обратный путь фотографируем.

— Серый, посвети-ка в тот угол. Так. Теперь в этот. Хорошо. Теперь вниз. Эй! Кто там с фонарем? Уберите свет напрочь! - это Гелена наводит резкость.

Я стою и тупо смотрю на то место, где должен, но никак не зажигается дрожащий огонек лампы-вспышки. Свистит в сумке зарядное устройство. Что ж ты так долго-то?

— Так, навела. Давайте еще раз. Серый, зажги «Украину»...

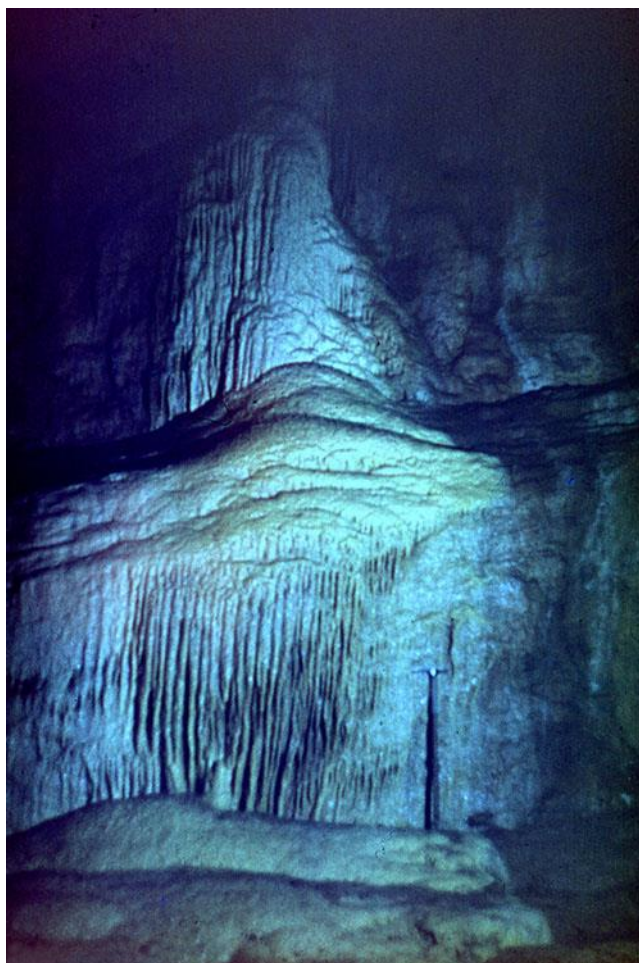
— Диафрагма два и восемь, — говорю я, перехватывая поудобнее лампу и стараясь из двух рук сделать три, чтобы удержать одновременно все необходимые предметы.

Огонек вспышки, наконец, зажегся и теперь я «как юный пионер».

— Я готов. Геля?

— Готова.

— Затвор!

Натечный каскад в Проспекте Геофака и мой ледоруб.

Щелчок фотоаппарата, и следом молния вспышки прорезает тьму, пробиваясь сквозь опущенные веки. А теперь надо быстро открыть глаза, и тогда увидишь, как холодным медленно угасающим зеленоватым сиянием озаряются стены. Это люминесцируют натечи.

Врубаются фонари.

— Задублируем?

И снова:

— Серый, посвети влево...

«Глиняные» сталактиты на потолке подъема из Актового зала на Эверест имеют странную форму, которую я тогда назвал «стопка монеток» - множество поперечных бороздок и выпуклостей одинаковой толщины, 1976 год.

* * *

На спуске с Эвереста в Актовый нас встречают слепящие лучи фонарей. Вот мы и не одни! Ребят не видно, только нечеткие силуэты и звезды света на касках.

Подходим, здороваемся. Пришельцев шестеро. С первых же слов находят общие знакомые в Москве. Мир тесен!

На месте ограбленной нами на сено стоянки теперь возвышаются две палатки и куча барахла около них. Выясняется, что у наших коллег два килограмма сухого спирта, чего по их подсчетам и планам весьма мало. У нас тоже с бензином не коммунизм, но обещаем помочь, чем сможем.

У нас вечер, а у соседей «утро». В пещере это не проблема. Мы готовим ужин, они собираются на работу.

Интересуемся, куда они направляются.

На всякий случай.

* * *

Когда ужин иссякает, начинается ритуал переодевания на ночь. Прыгаем по галерее на одной ноге, выбираясь из липких и скользких комбинезонов. Шнурки триконой стоят колом. Страшно не хочется пачкать руки, но это задача не из простых! Цепляемся за стены, мрачно потешаясь друг над другом.

Поочередно лезем в палатку.

— Собиралочку для мозговними, что ли? — ворчит Сталактит из глубины спального мешка.

Вот же черт! Полез в палатку в каске...

Место лагеря в Метрополитене, где когда-то было сено (белесое пятно у стены справа), влево вверх галерея к Эвересту, вправо – Актный зал (реставрировано из фото Павла Камаева, Магнитогорск).

Следующий ритуал – сытый хохот. Наш жизнерадостный гогот визгливым грохотом мечется по залу. И как только камни не валятся?

В палатке не жарко, но, пока залезешь в спальник, согреешься. Свет фонарей погашен, экономия. Ожесточенная борьба в правой стороне палатки. Два Сереги решили спать в одном спальнике, и теперь выясняют отношения. В какой-то момент все резко стихает, и мы с Геленой удивленно прислушиваемся к наступившей гулкой тишине.

И вдруг раздается удивленный голос Сталактита:

— Серый, ты где?

...

— А ты где?

Пещера вздрагивает от дикого хохота.

— Ну, орлы! Ну, спелеологи! — меня бьет хохотун. — В одном спальнике потерялись! Рев идет по пещере.

Вот так, наверно, и рождались легенды о подземных злых духах.

ПЕЩЕРНЫЕ БУДНИ

Вода гулко бьет в алюминий, булькает и расплескивается. Невольно вспоминаю О'Генри: *«Я не знаю, как звучит кислое молоко, падая с воздушного шара на дно жестяной кастрюльки...»*

Вот так и звучит.

Температура воды отменяет всякие мысли о гигиене тела. Об умывании и мысли не возникает – пальцы немеют через минуту. А зубы просто вываливаются...

Водокап в Актговом зале и созданные им кальцитовые «пепельницы» на полу (фото Павла Камаева, Магнитогорск)

Пока наполняются котелки, бродим по залу, ищем капельники-пепельницы, увертываемся от капли. Мужики уходят на связь, а мы с Геленой беремся за примусы. Варим извечные рожки и какао. Достаточно съедобно, а главное, быстро.

Быстро варится, еще быстрее съедается! Делаем так. Сверху в котелок с рожками вываливаем банку тушенки. Слегка перемешиваем и молниеносно съедаем. В оставшуюся половину рожок вываливаем банку рыбных консервов. Обычно, это килька в томате. И процесс триумфально завершается.

Когда откусываешь сухарь, слышишь эхо, замирающее в глубине пещеры...

По связи передали, что наши наверху сегодня идут на Белую. А мы собираемся поискать колодец Вейса.

Колодец Вейса. Третий из известных пока колодцев в нижний ярус пещеры. Его нашел Вовчик Свистунов в прошлом году, и ребята назвали колодец в честь отсутствовавшего в экспедиции Боба Вейса.

Вовчик спустился в первую ступень, но веревок не хватило, и колодец остался не пройденным до конца. Ведет ли он в неизвестную часть пещеры? Сделанная мужиками топосъемка новых ходов при наложении на общий план ложилась куда-то на самый восточный край Нижнего яруса, общий уклон которого на запад не давал особой надежды.

Но... кто знает?

* * *

В неверном свете свечи смотрим на схему.

Водим грязными пальцами по кальке:

- Так, сейчас первый поворот направо, подъем на 4-метровую стенку, затем дальше...
- Кстати, там слева обрывы в зал. Надо бы поосторожнее.
- Ага, а это что написано? «Слон»?
- «Слон»⁷⁰. До Слона, что ли, идти?
- Бес его знает. Пойдем – увидим.

«Слон» в одноименном зале. Эта глыба неуловимо напоминает одного из тех костяных или мраморных слоников, украшавших некогда буфеты и серванты многих квартир...

⁷⁰ Находится на осыпи, впадающей слева в зал, куда попадаешь, входя через арочку из-под входной шахты в систему пустот Актового зала

... вот такого

Пора топтать. Сталактит надевает ремень «Украины». Свежие смены батареек уже заряжены в фонари.

Задуваем свечу.

* * *

Когда гаснет свеча и лагерь погружается в холодную тьму, на душе становится как-то сиротливо, и невольно собираешься внутренне, в готовности к предстоящему действию...

* * *

Грохочут шаги. Прыгаем по камням.

— Вот она!

Четырехметровая стенка уступом вверх ведет в начало галереи, спирально восходящей к сводам зала. Угловатые глыбы под стенкой взывают к осторожности. Все проходится лазанием, что такое четыре метра? Но именно на самых простеньких препятствиях легче всего допустить небрежность, оплошать и сломать шею.

Самое паршивое во всех этих уступах – выход на горизонталь. Пол пещеры настолько утрамбован и вылизан, что глазу не за что зацепиться, не то что руке. Приходится чуть ли не по-змеиному перетекать через перегиб.

Выбираюсь наверх и, на всякий случай, усаживаюсь в угол, откуда по очереди подстраховываю ребят реп-шнуром. Проходя мимо меня выше по галерее, они подозрительно ржут, посвечивая на меня фонарями.

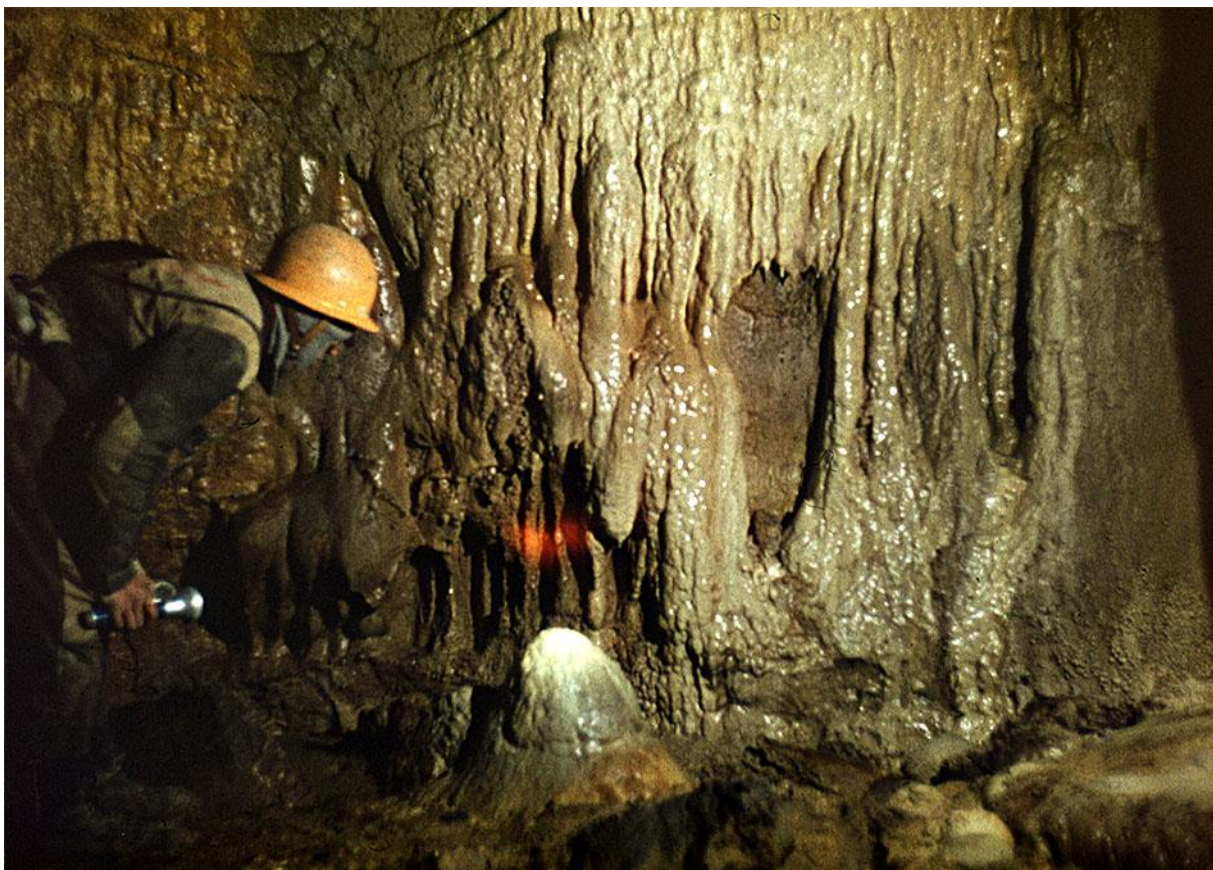
— Ушанчик!⁷¹ — улыбается Гелена. — Дай я тебе пузико почешу!

Моя забившаяся в угол, заляпанная глиной фигура не вызывает, видимо, более грозных ассоциаций. Руки у меня заняты веревкой, поэтому отмахиваюсь свободным триконом.

Но вот все наверху, и мы продолжаем восхождение по спиралевидному ходу, периодически обрывающемуся влево колодцами – изрядной, судя по шуму сброшенных в них камней, глубины.

И снова не устаем восхищаться натечным убранством пещеры. Вытянувшиеся рядами вдоль трещин на потолке сталактиты разнообразнейших форм и оттенков желто-коричневого цвета, невысокие сталагмитики. Ноги ступают по занесенным глиной древним гурам. Путь преграждает метровой величины сталагмит, когда-то покосившийся в результате неведомых потрясений - в его основании высится новый, поздней генерации, но уже достаточно высокий и толстый.

Обходим его стороной, углубляясь в Спиральную галерею.

Этот натек на стене Спиральной галереи напоминает мне камин – настоящий, а не трубу в потолке пещеры, август 1976 года.

Ход постепенно заворачивает все больше вправо. Поворот, другой, и мы в высоченном гроте, пол которого украшен громадным, метра три в диаметре, сталагмитом с ласковым именем «Слоненок»⁷².

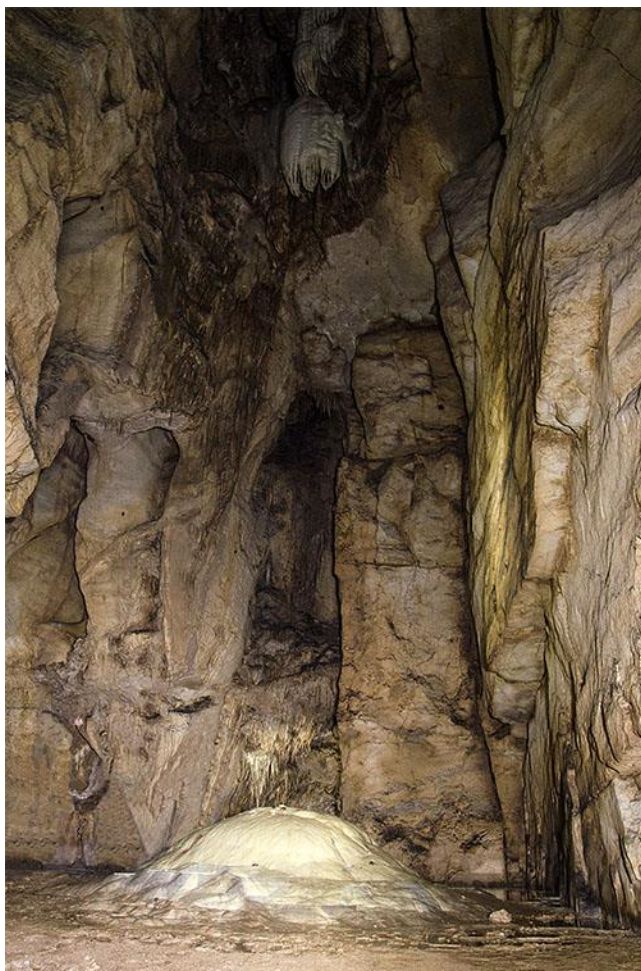
Высотой с метр, он покрыт кружевными оторочками полных водой ванночек-гуров. Летят сверху сверкающие капли. Наши фонари едва добивают до сводов, где посылает вниз

⁷¹ Ушан – разновидность летучих мышей, с большими очень красивыми ушками, обитающая в Сумган-Кутуке.

⁷² «Слоненок», потому что ниже в зале стоит «Слон» – но многие называют этот сталагмит Черепахой.

капли «Борода»⁷³ – громадный натечный каскад, скрывающийся высоко-высоко в темноте окна.

Есть ли там продолжение? Нет? Откуда сочится вода, оставившая за собой сверкающий каменный след?

Сколько тайн скрыто здесь! Сколько еще можно прибавить к километрам уже известных ходов? Никто не прошел Сумган до последнего метра, и, думаю, никогда не пройдет.

Мы стремимся к этому, и... страшимся достичь.

Зал «Слоненка» под Бородой Вейса – вон она там наверху, причем не во всю величину – не вошла даже в современную короткофокусную оптику (фото из оригинала Павла Камаева, Магнитогорск).

«Эмитрон» с трудом рассеивает тьму. Вспоминаю слова Вовчика: «Надо встать спиной к Слоненку»...

Поворачиваюсь и вижу перед и над собой обширное окно, к которому ведет вертикальная расщелина – этакий полукамин в десятиметровой стене.

Сколько народу прошло здесь, сколько смотрело вверх на Бороду, любовалось Слоненком! А это окно заметил только Вовчик. Окно, в которое, кажется, и грузовик свободно зайдет. Как же его никто не прошел раньше?

Лежащее на самом виду, порой незаметнее скрытого...

* * *

Долго и тщательно изучаем путь наверх. Примериваемся. Одну за другой предпринимаю две попытки взобраться в полукамин, и обе заканчиваются одинаково – ноги, не находя опоры, болтаются в воздухе, трикони тщетно скоблят гладкий камень, извиваешься, как червяк на крючке, и, в конце концов, с гулом валишься вниз.

Штурм не удался. Ну что ж, переходим к осаде.

Подсаживаем Гелену, выдаем ее вверх на вытянутые руки, и ей удастся заклинить щелеобразной части камина и даже немного продвинуться вверх.

⁷³ Настоящая «Борода» – натек, названный так первопроходцами, находится не здесь, а в мокрой части Большого кольца. Но у нас повелось называть «Борода» то великолепное образование, что питает «Слоненка», по ассоциации с прозвищем Боба Вейса, в честь кого был названа находящаяся напротив система и новый колодец.

Изрядно истоптав Сталактита с Костиным, вскорячиваюсь следом. Начинаем парное восхождение. Уворачиваюсь от Гелениных вибрамов, норовящих врезать мне по каске, запоздало думаю, и зачем это мы зачихали ее в камин впереди меня? Но дело сделано, и теперь ничего не поправишь.

Через несколько минут пыхания, Гелена сообщает, что ей остается метра два. Мое колено создает ей недостающую точку опоры, и вот она уже наверху.

8-метровый полукамин подъема в систему Вейса с висящей в нем веревкой.

Есть у альпинистов такая песенка:

«Булинь не детская забава,
Ты зря взялась его вязать,
А ну, уйди отсюда, баба,
Покуда кровь не пролилась!..»⁷⁴

Похоже, Гелена вяжет булинь, так как веревка сваливается сверху спустя изрядное время. Теперь дела идут куда веселее! Поднимаемся, втягиваем наверх снаряжение.

Оглядываемся. С нашего балкона «Борода» гораздо ближе, и можно получше рассмотреть ее прихотливые черты.

— Бр-р-р! Свежеповато!

Здесь это словечко Вовчика удивительно к месту. Из уходящего с уклоном вниз коридора тянет холодным ветром.

— Смотрите! Здесь и правда, никого до наших ребят не было...

Осторожно идем по узенькой тропке, проложенной по девственной, будто припудренной чем-то, глине. На ее шероховатой поверхности луночки капельников. У стен пудра присыпана какой-то необычной желтоватой хвоей. Такая же хвоя выглядывает из-под глины, в луночках, выбитых капелью. Присаживаемся с Костиным на корточки, мнем в пальцах гибкие иголки с утолщениями на концах.

— Хвоя, что ли? Странная какая-то...

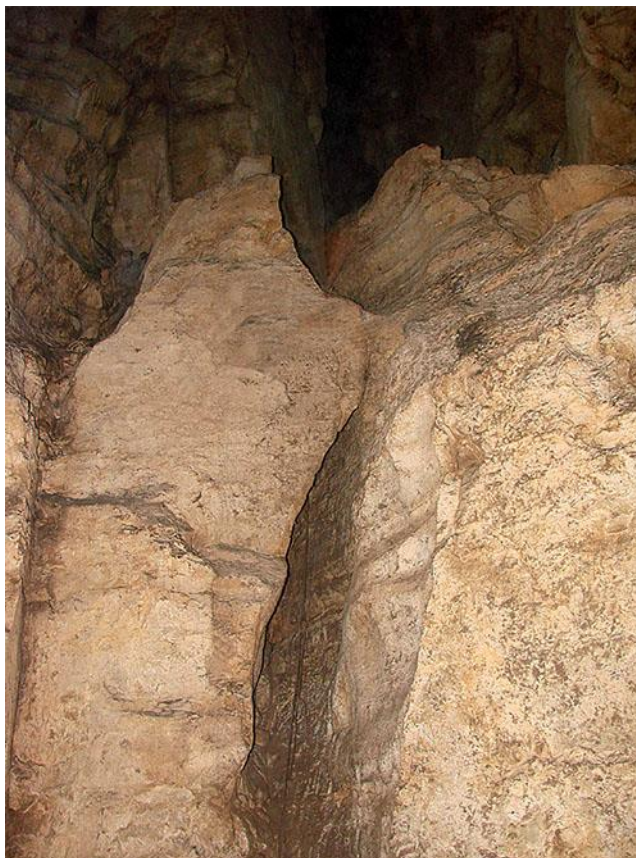
— Откуда здесь хвоя? В пещере-то.

— И кончики чудные...

— Ба-а! - доходит до меня. — Так это же косточки!

Косточки летучих мышей... Сколько их здесь! Теперь припоминаю, что подобную «хвою» видел почти везде вдоль пройденного сегодня пути.

На нас глядят тысячелетия.

⁷⁴ «У альпиниста век не долг», автор мне неизвестен.

* * *

Коридор заставляет нас петлять, пригибаться, даже проползти на животе под нависающей перемычкой. Развилка.

— Куда идем?

— Давайте сначала налево.

Несколько десятков метров, и мы утыкаемся в узкий лаз. Ползать не хочется. Возвращаемся.

Из правого ответвления сильно тянет воздухом. Довольно быстро попадаем в расширение. Это настоящий перекресток: кроме хода, откуда мы пришли, отсюда уходят три продолжения. Так, попробуем сориентироваться по рассказу Вовчика...

Вправо – ход, упирающийся в тупиковый колодец Птера. Первым сюда слез Шурка Щербина по прозвищу Птеродактиль.

Прямо должен быть проход к Теплому колодцу.

Слева из готической арки свищет ветер и несет пар. На стене приложенная камнем записка. Читаю вслух:

— *«Колодец Вейса. Открыт 23.VIII.75 года. Глубина первой ступени 15 метров...»*

Судя по сквозняку, дыра там будь здоров!

— *«...Камень через 2-3 секунды падает в воду...»*

Тоже весело! Конечно, Вовчик с Крестинным все рассказывали, и не раз, но эта их записка – как прикосновение к Первопроходу. Я просто зримо стою рядом с Вовчиком, глядя, как он выводит задубевшими пальцами эту записку...

Прячемся от ветра в ходике, ведущем прямо. Здесь сухо и тепло. Курим, сидя на корточках у влажных стен, выключив фонари.

— Что будем делать?

Этот вопрос давно мучает всех нас.

— Давайте мыслить реально.

— Попробуем.

— Сколько метров колодец?

— Первая ступень 15, и там метров около сорока...

— Поменьше, — Сталкитит затягивается, и красный огонек освещает его лицо. — Метров тридцать.

— Пусть тридцать. Что у нас есть?

— Тридцать восемь метров двенадцатимиллиметровой веревки, та, что на полукамене висит. Репшура шестерки метров сорок и десятки витой восемьдесят метров, - загибаю я пальцы.

— Двенадцатка у нас потерта, — говорит Брыкин. — Остается десятка.

— Если там отрицаловка и до стены не достать, попадем в центрифугу, — в моей памяти еще очень живы впечатления от прошлогоднего урока в Каньоне.

— Понятное дело...

Молчим, наблюдая, как расцветают алые бутоны сигаретных огоньков.

— Неважное дело...

— Уж куда лучше.

— А может, нам мужики помогут? — Костин говорит вслух то, что давно уже вертится в уме у каждого из нас.

— Тем более, что они спускались по нашей веревке. У них должна остаться своя, - поддерживает Гелена – она забилась в дальний угол, где поменьше дыма.

— Надо поговорить...

Гасим бычки, выбираемся из теплого хода и подходим к колодцу. Кидаем вниз камешки. Они катятся куда-то, затем тишина и далекий непонятный звук.

Похоже, и впрямь вода,

Костин ищет камень поувесистей, швыряет его подальше вправо за перегиб стены.

Тишина, гулкий удар, далекий приглушенный всплеск...

* * *

И мы отступаем, имея в запасе почти 120 метров веревки! Пусть потертой, пусть витой и не совсем удобной для спуска. Но мы отступаем не потому, что у нас нет достаточно снаряжения или оно совсем уж негодное. Мы ведь даже не заглянули в колодец, не подошли к неизвестной ступени, не удостоверились – есть ли там отрицательный склон, или все удобно, и нам нечего бояться пресловутой "центрифуги"?

Мы отступаем, потому что неопытны, робки и боязливы в этом противостоянии с Пропастью. Мы напуганы ее мощью, хотя и не признаем себе в этом.

Еще недавно страх мучил нас видением висячего ледника, который потом оказался просто дном Первой шахты. Этот же страх рисует теперь картины коварных опасностей, подстерегающих нас везде.

Тем более на Никем не пройденном пути.

Мы еще не созрели до пути собственного. Мы ощущаем себя более или менее комфортно только на проложенных кем-то. наших моральных сил только-только хватает, чтобы удержаться на этих-то рельсах.

Даже 4-метровая стенка для нас успех.

10-метровый полукамин – достижение!

Опыта ведь – почти нуль.

Мы новички, младенцы в джунглях. Мы первый раз в Пропasti. Да и вообще в приличной пещере.

* * *

Я пишу «Мы», но отношу эти строчки самому себе. Именно свою робость в иных ключевых моментах Судьбы считаю непростительной. Казалось бы, – шаг, и ты войдешь в неведомое. Так нет...

Что ж, наверно, летучий риск, внезапный импровиз, отчаянный рывок под влиянием момента – это не мое. Расчет, осадный натиск и стопроцентный запас надежности ближе. Во всяком случае, стремление к нему.

Все это так, но я не могу простить себе той своей трусости... Хотя, может быть, она и уберегла меня от проблем посерьезнее. Но – не заглянув за поворот, никогда не узнаешь, что там.

* * *

* * *

На площадке наверху полукамина забиваем шлямбурный крюк. Здесь дует, дело идет небыстро, и мы все жутко мерзнем. Руки не слушаются, и в результате почти целый час под сводами несется:

— Тюк-бум, тюк-бум, тюк-бум, тюк – Ой!

— Следующий...

Сталактит потирает ушибленную молотком руку и передает молоток мне.

И снова:

— Тюк-бум, тюк-бум, тюк-бум, тюк - Ох!

Пока мы нарушаем стуком и проклятиями покой пещеры, Гелена совсем замерзает. Нам проще, мы все-таки греемся.

Ставлю своеобразный рекорд: целых пять минут ни разу не попадаю молотком по пальцам!

Но вот отверстие готово. Шлямбурный крюк садится мертво.

Наш первый шлямбурный крюк в жизни!

Я знаю, где он сидит.

А вы?

Вы помните свой первый крюк, дружище?

* * *

Продергиваем прямо через ушко веревку и по очереди спускаемся «коромыслом». Третьим идет Серега Костин и срывается. Неловко перехватывает веревку, не успевает как

следует закрепиться на выходе из щели и метров с двух летит вниз. Маятником его слегка бьет о скалу, дребезжит слетевшая каска.

— Ого! — сидя на полу, Костин ошеломленно крутит головой.

— Живой?

— Ага. Тренироваться надо лучше...

— И больше, — добавляет Гелена, появляясь из камина и съезжая по веревке к нам.

Все обошлось, но это предупреждение.

Сумган ласково напомнил нам об осторожности.

Спасибо.

* * *

На обратном пути снова фотографируем. Обнаруживаем на стене парочку спящих мышек и подбираемся к ним поближе. Стараясь не светить на чутких созданий, разворачиваем аппаратуру. Геля наводит фотоаппарат, я вожусь со вспышкой. Мышек две — одна явный ушан, вторая — не понять, то ли обыкновенная серенькая соня, то ли ушанчик со сложенными ушками. Висят.

Первую вспышку ушанчик выдерживает на славу. После второй начинает возмущаться, пошевеливая и подрагивая чуткими ушками. Спешим сделать третий снимок, а проклятая лампа не желает заряжаться. Ну, скорей!

Наш клиент вконец выходит из себя и загибает уши рожками: вот-вот улетит!

— Затвор! Вспышка!

— Есть!

И в следующий момент, ушанчик, на чем свет костеря нас в диапазоне ультразвука — что вот ходят тут всякие, топают, галдят, светят, чем попало, сверкают возмутительно, честным ушанам спать не дают!!! — срывается со стены и исчезает в темноте галереи.

А маленькая серая соня, закутавшись в кожаные крылышки, все также сладко сопит вниз головой.

Плохо быть нервным и иметь большие уши.

* * *

Сзади замелькали фонари. Наши соседи по Сумгану. Вчера их постигла неудача. Парням не удалось взобраться по скользкой каменной катушке к двум намеченным для исследования колодцам где-то в дальней части Большого кольца⁷⁵.

Пока мы возились с фотосъемкой, они успели тоже взглянуть на колодец Вейса. Благо, наша веревка осталась на камине.

Закуриваем.

— Ну и как колодец?

— Думаем спускаться.

Саня, Алексан Сергеич, как уважительно называют его ребята, приятный паренек в сером комбинезоне и кедах, аккуратно прячет в карман металлическую коробочку с сигаретами. Заметно, что Алексан Сергеич у них за старшего.

— А веревок хватит?

— Ну, у нас четыре сороковки и реп еще есть. Так кажется? — Саня поворачивается к своим.

Ребята кивают.

— Узлы?

Мне всегда не нравились узлы на веревках.

— Пройдем! Может, вместе попробуем?

Десять человек это все-таки многовато. Десять человек это долгие часы ожидания на промежуточных площадках, стук зубов от холода и прочие неудобства. Кроме того, мы работаем в противофазе, и наш день уже подходит к концу, тогда как их только начинается.

Много причин можно найти, если не хочешь ввязываться в дело.

Вот только не все умеют отказать. И не всегда это нужно.

Но здесь все правильно. И мы договариваемся о взаимодействии в случае чего.

— Удачи!

Гаснут в пещерной глине красные огоньки сигаретных бычков.

* * *

Возвращаемся в лагерь по спиральной галерее. На душе сумбур. Завтра наш последний день в Сумгане, а ничего, собственно, и не сделано. Сегодняшний день пролетел незаметно: вроде, только что встали, а уже пожалуйте к отбою! И только потускневшие лучи фонарей говорят о том, что времени прошло немало.

И еще берedit душу этот колодец Вейса...

Мы могли пойти в него сами и заглянуть в Неизвестность – ведь именно она и гонит нас сюда. Был редкий шанс, и мы его не использовали.

Мы могли пойти вниз в компании с ребятами, но снова отказались, отдав честь и риск первопрохождения другим – так, добровольно, без напряжения и борьбы. И хоть ясно, что поступили в каком-то смысле логично и правильно, но пыль неудовлетворенности покрывала душу и притупила блеск радости от свидания с Пропастью.

...Вот и 4-метровая стенка на спуске в зал Кубиков.

⁷⁵ Тогда я еще не знал, что речь идет о Глиняной системе – одной из интереснейших систем Верхнего яруса.

Зал Кубиков (реставрация из фото неизвестного мне автора с сайта НеДома.ру).

Уже привычно скидываем репшнур для страховки, спускаем сумки с фотоаппаратурой. Сереги спускаются первыми и идут в лагерь, и только Гелена подсвечивает мне снизу, пока я скорячиваюсь с проклятой горизонтали на желанную вертикаль. Лежа на животе, свешиваю за перегиб ноги, ищу опору. Трикони нашаривают какую-то полочку, осторожно сползаю вниз, становлюсь и... вдруг чувствую, что опора слишком мала. ...

Я начинаю медленно падать спиной вниз прямо на Гелену, чей фонарь слепит глаза с 4-метровой глубины. Судорожно скребу пальцами по ровной, как стол, глине, стараясь восстановить зыбкое равновесие!

— Костя, ты не волнуйся! — очень вовремя раздается снизу голос Гелены.

— Я не волнуюсь, — рычу я сквозь зубы. — Я просто падаю...

И в этот момент передние фаланги вгрызаются в пяточок мягкой глины на краю — ровно настолько, чтобы удержать мое фатальное движение. Что называется, вкогтился!

— Так можно и без ногтей остаться, — ворчу я, но, спустившись на пару метров, понимаю, что это далеко не худшее: на полу гостеприимно острым ребром вверх поджидает растяпу плита.

— Вот и второе предупреждение! — бормочу я, пока мы с Геленой перебираемся через навал многотонных «кубиков» на пути к своей палатке.

— Что-то сказал? — оборачивается прошедший навстречу Костин. Ребята уходят на связь, а нас традиционно ждут кухонные забавы!

— Да нет, это я так.

* * *

Разводим примусы. Фонари светят плохо, но на завтра у нас есть свежая смена батарей, а послезавтра будем выходить. Как все-таки скоро!

Интересно, как там у Алексан Сергеича в колодце Вейса?

Грохот шагов под сводами. Наши?

Сверху приходит подарочек! На этот раз в натуральном смысле и выражении. Сталактит ставит на каменный стол котелок. Принимаемся.

— Уха?

— Обалдеть! Почти тепленькая...

— Они на Белую ходили, — говорит Костин. — Вот еще банку меда прислали.

— Наверняка, Андрюха пасеку грабанул!

— Да с его-то щетиной не вопрос!

Стучим ложками, с благодарностью вспоминая наших ребят, оставшихся наверху. Мы почти забыли о них в наших глубинах. А они помнят, приходят на связь, приносят нам гостинцы. Кто знает, о чем им думается там, на свету и солнце?

...И чертовски интересно, что же там, за второй ступенью колодца Вейса?

КОЛОДЕЦ ВЕЙСА

— Эва!

— Эва...

Из темноты, пошатываясь, появляется грязная фигура:

— Хлебушка хотите?

У Сани в руке целая буханка настоящего мягкого белого хлеба. Из-за спины появляется вторая:

— Держите.

Нестерпимо вкусный запах терзает ноздри.

— Вы что, из города хлеб несли?

Саня кивает. Они только что вернулись после долгой работы в колодце Вейса. Первые уже в лагере, последние еще выбираются из колодца.

Для нас такая тактика внове: как это можно бросать своих? ⁷⁶ С другой стороны кашеварить тоже кому-то надо.

Жадно расспрашиваем подробности.

Как и предполагалось, колодец Вейса выходит на Нижний ярус. В известную часть. Это действительно третий, и, похоже, самый удобный из существующих колодцев. Удобный в смысле безопасности. Через центральную шахту непредсказуемо падает лед, в Туманный колодец льет ручей, а здесь, хоть и коряво, но без сюрпризов.

— Навеску мы пока не снимаем, — говорит Саня. — Может, пригодится?

— Пригодится.

Отдаем ему примусы - теперь уже ясно, что бензина хватит до конца и на всех. Да и то, пора выручать соседей! Парни дошли до точки: разожгли в Актовом костер из спущенных сверху дров, примостили сверху солидную посудину и теперь ждут ужина, сомнамбулически слоняясь вокруг своего диковинного подземного костра.

Народ в полном, что называется, отрубле. Говорят, что двое заснули на промежуточной площадке, пока поднимались из колодца Вейса. В общей сложности они отпахали часов 13-14. Однако, не зря мы не пошли — только нас там до кучи и не хватало!

Возвращаюсь в свой лагерь, смотрю на часы: 11.00. Сегодня наш последний день в Сумгане. Что делать? Об этом вопрос не стоит.

Начинаем готовиться к выходу, когда мимо, пошатываясь, проходит последняя двойка соседей.

Собираемся молча. В колодце Вейса висит навеска. О чем говорить?

Упаковываем в рюкзак метров 40 восьмимиллиметровой веревки, пару рогаток, обвязки, «прусики», кулачки - как мы тогда называли зажимы-самохваты. Что еще?

⁷⁶ Сегодняшним подземным бойцам, наверно, трудно себе представить, что когда-то работа автономными двойками даже в простой пещере считалась неправильной и расценивалась как нарушение правил безопасности — как это можно разрывать группу на части?

Молоток, крючья. Жаль, что по пути к Сумгану где-то обронили кошку. Пригодилась бы наверняка!⁷⁷

У нас со Сталактитом две «Украины». На сколько их еще хватит? Ставим свежую смену батарей в фонари, увы, последнюю. Что еще? Ах, да! Рукавицы.

Фотосумка уже собрана. Плексигласовые факелы, курево, спички. Кажется, ничего не забыли.

Гасим свечу на нашем столе.

Наш лагерь – традиционный для экспедиций тех лет (фото января 1980 года).

* * *

Вот и «любимая» 4-метровая стенка. Взираем без приключений. Но пока сижу на страховке, у меня гаснет фонарь. Все попытки привести его в чувства кончаются неудачей.

— Черт с ним! — вытряхиваю из фонаря батарейки.

— Первая жертва, — доносится голос Сталактита.

Делать нечего, придется идти с «Эмитроном». А он кушает батарейки, как кошка колбасу. Стараюсь включать его пореже. Иду в неверном мечущемся свете фонарей ребят.

* * *

Что-то есть захватывающее в мерном неуклонном движении нашей группы. Гул шагов, бряцание снаряжения, желтый свет. Ожидание будоражит кровь, наполняет радостным азартом и верой в себя. Мы идем по пещере, и нет силы, способной нас остановить.

Веревка в полукаmine над «Слоненком» уже порыжела от глины. Из галереи наверху знакомо несет холодом. Еще несколько минут, и мы у цели.

⁷⁷ Сегодня не могу без улыбки читать эти строки ☺ И без удивления – почему было не позаботиться о полном снаряжении на каждого? Ведь у нас в Москве уже были 5 пар самохватов и чуть ли не 20 рогаток. А обвязки и стремена вообще не вопрос.

Влево, в узкий проход готической арки, уходит веревка. Проверяем крепление за камень. Надежно. Рядом на полу моток бурой от глины веревки, видимо, с нижней ступени, здесь же выбранная наверх страховочная на первый уступ.

Разбираем, распутываем, готовим для себя страховку.

— Оба-на!

Посередине узел, самый конец надставлен двойным репшнуром. Жаль, что все в глине: некуда знак качества пришлепнуть.

Зажигаем плекс и в его рыжем свете перекуриваем в сухой галерее. Здесь гораздо теплее – не дует.

Колодец Вейса.

Посмотрел бы ты, Борода Боб на свой колодец!⁷⁸

Первым пойдет Серый Сталактит, я последним. Пока Серега обвязывается, осматриваю край колодца. Край паршивый. Это расклиненная меж стенок колодца глыба. Веревка лежит в щели между камнями, страховка, естественно, пойдет туда же. Вот тут-то и скажутся проклятые узлы!

Чищу край от слабо лежащих камней. Они с гулким грохотом падают куда-то в темноту..

— Я готов, — Серега цепляет на обвязку карабин страховочной веревки. Сажусь на моток веревки, одеваю рукавицы, закладываю веревку за спину. Багровые отблески пламени плекса мечутся на ветру.

— Страховка готова.

— Пошел.

Серега выходит на край. У нас фонари из экономии выключены, и свет его налобника выхватывает из мрака фантастические картины. Скупое выдаю страховку, и Серега исчезает за краем. Теперь только восходящие сполохи его света веером выметывается передо мной, озаряя черно-желтые округлые своды.

— Стою на полке! — голос еще совсем близко.

— Что дальше?

— Карниз и опять колодец.

Скорость спуска резко возрастает. Видимо, Сталактит вышел на независимую...⁷⁹ Еще минута, и из глубины доносится его голос:

— Стою!

Отпускаю страховку.

— Серый?

— Да!

— Как там, есть, где встать?

— Есть.

— А вчетвером?

— Хоть двадцать пять!

— Гуд!

Вниз уходит Гелена, потом Костин. Спускаю им рюкзак и сам начинаю спуск. Без страховки. Я ничем не рискую. Сорваться с рогатки практически невозможно. Разве что порвется веревка, но это маловероятно.⁸⁰

⁷⁸ Борода Боб Вейс так и не увидел колодец своего имени. И не увидит. Боб погиб в Африке 11 июля 2007 года, в автокатастрофе, во время геологических изысканий в Намибии.

⁷⁹ Независимая траектория – так мы называли в то время веревку, висящую в пустоте, то есть вдалеке от стены.

⁸⁰ О возможности потери контроля над спуском я тогда и не догадывался! И через 4 года именно в колодце Вейса я падал при спуске на той же самой рогатке и остался цел только благодаря счастливому случаю!

— А с чего бы это тебе рваться? — говорю вслух, переступая через край и начиная скользить вниз вдоль крутой скользкой скалы.

Проезжаю метра четыре, попутно обрастая глиной. Вот и полочка, где притормаживали ребята – ну и грязюка здесь!

Подо мной и впрямь карниз. А краешек-то острый! И веревку прижимает неслабо. Придется повозиться на подъеме. Но это потом и когда еще будет! А пока сползаю под карниз и оказываюсь в чистом отвесе в паре метров от стены. Снизу светят фонари ребят.

— Поехали!

Слегка вращаясь, скольжу вниз.

Колодец Вейса – нижняя ступень (реставрация по фото В.Милова, Оренбург).

Промежуточная площадка между ступенями колодца и впрямь большая. Потолок над нами очень высоко, а площадка постепенно все круче заваливается натечным желобом куда-то в темноту.

Достаем из рюкзака и разматываем принесенную с собой новую страховочную веревку. Она, хоть и восьмерка, но пока чистая. Основка, навешенная Санинными ребятами, вся в глине.

Во! Еще узел. Хорошо, что он приходится на горизонтальную часть площадки, легко обойти. Правильно мы вчера в толпе не пошли!

Выбираем место для страховки. Привязываюсь веревкой к проушине в скале.

Сталактит цепляет на бок кулачки. На всякий случай.⁸¹

— Страховка готова?

— Готова.

И опять луч его фонаря мечется по стенам и сводам, постепенно угасая, по мере того, как Серега спускается.

И вот исчезает совсем.

* * *

Я последний, и в голову приходит мысль, что неплохо бы оставить здесь, на промежуточной полке, страхующего... Но кто им будет? Веселенькое дело просидеть в этой холодине несколько часов, пока остальные работают внизу!

Привязываюсь к страховочной веревке схватывающим узлом – самостраховка. Узел хорошо сдвигается рукой по смазанной глиной веревке, но схватывает надежно.⁸²

Пошел!

И вот я на отвесе. Колодец широкий, метров 5-10 в поперечнике слегка эллиптический в сечении. Сидя на страховке, видишь, что выдавать приходится почти всю длину 40-метровой веревки, и все же истинные масштабы колодца воспринимаешь, только зависнув в его дышащей холодом трубе.

Коричневые скалы блестят кальцитовой коркой. Замечаю в стенах ниши и окна. В одно из них я только что случайно закинул страховочную веревку – бросал бы специально, не смог! Пытаюсь сдернуть ее, но с вису с моей точки это не удается. Что делать?

* * *

Выныривая из глубины лет, не могу удержаться от ремарки. Долго старался понять, почему же мне пришлось сбрасывать вниз страховочную веревку, если кто-то из наших только что спустился? Он же утащил ее за собой вниз. Вспомнил! Ведь у нас был один комплект снаряжения на всех, и его приходилось поднимать наверх после спуска каждого участника (а при подъеме, соответственно, спускать).

И снова непонятно – почему же мы не взяли по комплекту на каждого, учитывая количество рогаток и зажимов, которое мне прислали из Усть-Каменогорска? Набрали крючьев, даже кошку не забыли! И не взяли достаточно спуско-подъемного снаряжения...

Так ходили. Обвязывались, развязывались, передавали по колодцам...

* * *

Но вернусь в Сумган августа 1976-го.

Смотрю вниз. Ну и высотыща! Даже несмотря на то, что в темноте ощущение глубины как-то сглаживается. Тридцать метров колодца – 12-этажный дом.

Тяну веревку, но страховка не выдерживается из окна. Ну и пес с ней! Отвязываю схватывающий, и продолжаю спуск по одинарной веревке, внутренне поражаясь собственной бесшабашности.⁸³

⁸¹ Оказывается, мы уже тогда ходили, как матерые представители современной Европейско-Французской школы вертикального кейвинга – без полного снаряжения при спуске с зажимами на боку! Но мы были круче – у нас кулачков (зажимов) было всего один-два комплекта на всю компанию ☺.

⁸² Вот они наши университеты... Схватывающий узел в кулаке и вера в свою неуязвимость!

⁸³ Теперь я понимаю, что это был мой первый серьезный опыт хождения по одинарной веревке ☺.

Вижу внизу световые точки фонарей. Они все ближе. Внезапно ослепительно сверкает вспышка. Вот черти!

Вот тот самый результат вспышки: уникальный – потому что единственный, снимок моего первого спуска по колодцу Вейса: на рогатке, без самостраховки, с «Эмитроном» на поясе и «Украиной» на каске. По одинарной веревке – в классических традициях западной спелеотехники, как потом оказалось ☺ .

Прямо подо мной прекрасное, синей воды, гуровое озеро метров трех в диаметре. В его прозрачной глубине ветвятся дендровидные кораллиты. Хорошо виден лежащий на дне серебристый трех-батареечный фонарь. Его обронили мужики Алексан Сергеича при подъеме. Хороший фонарик, а попробуй – достань! Обманчива прозрачность озера - здесь глубоко, не меньше метра ледяной воды.

Веревка приходит в самый центр озера. Однако, Сталактиту пришлось изрядно покачаться, чтобы выбраться на его край. А меня выводят за веревку прямо на натечный мост, где уже собралась и изрядно задубела вся компания.

Вот я и на дне.
«А ты боялась, глупая!»

Озеро на дне колодца Вейса и карстовая переемычка, на которой мне привелось померзнуть многие часы ожидания за время отой и последующих наших экспедиций (реконструкция по фото В.Милова, Оренбург).

— Ну что, вперед?

Нижний ярус. Похоже, здесь настоящий лабиринт. Пока шли по ходу от колодца, этого не ощущалось. С некоторым трудом спустились с высоченного 2-метрового гуря из-под натечного моста. Если бы не суковатая жердь, заменившая нам лестницу, – подходили когда-то снизу! – быть бы кому-нибудь из нас в воде! А под гуром еще одно здоровенное озеро изрядной глубины...

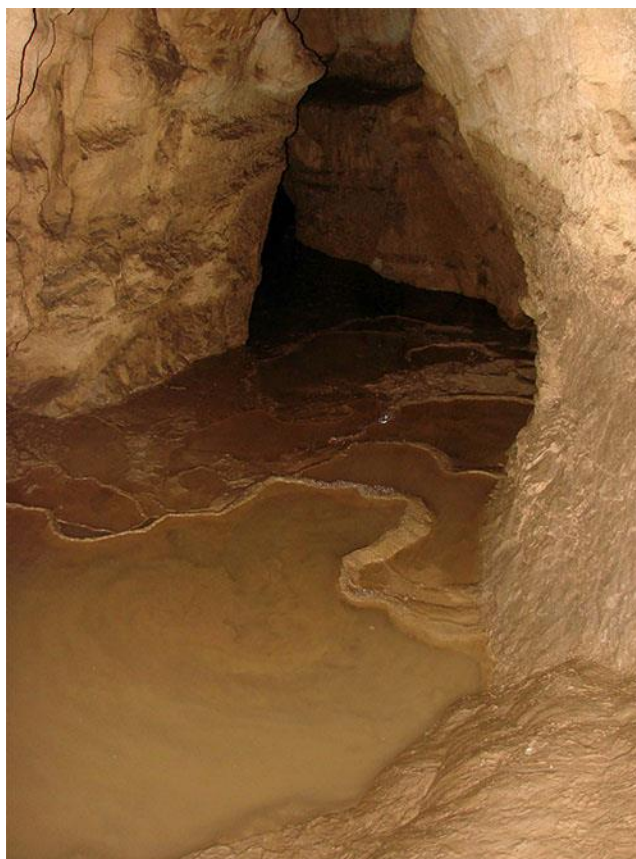

Гур под перемычкой на дне колодца Вейса – 2-метровой высоты, и озеро под ним глубоченное: жаль, не видно его в кадре, только блики от воды на натеке. Наступив в рогульку жерди, спускаешься на самый краешек берега – озеро во всю ширь хода (реставрация по фото В.Милова, Оренбург).

Как циркачи, балансируем на тоненьких кружевах кальцитовых плотин, пробираясь меж гуровых озер. К счастью, они становятся все меньше и мельче, пока ход совсем не превращается в банальную галерею с ручейком меж хлюпающими глиняными берегами.

Кружева гуров на полу коридора, сбегаящего из-под колодца Вейса. И только сейчас задумался – откуда там эта вода? Обильный конденсат, выпадающий на стенах колодца (реставрация по фото В.Милова, Оренбург).

Шлепая в ботинках по глине, мы все потихоньку завидуем Костину. Правда, ему в сапогах все-таки холоднее. А как тут волонтеры Алексан Сергееича в кедах рассекали?

Ручей выбегает на развилку, нет – растрилку, расцветверилку! – вот это мешанина!

С первого же перекрестка уходит сразу три хода, не считая того, откуда мы вышли. Не будь у нас за плечами школы подмосковных каменоломен, впору растеряться. Марок-пикетов мы не взяли, как бы не возникли проблемы с возвращением... Вот уж чего бы не хотелось!

* * *

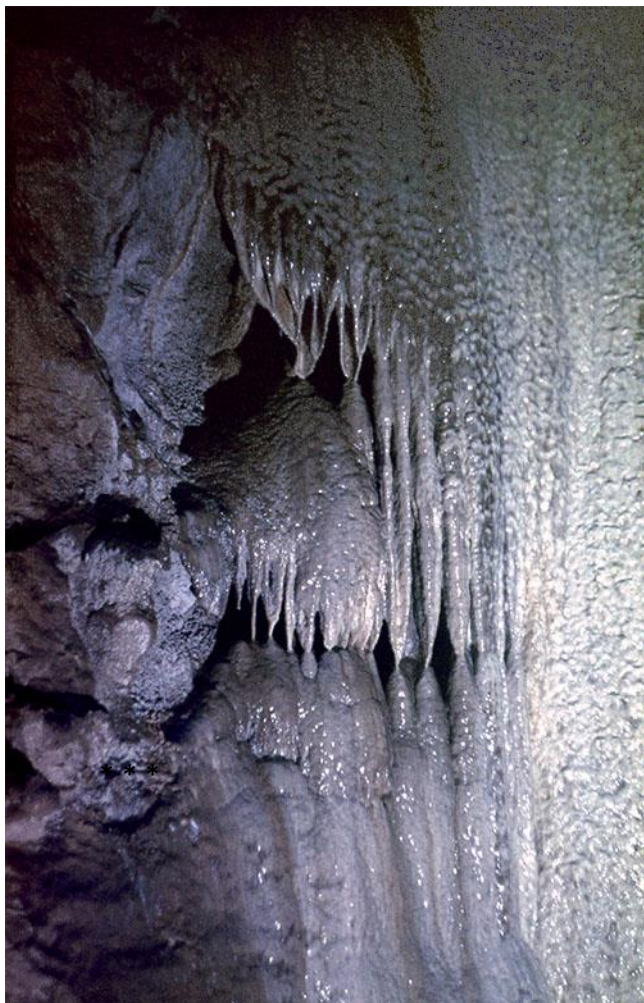
Этот ярус Пропасти выглядит мрачновато. Или это наши фонари уже на ладан дышат? Стоим на перекрестке, оглядываясь. Под ногами толстенный слой глины, местами размытый до гальки. Потолки возносятся высоко, и там, в недостижимой выси, чернеют окна. Ох и поработала здесь вода!

Из возможных вариантов выбираем путь прямо вниз, под горку.

Надо запоминать дорогу. Для этого полезно почаще оглядываться – на обратном пути пройденные нами ходы будут освещены с обратной стороны и выглядеть будут иначе.

Времени у нас в обрез – скоро связь с поверхностью, черт бы ее побрал...

На подъем уйдет не меньше двух часов. Значит, часа через полтора надо возвращаться.

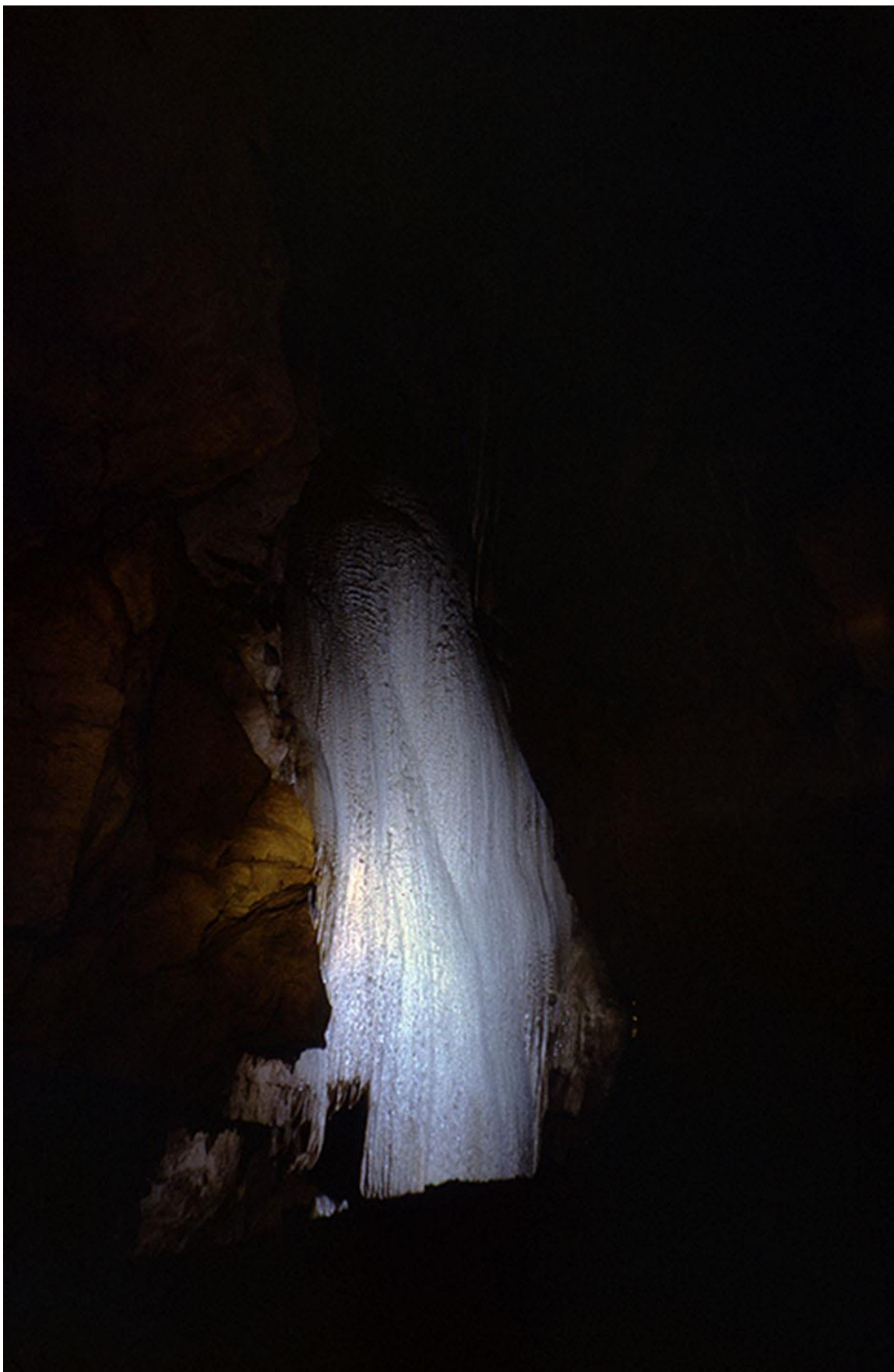

Протискиваемся через узкую высокую заросшую кораллитами щель с круто уходящим вниз полом и... замираем в немом восхищении. Перед нами гигантский не меньше 20 метров высотой голубовато-белый каменный водопад. Он сверкает в лучах фонарей – ниспадающий из-под уходящих в темноту сводов каскад, будто застывший в остановленном мгновении.

— Ниагара! — выдыхает кто-то из нас.

Не мы открыли этот каскад, но мы дали ему свое название.

Фрагмент каскадного натека Ниагара Нижнего яруса Сумгана – весь он в ту нашу оптику тогда вместиться не мог никак.

Ниагара во весь рост с единственной точки, откуда это было возможно – только самой «шапки» не видно. Чтобы понять масштаб, в той темной дверце слева свободно стоишь в рост (фото 1977 года).

Вечная Память ушедшим под воду красотам Сумгана...

А издали уже доносится неясный шум. Река! Она притягивала нас все это время. Побывать в Пропасти и не увидеть ее реки?

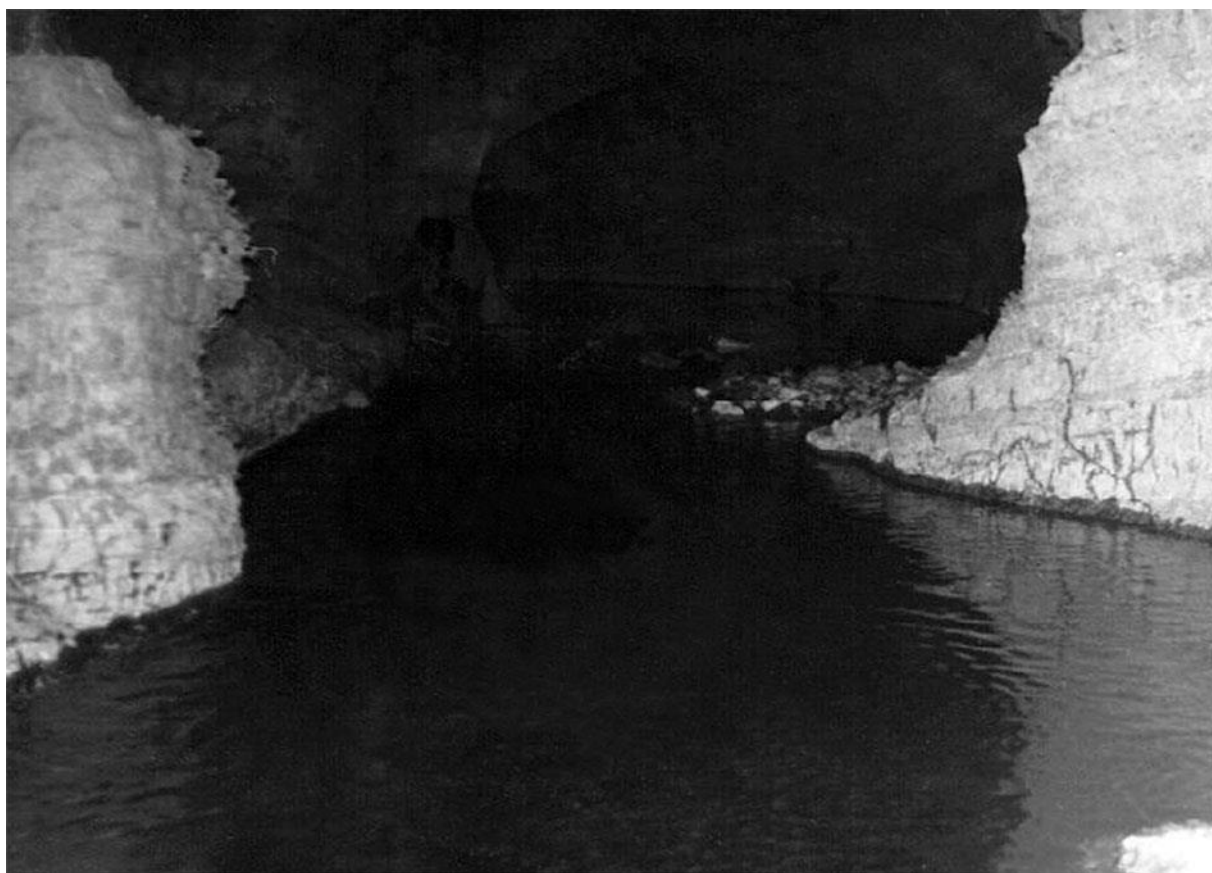
Спешим вперед. Путь преграждают отдельные лужи на полу. Перелезаем через какие-то глыбы, взбираемся на галечный холм и вот она – подземная река Сумгана!

Черная вода удивляет неподвижностью отполированного металла. Лучи фонарей отражаются от ее призрачной поверхности, озаряя величественные арки залитых водой ходов, уходящих во мрак. Что там?

И над всем этим застывшим пейзажем – шум воды, давящий все сторонние звуки. Приходится кричать, чтобы слышать друг друга.

Застывшая вода и гул бурлящего потока.

Единство противоположностей.

Подземная река Сумгана. Это вид с Первого выхода к Реке на верхний сифон с островком перед ним. Мы же впервые увидели Реку через Второй выход, пройдя мимо и правее Ниагары (реставрация фото Рашида Хамитова, сентябрь 1977 год).

Фотографируемся на берегу, садимся на гальку, закуриваем.

Почему-то человечество все свои достижения ассоциирует с подъемом вверх. И нам приходится туго, чтобы описать собственные достижения в общепотребительной лексике. Ну не скажешь ведь: «Мы низошли на нашу «вершину»! А понятие «дно» чаще носит весьма не героический оттенок. Но у нас нет иного!

Мы спустились. Мы пришли на Дно.

Пусть до него не глубоко, всего -136 метров от поверхности, а где-то кто-то сейчас идет к километровым глубинам. Но это наша победа, наш заветный рубеж, к которому мы стремились целый год. Во всяком случае – я.

Весь этот большой год я жил этой целью.

А было ли целью именно Дно? Едва ли...

Мне хотелось рассчитаться со своим страхом перед Пропастью. Разобраться с самим собой.

Мы сидим и курим, и у меня нет ничего похожего на чувство победы, на эйфорию от содеянного, о чем не раз читано в книжках.

Мы стремимся к концу пещеры и, не дойдя, возвращаемся, неся в себе упорство отступивших – отступивших не по своей воле, а лишь под давлением обстоятельств.

Мы возвращаемся, зная, что вернемся опять, чтобы доделать намеченное, пройти не пройденное, попробовать еще немножко отодвинуть границу тьмы.

Мы вернемся и будем идти до следующего упора, чтобы – в очередной раз – отступить к свету.

И даже усевшись на галечное или глиняное Дно самой глубокой пещеры в мире, спелеолог не может быть столь же конкретно уверен, что это – конечный итог.

Восходитель, обнимающий взглядом мир с Эвереста, стоит на Вершине Мира. Она определена однозначно и окончательно.

А Дно Мира кочует, и еще долгие годы его путь.

И потому, даже если нам удастся пробиться к Дну, то прислонившись лбом к влажной стене тупика самого дальнего, самого последнего метра пещеры, мы чувствуем себя обманутыми.

Ибо безумен тот, кто мечтает дойти до Конца!

С самой заветной Вершины путь – только вниз.

А после самого глубокого Дна – возвращение на поверхность.

В том и другом случае за Конечной Точкой больше нет продолжения излюбленного Пути. Стремиться вверх или вниз – какая разница?

Главное – сам Путь. Так как без него ты уже не можешь быть счастлив.

Мы знаем это, но...

Мы готовы идти до Дна, но где-то в сокровенных глубинах души не желаем его приближения, не хотим увидеть конца пещеры, означающего конец наших надежд...

Мы стремимся к завершению, и не хотим его.

Извечное столкновение противоположностей!

Достижение – ничто.

Движение – все.

Как же верна эта древняя мудрость!

ПУТЬ НАВЕРХ

Наш Путь в Сумгане еще далек от завершения. Он только-только начат!

Никто пока не прошел всех ходов и галерей этого гигантского лабиринта, оставив и нам шанс на Открытие. Но чем труднее становятся поиски новых продолжений, тем меньше желающих этим заниматься.

Нам пора возвращаться. Шум Реки наполняет неясной тревогой. Давно уже усталой желтизной светят наши фонари.

Встаем. Молча прощаемся. Собираем окатанные Рекой камешки на память.

Вот и пришло время уходить.

Сейчас от Реки, потом с Нижнего яруса, завтра с Верхнего, потом от Сумгана, потом...
Потом?

Поворачиваемся и идем назад. Где-то за спиной постепенно гаснет гул реки, вытесняемый эхом грохота наших шагов. Зеленым призрачным сиянием растворяется замершая Ниагара. Немного поплутав в глиняных коридорах, с трудом выбираемся на знакомый ручеек. Слава Пещерному Богу!

По очереди взбираемся на двухметровую плотину, вскарабкиваемся на карстовый мостик.

Двухметровая плотина гура и карстовая перемычка над ним – символы дна колодца Вейса. Вид снизу, возвращаемся...

Не теряя времени, начинаю пристегивать кулачки. Теперь первым иду я. Только бы не искупаться в озере, когда растянется веревка!

Сколько могу, выбираю растяжение рапели. Сажусь и маятником сваливаюсь с плотины:

— Эх, нелегкая, пронеси!

Пронесла! Зависаю в нескольких сантиметрах над водой.

— Ребята, время?

— Шесть ровно.

— Да, восемнадцать ноль-ноль.

— Я пошел.

— Давай!

Самое печальное, что сел мой аккумулятор на каске. Привязанный к поясу «Эмитрон» мотает лучом по стенам, а над головой сплошная темень. Веревка идет в чистом отвесе в отдалении от стены. На душе паршиво. Десятимиллиметровая капронка кажется слишком тоненькой, ненадежной – уж очень сильно она пульсирует, растягивается под моими шагами, а стены колодца все еще далеко.

Ребята внизу на мостике-перемычке мерзнут, а от меня валит пар. Даже не верится, что скоро мы с ними в этом поменяемся.

Фу-ух! Надо отдохнуть. Зависаю, расслабляя ноющие в плечах руки.⁸⁴

Снова лезу вверх.

Где же ты, страховка? «Эмитрон» все также тупо светит куда-то вбок. Чтобы посветить вверх, приходится остановиться. До застрявшей в нише страховки еще метров восемь...

Лезу. Чертов колодец! Сузишься ты или нет? Веревка при каждом шаге проседает вниз, затем подпрыгивает вверх, а воображение услужливо рисует острый карнизик, о который – вжик-вжик – по ниточке перетирается нейлон.

Бр-р-р! О таких вещах лучше не думать: делу не поможет.⁸⁵

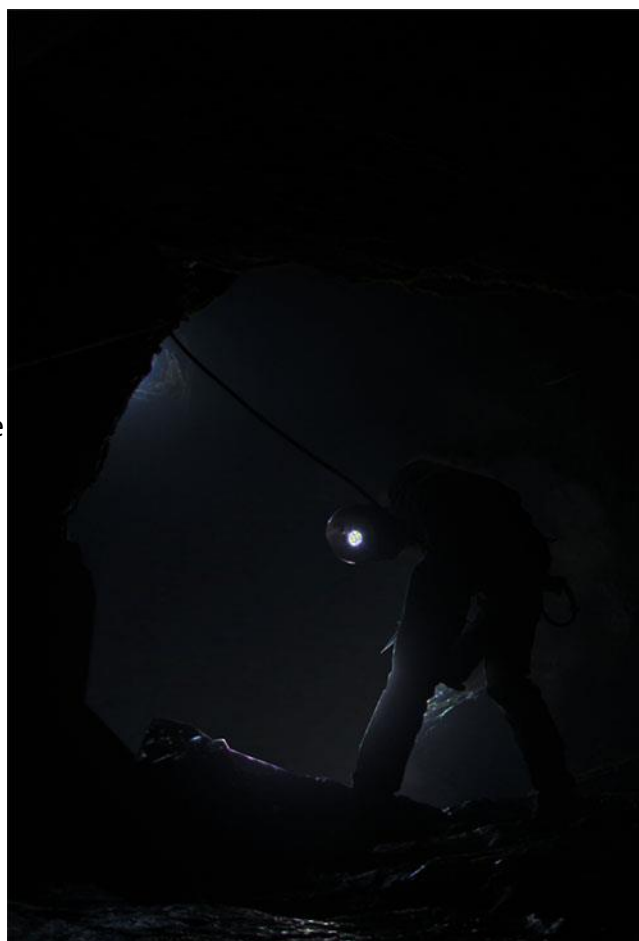
Возвращение

(реставрация из фото неизвестного мне автора).

Постепенно стена все-таки приближается. Проплывает мимо страховочная веревка. Снизу доносится искаженный эхом голос.

Как у меня дела? Лезу вот.

Ага! Вот и кончилась независимая. Зато теперь меня прижимает к стене. Ложусь набок и ползу вверх вдоль крутой глинистой стенки. Так и подмывает встать и пойти гимнастическим⁸⁶, но лучше не рисковать.

⁸⁴ Поднимались мы тогда, как я сегодня определил бы, вариацией способа «Жумар-систем» - на двух разновеликих длинных стременах с зажимами на верхнем конце, которые передвигались по веревке руками. Стремена из репшура были просто пропущены под грудную обвязку из брезентового ремня и ничем не прикреплялись к телу. Обрыв двух стремей неизбежно привел бы к отделению от веревки и падению, а рвались стремена не редко. С верхней страховкой это еще как-то увязывалось с безопасностью, но я явно рисковал, поднимаясь в 30-метровом колодце по одинарной веревке, ничем к ней толком не присоединенный...

⁸⁵ Еще раз с интересом открыл для самого себя, что мое хождение по одинарной веревке, причем довольно не шуточное, как получается, началось еще в 1976 году в Сумгане в колодце Вейса – факт, до того упускаемый в моей биографии познания SRT.

⁸⁶ Пойти гимнастическим – так мы называли вариант подъема, если идти ногами по скале, подтягиваясь руками за веревку, без всяких зажимов или схватывающих узлов

Узел? Сам не заметил, как проскочил последние метры... Если бы не узел, наверно, так и полз на карачках до самого закрепления веревки. Зациклился я в этом колодце, однако...

Отстегиваю кулачки и ору вниз:

— Вышел!

— Молодец! — доносится снизу.

Чувствую подъем, но радость сразу затухает при мысли, что ребятам все это еще предстоит.

Благополучно выдергиваю из окна страховочную веревку. Она, видимо, соскучилась там или сделала уже все свои дела, поэтому не сопротивлялась. Пристегиваю на ее конец кулачки со стременами и аккуратно сбрасываю вниз. Еще не хватало закинуть в окно все это хозяйство! Затем отхожу вглубь площадки, привязываюсь на самостраховку и вырубая фонарь. Страховать можно и в темноте, тем более, что «Эмитроша» уже совсем на ладан дышит.

Следующей на подъем идет Гелена. Ташу страховку изо всех сил. Помню, как мне хотелось, чтобы меня кто-нибудь вот так подтянул, но из колодца несется:

— Мягче страховку! Мягче!

Странные люди!

Выбираю страховку, а перед глазами уже плывут голубые миражи. Трудно отогнать ощущение, что видишь все вокруг - так реальны витающие вокруг миражи! Но стоит включить фонарь, как призрачные стены разлетаются в прах.

Гелена идет хорошо. Веревка режет плечо. Интересно, сколько мы уже тут работаем? Врубаю свет, смотрю на часы. Ни фиги себе! Уже полтора часа длится подъем нашей четверки, а из колодца все еще слышится шорох комбинезона Гелены. Сереги со дна орут, что задубели. Слышен гулкий топот - греются на карстовом мостике.

Но вот Гелена наверху. Помогаю ей отстегнуть кулачки, и пока она безуспешно пытается сбросить вниз страховочную веревку – конец ее все время где-то застревает, спешно готовлюсь к подъему на второй уступ. Только бы успеть на связь!

* * *

Второй уступ идется как будто ловчее. Стремена со скрипом трутся о грудную обвязку. Рядом висит узловатая страховочная веревка, пользоваться которой нет никакой возможности – замучаешься схватывающий через узлы переставлять! Фонарь, саботируя, снова светит куда-то вниз.

Сильный удар в каску недвусмысленно сообщает, что я благополучно прибыл под карниз. От удара меня резко закручивает, и пока я пытаюсь остановиться, штопором перепутываются основная и страховочная веревки. Подо мной метров десять, до стены под карнизом около метра. Вращаюсь вправо-влево под его козырьком, пытаюсь раскрутиться, спешу и потому нервничаю.

Черт! Даже выругаться толком нельзя. У Гелены слух, как у летучей мыши...

Знаю, что моя нервозность передается Гелене. Надо взять себя в руки. Прикусываю язык и затыкаюсь.

— Ну что там у тебя? — Гелена выключила фонарь, и я слышу только голос из тьмы.

— Дошел до карниза, сталагмит его! Пытаюсь пройти.

Как-то плохо мне это пока удается... Веревка под моим весом плотно прижата к узкому каменному выступу. Чтобы пропихнуть вверх кулачки, ее надо как-то от него отодрать. А как отдерешь, если мой нос едва достает уровня карниза, и меня, закручивая, периодически бьет о него каской? О карниз, понятно. Для особо смешливых поясняю.

- Ну как?
- Торчу!
- Может, тебе что-нибудь нужно?
- Третью руку.
- Что?
- Руки третьей, говорю, не хватает. А, зараза! И не видно еще ни черта!
- Может, спустишься?
- Еще чего!

Зависаю, затихаю и стараюсь обмозговать положение. Что бы такое предпринять? Вот что значит – недостаток опыта. Раньше мне не приходилось встречаться с такими препятствиями, и нате!

А что если?..

Отыскиваю страховочную веревку, вяжу на ней узел с петлей под ступню. Теперь надо задрать ногу достаточно высоко, чтобы наступить в импровизированную ступеньку. Не так-то это просто! Беру ботинок руками, поднимаю его на необходимую высоту, впихиваю в петлю.

— Только кувырнуться не хватало! — бормочу, отдуваясь.

— Что?

— Ничего. Все в порядке. Сейчас выйду.

Веревочная ступенька зловеще проседает. Да-а. Слишком низко завязал. Вытаскиваю ногу, развязываю зубами затянувшийся, весь в глине, узел. И все это время периодически лязгаю макушкой каски о козырек.

— Не матерись, не психуй, пижон... — вспоминаю я мотив, — Каской долбя скалу...⁸⁷

А ругнуться бы не мешало! Для снятия и поднятия.

Вторая попытка оказывается удачнее. Разгрузив основку, протаскиваю, наконец, кулачки через перегиб. Последние метры проскакиваю на одном дыхании. Махом снимаю кулачки, карабины, привязываю на конец веревки:

— Эва, внизу!

— Эва?

— Держи снарягу!

— Кидай!

Звенит о камни металл.

— Я пошел на связь. Осторожнее там! Пока.

— Давай!

А на часах без пяти минут восемь. Через пять минут связь.

Просто атас.

* * *

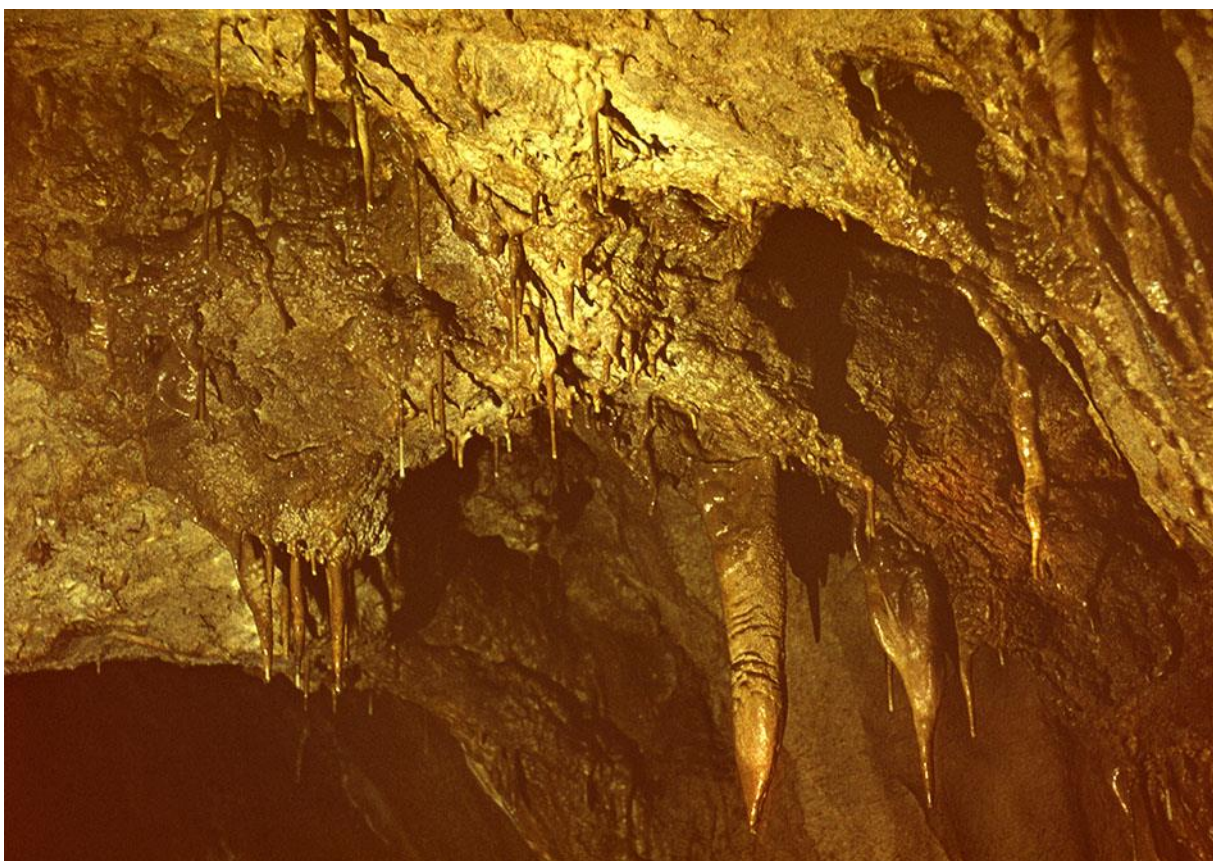
Свет сдохшего «Эмитрона» с трудом пробивается сквозь туман. Какой-то он подозрительно густой сегодня – туман. Ну, ни черта не видать!

⁸⁷ Константин Б.Серафимов, «Сьяновская», Москва, где-то 1974 год.

Со всех ног тороплюсь по коридору. Вот и полукамин над «Слоненком». Ноги гудят и цепляются за камни. Устал я на подъеме. А как там ребята?

Привязываю фонарь к поясу и ногами вперед ныряю в полукамин. Желтый круг света мотается вниз – все-таки лучше, чем ничего. Веревка в глине, рукавицы тоже. Быстро скатываюсь по веревке вниз. Ничего не видно в этом тумане. Чисто интуитивно нахожу знакомые упоры для ног. Нахожу, нахожу... Не нахожу! И в итоге приземляюсь на четвереньки. Здорово встряхнулся!

Становится почему-то ужасно обидно и жалко себя. Но некогда само-обниматься. Пошатываясь, бегу по коридору к Спиральной галерее.

Мой любимый сталактит с ласковым названием «Морковка» длиной около полуметра. Спиральная галерея, август 1976 года.

Здесь туман еще гуще! Да что же это сегодня? Прямо облака какие-то!

Ха! Да не дымком ли это тянет? Во, черти! Натурально наши соседи пещеру задымили своим костром – больше некому. Даже на Нижнем ярусе под колодцем попахивало, да в голову не приходило. Еще была мысль, что веревку пожгли. А здесь и вовсе дымоган. Вот оно, значит, что. Шею бы им намылить, пещерники хреновы!

Скорее! Скатываюсь по осыпи к 4-метровой стенке. С тоской становлюсь на колени и задом вперед подползаю к обрыву. Надо же придумать такую неудобную штуковину... И тут совершенно неожиданно нахожу две отличные зацепки для рук слева, повыше, куда раньше и не заглядывал. Красота! Мигом слезаю до половины стенки, с грохотом спрыгиваю вниз. Быстрее!

Бухаю триконями набегу.

Лагерь... Лихорадочно зажигаю свечу.

Будь она неладна, эта связь! Сколько неудобств придумываем мы себе в этой жизни, сколько само-созданных препятствий мужественно преодолеваем. Сейчас бы посидеть, вытянув ноги, хоть десяток минут. Так нет же – надо бежать, сломя голову, к телефону. Что, если я задержусь на полчаса, мир переломится?

Поддаюсь искушению, сажусь на лавку и несколько секунд наслаждаюсь ярким светом свечи...

Если не умеешь играть по правилам, пусть даже смешным, лучше не браться за игру. Если готов в угоду настроению пересмотреть правила, тобой же недавно принятые, удержишь ли последствия под контролем?.. А если не настроение это, а прозрение? Где грань между глупостью, слабостью и подлостью?

* * *

Отыскиваю в палатке шапочку с наушниками, зажигаю кусок плекса и с факелом бегу к выходу. Грохот стоит под сводами. Вот так эхо! Или это стук крови в ушах?

Факел гаснет. Как мне надоело это полуслепое существование! Почти физически ощущаю давление темноты на глаза. Она густая и вязкая, и я в ней, как муха в киселе.

— Клаустрофобик несчастный, — бормочу я, пробираясь знакомой галерейкой. Впереди брезжит голубоватое сияние, я ныряю под расклиненную глыбу и, наконец, выбираюсь в шахту.

Дневной свет! Впервые за все эти дни!

Облака пара густо поднимаются вверх, скрадывая очертания матово поблескивающих скал. Далеко вверху серая груша неба. Неужели погода испортилась? Было бы жаль.

Наслаждаясь светом, пересекаю снежный бугор и углубляюсь в северо-западный ход. Вот и провод. Плюхаюсь на камень, достаю из-за пазухи шлемофон, подсоединяю контакты. — Эва, наверху! Как слышите? Прием.

В наушниках тишина.

Серое небо над Сумганом – это не признак плохой погоды. Просто из Пропasti поднимается пар. Август, 1976 год.

Смотрю на часы: 20.08. Всего? Вот это я, оказывается, дал. А мне показалось, плелся сюда целый час.

Проверяю контакты.

— Эва, на связи, как слышно?

И тут треск в наушниках:

— Эва! Хр-р-р-р... Конта..... Хр-р-р-р!

— Наверху! - ору в микрофон. — Штеккера в приемнике поправьте!

— ...Пошел бы ты... — прорывается сквозь треск чей-то голос.

Затем в наступившей тишине уже спокойно:

— Пардон. Как слышно?

— Нормально. Что у вас там?

— Да все штеккера поотпаялись. Замучались мы с ними. Как у вас?

— Ребята выходят с нижнего этажа. Пока все хорошо. Как погода?

— Отличная. Небо чистое, только с утра облачка помаячили и все.

— Хорошо, а то снизу не видно. Все серо, пар валит.

— Ну, еще бы! Тут из Сумгана, как из трубы!

Так вот оно что! Славно наши дымокуры постарались...

— Ладно, мне пора к ребятам. Завтра выходим. Время уточним на утренней связи.

— Ни пуха!

— Ни пера... К черту!

* * *

При мысли об обратной дороге к колодцу Вейса становится нехорошо.

В лагере горит свеча, а в палатке – два больших и очень мягких спальника! М-м-м...

Лучше о них не думать.

Роюсь в куче отработанных батарей, выбираю получше на вид и вкус и перезаряжаю «Эмитрон». Фонарь оживает, и я даже немного взбадриваюсь – со светом-то. Вот так можно жить!

За шиворот поднимаю себя с лавочки. Поколебавшись, оставляю в лагере зажженную свечу. У нас есть еще одна, а ребятам будет приятно, когда вернемся из колодца.

Все, хватит сидеть.

Пошел.

Иду.

С удовлетворением использую найденные зацепочки на 4-метровой стенке: с ними она нестрашна. Теперь полукамин-трещина. Все мышцы гудят. С трудом взбираюсь по веревке первые метры, втискиваюсь в трубу. До чего ж хреново без налобника! Ни фига же не видать...

Практически вслепую выбираюсь наверх и бреду к колодцу.

Как там наши? Вот бы подойти, а все уже наверху!

...Из готической щели над колодцем по-прежнему несет холодным ветром. Никого. Да это и понятно. Слишком мало времени прошло, чтобы обольщаться.

— Эва! - в пустоту и мрак.

— Эва! - доносится снизу голос Гелены.

— Как дела?

— Костин поднимается.

— Все в порядке?

— Все. А ты чего так быстро?

— Да вот... Долго ли, умеючи.

* * *

Костин выбирается на площадку и тут же изъявляет желание выходить наверх. Но пора подумать и о Сталактите, отдающем концы от холода далеко внизу. Тем более, что снизу несетя:

— Страховку давайте, а то пасть порву-у-у!

Брыкин не падает духом. А ведь ему сейчас тоскливо одному и последнему!

Пока Серый вылезает, я успеваю изрядно задубеть. В узком горле колодца ветер свищет со страшной силой. Благо, Сталактит развивает около-космическую скорость, и, не останавливаясь, взлетает и на второй уступ. Под карнизом он, наконец, так согрывается, что умудряется проскочить даже его.

Помогаю Брыкину перевалиться через край, и счет в этом матче с колодцев становится два – ноль в нашу пользу. Это уже кое-что.

Кто следующий?

По уму должна бы идти Гелена, но Костин рвется первым, и Геля не возражает. А ведь тоже почти два часа мерзнет на промежуточной полке. Смотрим со Сталактитом друг на друга: и как это мы оба – самые опытные, оказались наверху?

Наученный нашим опытом, Костин шустро преодолевает карниз, и вот нас уже трое.

Идет Гелена. Сталактит сидит на страховке, а мы с Костиным приплясываем вокруг. Холодно.

Подъем, сначала быстрый, вдруг резко замедлился. Подхожу к краю:

- Что там у тебя?
- Закрутило! Все концы переплелись.
- До карниза хоть дошла?
- Нет еще, метра два осталось.
- Ты спокойнее, попробуй раскрутиться.
- Да я пробую. Не видно ничего. Фонарь спекся.

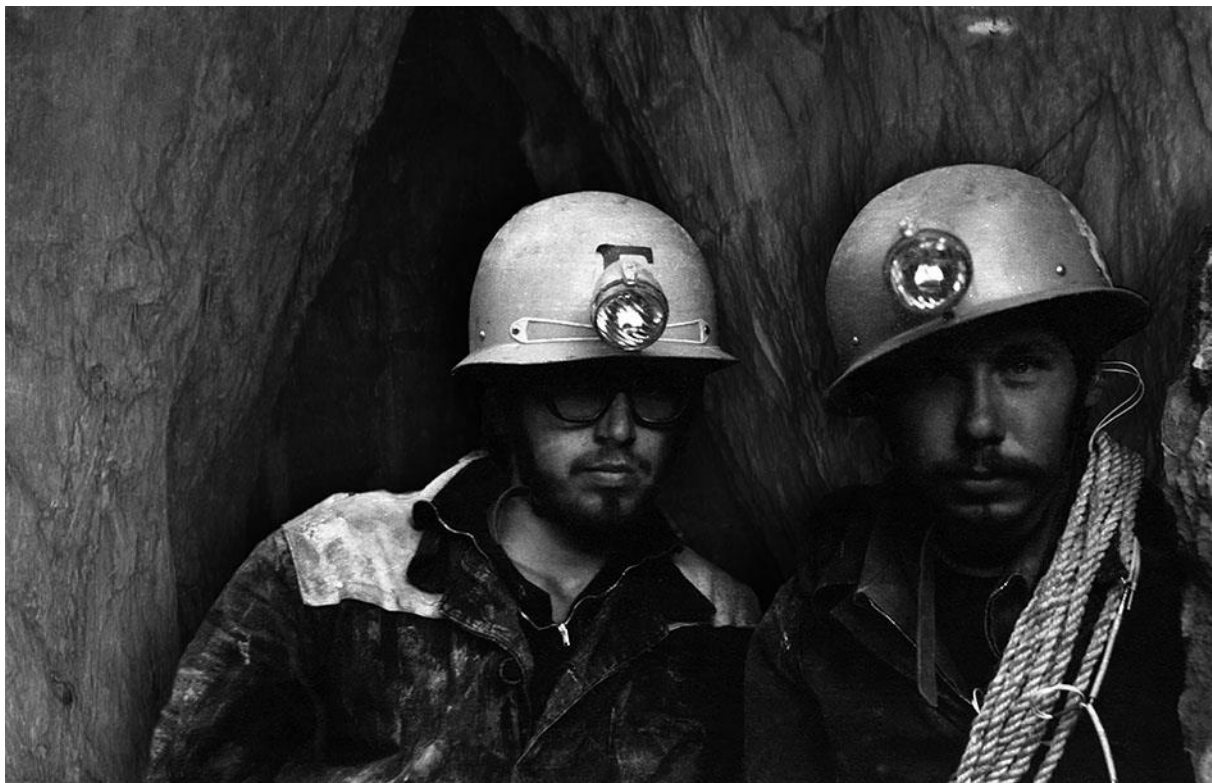
Это хуже. Без света плохо, знаю по своему недавнему опыту. У нас сейчас только Серегина «Украина» радует душу. У Костина догорает смена батарей из моего сломавшегося фонаря, мой «Эмитроша» садит батарейки, только шум стоит. А у Гели еще утренняя смена батарей...

Ну и что будем делать?

* * *

...Уже минут двадцать стоим на грязной площадке подземного перекрестка. Последний огрызок плекса рисует на стенах наши космические тени. Сталактит занят страховкой, а мы ничем не можем помочь Гелене, намертво запутавшейся под карнизом. Напряженно вслушиваемся в ее тяжелое дыхание. В десятый раз проклиная себя за то, что никого из нас нет сейчас внизу. Пустили девчонку последней? Получите!

Ползут минуты, и, как веревки у наших ног, натянуты нервы.

Мы с Серым Сталактитом образца 1975 – 76 года.

* * *

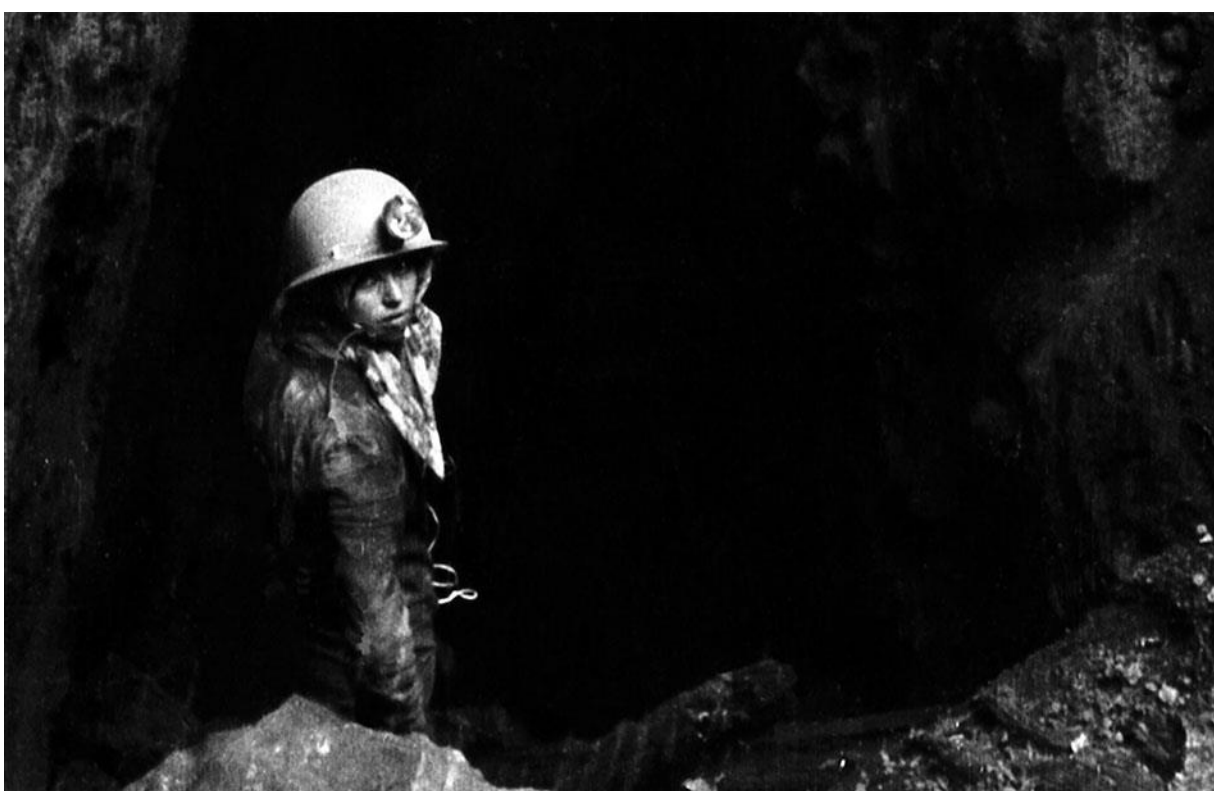
Снова выхожу на край. Как бы не спустить камень! Говорю вниз какую-то успокоительную ерунду. Гелена не сдаётся, по сантиметру выкарабкиваясь наверх из путаницы веревок.

Время 23.00. В конце концов, Гелена добирается до карниза, но у нее уже мало сил и еще меньше света. И ей никак не удастся передвинуть кулачки через проклятый прижим.

Казалось бы что? Почему бы не спуститься, не распутать веревки, не получить от нас Серегину «Украину» и не начать все снова? Ведь десять метров всего!

Да? Десять метров?

Вспомни-ка себя! Спуститься, когда столько сил отдано подъему, а до верха всего-то пустяк? Трудно решиться на такое. Для этого надо иметь хотя бы некоторый опыт. А вот с опытом у нас и напряженка. И мы из последних сил рвемся вверх, к близкому уже завершению подъема, и так ждем этого момента, как в жару мечтаешь о глотке воды.

Гелена

— Эва! Геля! Сейчас мы тебя подтянем на страховке. Постарайся разгрузить основку и передвинуть кулачки через карниз. Поняла?

— Давайте.

Беремся втроем. Крученая веревка тянется, как резиновая, и приходится убеждать себя в том, что ее прочность на разрыв не меньше восьмисот килограммов⁸⁸, и мы, даже всей компанией, просто не в состоянии ее порвать.

Снизу раздаётся полный слез возглас. У Гелены не хватает сил терпеть еще и боль грудной обвязки. Что делать-то?!

— Давай, за основку, — предлагает Костин.

— Пробуем.

⁸⁸ Каково на современный прикид? 800 килограммов на разрыв основной веревки в вертикальной спелеологии!

Беремся за скользкую веревку.

— И-рраз! И-рраз!

Снизу раздаётся довольное восклицание уже без боли в голосе. Видимо, мы вместе с веревкой протащили кулачки через карниз, и если бы не путаница веревок, дело не заняло бы и трех минут. Но попробуй-ка без света разобраться в этой кудели!

— Держишь, Серега?

— Держу.

Секунды, как часы. Руки сводит. Вот почему, оказывается, мне больше нравятся веревки потолще! Хоть ухватиться можно по-человечески...

— Геля, может, тебя вытащить?

— Не надо. Подержите чуть-чуть.

Стучат секунды, наливаются болью спины.

— Давай вытащим?

— Да подождите вы! Если б я хоть что-нибудь видела...

Ползут секунды.

— Ну, что там у тебя?

— Запуталось все!

— Мы тащим?

Пауза.

— Тащите.

— Ну, мужики, все разом... И-рраз!

Веревка растягивается, рвется из рук. Метр, кажись, вытянули.

— Е-ще!

Такое впечатление, что на другом конце веревки, по меньшей мере, слон. Мышцы на спине, того гляди, лопнут.

— Держи, Серега!

— Держу!

Веревка не идет.

— Гелька, ты что там делаешь?

— Вишу.

— Да ты хоть лезь, черт побери!

Уклон стенки над карнизом градусов восемьдесят, да еще крутой перегиб. У нас просто не хватает сил. У меня даже появляется подозрение, что конец основки застрял где-то на дне колодца.

Геля внизу ожила, и веревка дергается в руках.

— Серега?

— Держу!

В голове почему-то пульсирует фраза: «Провис десять метров, провис десять метров, провис...» Почему десять? Бред какой-то. Вдруг вспоминаю, что Сталактит сидит на страховке, а значит, если даже мы с Костиным выпустим струну рапели, падения не будет. Эта мысль придает мне сил.

— И ррраз!

— Е-ще!

Геленина каска маячит в полуметре от края. Видимо, основка все же где-то зацепилась на дне — что ж мы не вытащим ее никак?

— Ребята! Меня прижало основкой к скале! Не могу из-под нее выползти.

Час от часу не легче...

— Сталактит!

— Держу!

— Серега, ослабь основку.

Стравливаем с Костиным полметра. Гелька уже по пояс над краем.

— Держите, мужики!

Бросаю основку и хватаю Гелену за обвязку на спине. Это называется – за шкворник. Намертво. Невзирая на возмущенные возражения.

Все, теперь не уйдет! И не отпускаю до тех пор, пока Гелена, волоча за собой весь спутанный хвост веревок, не отползает на приличное расстояние от края.

Неужели все?

Потихоньку выбираемся на площадку перекрестка. У Гелены совсем не осталось сил. Сомнамбулически сматываем и суем в рюкзак свои веревки.

— Закурить бы?

Сталактит достает из-за пазухи смятую пачку «Беломора», но в ней всего одна папироса. И руки у нас такие, что страшно прикоснуться к заветной бумажной трубочке с табаком.

— А и хрен с ним! — Брыкин засовывает грязную руку за отворот комбинезона и вытирает ее там об относительно чистый свитер. Потом этой уже более чистой рукой достает папиросу из пачки, сует в зубы, достает спичку, чиркает – мы замороженно следим за его манипуляциями – подносит огонек к папиросе, прикуривает. И по пещере разносится волшебный запах беломорного дыма!..

Стоим втроем кружком, и Брыкин поочередно вставляет каждому в зубы беломорину. Курим, и нас колотит крупной дрожью от холода.

— Пошли, ребята, хоть погреемся...

Фонари почти на нуле...

* * *

И вот опять камин. Спускаюсь первым. Как могу, свечу Гелене и подстраховываю снизу спуск.

— Ребята, у меня теперь все в синяках!

Бог с ними, главное вылезли.

Теперь понимаю, почему соседи возвращались вчера такими помятыми. У нас четверых подъем занял добрых 6 часов. Конечно, если бы без неприятных сюрпризов...

Но кто от них застрахован?

Плетемся домой. Вот и лагерь.

А свечка-то еще горит!

* * *

Так. Теперь неплохо было бы приготовить чего-нибудь пожевать. Оставляем Гелену в лагере, а сами идем за водой. В Актовом стоит густой пар вперемешку с дымом.

Водокап в Актовом зале (фото П.Камаева, 2010 год).

Пока наполняется посуда, закуриваем «Яву» из НЗ. Хорошо!

Возвращаемся в лагерь.

В лагере, сидя на лавочке, спит Гелена. Надо быстрее приготовить что-нибудь горячее... Да выбор-то небогат. Спешно разводим примусы, будим Гелену. Нельзя сейчас спать. Можно окончательно замерзнуть.

Всех бьет жестокий озноб.

— Может, я пойду спать в палатку?

— погоди, надо обязательно поесть.

Варим последние рожки пополам с вермишелью. Где тут была булка хлеба? Давайте ее сюда. Завтра перебьемся. И на сладкое горячее какао!

Дело идет к трем часам ночи. Вот так погуляли! Завтра в 9.00 связь.

Гелька уже забралась в спальник, а мы все еще сидим, курим последние сигареты и молчим.

Нет сегодня привычного хохота, не дрожат от него своды пещеры.

Молча смотрим на трепетный язычок пламени свечи.

И плывет перед глазами колодец Вейса...

К СОЛНЦУ!

Готовлю завтрак и прислушиваюсь к звукам пещеры. Парни ушли на связь. Выход наверх решено перенести на двенадцать. В лагере соседей тишина. Или уже ушли, или еще не приходили. Надо бы пойти посмотреть.

Так. Что-то у них слишком толстые палатки... И каски валяются. Неужели спят?

Вокруг палаток в диком беспорядке разбросано снаряжение, штативы, комбинезоны... А это что? Ого! Кажется, даже небольшая надувная лодка. Да-а...

Но если у парней и есть что капитальное, так это их посуда. Котелки и миски поражают размерами. Кружки соперничают с пивными. Странно, что вместо ложек нигде не видно половников!

* * *

Жуем перловку с сухарями. Запиваем какао – последняя банка.

И уже не сидится на месте. Предвыходная лихорадка. У меня она начинается всякий раз перед выходом из любой, даже самой простенькой пещеры. Надо же, как крепко впечатался в подсознание тот мандраж из памятного эпизода, когда мы с Юрой Песоцким заблудились на выходе из подмосковных Сьяновских катакомб в первый же наш поход под землю! Та еще была история...

Кончаем трапезу и начинаем паковать. Свертываем палатку, спальники, упаковываем рюкзаки. Складываем в угол колья – может, кому пригодятся.

Странно, но меня частенько преследует один и тот же сон, в разных вариациях: я собираю и никак не могу собрать многочисленное барахло. Чаще всего это экспедиционное снаряжение, но бывает, и мебель, посуда, игрушки...

Этот мучительный, но не слишком тяжелый сон возвращается ко мне с завидным постоянством.

Может быть, это память о таких вот сборах?

* * *

— Все.

— Присядем на дорожку?

В последний раз садимся на лавочки.

Все. Теперь уже все.

Гасим свечу. Половину Сталактит прячет в карман. Половину оставляем здесь.

Вследидущим.

Надо бы разбудить ребят. Все же в шахте висит наша навеска. Подхожу.

— Эй, люди! Есть кто живой?

Пауза. Затем в левой палатке раздается ворчанье, и сонный голос осведомляется, сколько сейчас времени.

— Одиннадцать часов, — отвечаю.

— Чего?

— Утра.

— Какого?

— Двадцать шестого.

В палатках поднимается неистовая возня.

— Я ему говорил, что семь утра уже, а он говорит: семь часов всего спим!

— Да я думал, это семь вечера было!

Сильны ребята. Проспали двадцать один час и хоть бы хны! Это уметь надо. Мы уже и в колодец сходили, и выпались, и собрались.

Говорю, что мы сейчас начинаем подъем на землю, и ухожу, оставляя их разбираться со своими проблемами. Ребятам еще снимать навеску с колодца Вейса.

А мы берем рюкзаки и бредем к выходу.

Проходим мимо подъема на 4-метровую стенку – нынче мы не к тебе.

Минуем зал Кубиков, проходим мимо Слона.

Вот и готическая арочка в стене зала.

Подъем по сводчатой галерейке.

Подныриваем под прижим потолка, перелезаем через глыбы, проходим по бортикам ванночек на натечном полу, пропихиваемся с рюкзаками под заклиненной поперек хода глыбой и – свет!

Мы на дне входной шахты. Снег на бугре истоптан нашими сапогами и ботинками.

Груз стаскиваем в грот Идола. Здесь все-таки теплее. Не так дует, хоть и капает посередине с потолка.

Здравствуй, Идол, Бог Сумгана!
Или прощай?

Со дна входной Шахты Сумгана
так ослепителен и нереален Свет...

* * *

Итак, первым выходит Костин. Мне это не очень нравится, но Гелена не против. Пусть идет. Оставляем их обвязываться и со Сталактитом идем за остальным грузом.

В последний раз осматриваем место нашей стоянки. Без палатки оно опустело и стало каким-то голым и чужим. Взгляд бежит за лучом фонаря по таким знакомым стенам и камням.

В последний раз бухают под сводами наши шаги.

Мы уходим, так и не привыкнув к этим масштабам...

* * *

Пристегиваем Костина к основке на кулачки. На пояс цепляем рогатку, на всякий случай⁸⁹. После школы Вейсова колодца можно особо не волноваться – выйдет.

Все готово.

— Эва, наверху! Как слышите?

В наушниках потрескивает:

— Нормально. Как у вас?

— Первым идет Костин. Страховка готова?

— Готова, готова.

Смотрю вверх. По голубой груше неба удивительно быстро скользят облака. Иногда они заполняют все отверстие, и тогда в шахте сразу становится сумрачнее и как будто еще холоднее. Но вот опять проглядывает голубизна, и зажигается золотом далекий венчик сходящихся кверху исполинских стен. Где-то там, наверху – солнце.

С опаской перевожу взгляд на знакомые висячие леднички в северо-западном углу. Висят пока, а когда им вздумается упасть?.. Мысленно прослеживаю траектории возможного падения и рикошетирующих осколков. Ба-а! Однако, накроет наш телефонный пункт! Оттягиваем провод с наушниками за поворот хода. Здесь не так уютно, но зато безопасно.

Наши кулачки-самохваты образца того самого лета 1976 года.

⁸⁹ Эта процедура привязывания самохватов-кулачков для подъема на дне каждого очередного колодца, а потом спуск их вниз на страховочной веревке была самой обычной. А рогатку чаще и вовсе не брали на подъем...

Костин готов. Связь в порядке. Даем ему последние напутствия. Только бы не закручивало на подъеме...

На часах 13.00.

— На связи? Первый пошел. Страховка!

Карабин страховочной веревки пристегнут у Костина спереди, и узел при каждом потягивании сверху норовит двинуть ему по физиономии. Серега только молча отворачивается и истово передвигает по веревке кулачки, постепенно выбирая натяжение 70-метровой основки. Надо будет отрегулировать узел, а то неприятно этак-то.

Отходим в нишу Идола. От греха.

— Мягче страховку!

Костин начинает подъем несколько поспешно. Веревка пульсирует, раскачивается. Выхожу из ниши и придерживаю ее конец. Взгляд падает на грязно-зеленую тряпку, привязанную к веревке – так это ж мешок от палатки! Бедняга набит камнями и лежит тут вот уже неделю. Лежит в общем-то бесполезно, потому что веревка растянулась от влажности и наших спусков.

— Мягче! Слабее тяните, черти!

В первый раз Костина закручивает, когда он поднимается метров на двадцать. Медленно, словно нехотя, он начинает поворачиваться вокруг основной веревки. И ничего не поделаешь. Считаю витки: пока четыре.

Костин прекращает подъем и пробует раскрутиться в обратную сторону. Мои попытки помочь ему с бугра ни к чему не приводят. Вот тебе и «мягче»! Видимо, натяжение страховки упало настолько, что основка сработала как все уважающие себя крученые веревки под нагрузкой. Получите и распишитесь.

Серега продолжает подъем, но метров через пять окончательно останавливается, потому что вращение возобновляется. Начинается «пещерный вальс», будь он неладен!

Самое печальное, что Костин умудряется сапогом зацепить телефонный провод и увлечь его в общую карусель. Теперь с минуты на минуту мы останемся без телефонной связи. Хорошо еще, что акустика и мощь наших глоток позволяют сносно перекрикиваться.

Как говорится, дело – табак. Теперь даже сверхнатяжение страховки не заставит Костина раскрутиться. Ему остается только продираться вверх через переплетение веревок над кулачками.

- Надо будет страховку зацепить за спину, – говорит Сталактит. – Угол будет больше.

Слегка нервничаю, хотя ничего особенного пока не происходит. Мы морально давно готовы к тому, что будет вращать. Но сколько времени это у нас отнимет? Костин висит уже минут 40 и медленно, но упорно продвигается вверх. Говорит, что до узла растяжек ему осталось метров 15. Несколько минут назад он просил разрешения на спуск вниз, но мы его отговорили. Что толку-то? Хотя, может, и был бы толк...

Из ниши Идола поднимающегося уже не видно. Помочь мы ему ничем не можем. Поэтому отходим поглубже и достаем махорочку из НЗ. Берегли на послеэкспедиционный банкет, но и сегодня не грех. Сворачиваем козьи ножки, закуриваем.

— Крепка, чертовка!

— Не столь крепка, но ароматна...

Синий дым клубится в полумраке грота. С непривычки даже слегка плывет в голове.

— Свежепавато тут, – говорит Серый.

Любимое словцо Вовчика тут удивительно кстати.

— Еще немного, и начнем танцевать «Мгангу».

— Это что, — говорит Сталактит. — Вот в Вейсовом мы с Костиным заledenели. Там на мостике узко и «Мгангу» не станцуешь...

* * *

Скоро час, как Костин начал подъем. Дело пахнет «рекордом». Как и ожидалось, связь он таки порвал, и здоровенный кусок телефонного провода со свистом шлепается на снежный бугор. И вот теперь сверху пошли камни, с шипением взрывая ноздреватый снег. Похоже, что Серегу начинают вытаскивать на край. Некоторые «подарочки» звонко щелкают по стенам, и мы уходим поглубже в грот. Успеваю заметить плавно опускающийся сверху большой кусок до жути зеленого мха.

На втором часу подъема сверху раздается многоголосый торжествующий вопль: Один - ноль. Смотрю на часы.

— Сколько он вылезал?

— Час десять.

В лучших прошлогодних традициях. Если забыть, что ребята Вовчика поднимались на «бахманах», а мы имеем гораздо более передовую технику.

Да, если так пойдет и дальше, последний из нас рискует увидеть вместо солнца звезды.

Из северных галерей слышатся голоса. Соседи, видимо, тоже готовятся к подъему. А у нас следующий – Сталактит.

Держу хвост основки, внимательно следя за небом над головой. Увидеть падающий камень сложно, но услышать иногда можно вовремя. Серого начинает крутить примерно на той же высоте, что и Костина. Интересно, в чем же там дело? Тоже не уследил за страховкой или некая критическая точка?

Но Сталактит сразу находит выход. Он делает рычаг – далеко в сторону отводит руку с зажатой в ней основкой, и мне удается раскрутить его в исходное положение. Однако борьба с «вертушкой» продолжается. Вижу, что Серый делает отчаянные усилия, чтобы не закрутиться снова. Изо всех сил натягиваю основку. Только бы не свалиться с бугра!

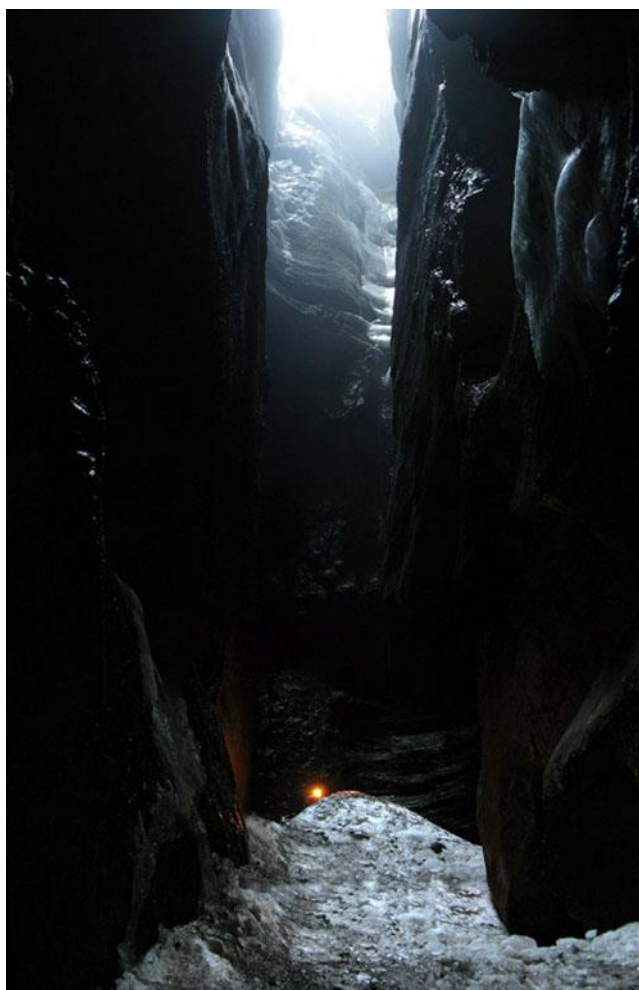
Черт, как же все-таки высоко...

Растяжки ниточки на фоне до безобразия голубого неба. Давно же мы его не видели!

Чувствую, как вздрогнул и натянулся основняк, и бегом бегу в спасительную нишу. Сейчас начнут вытягивать Сталактита на край и посыпать наши головы щебенкой.

Вовремя! За спиной характерный шелест и шипение врезающегося в снег камнепада. Синяком не отделаешься...

Снежный бугор, вид от ходка в южной стене – «под расклиненную глыбу» (реконструкция по фото Djon Smit).

- Ого! - говорит Гелена. — Шустро это он. сколько там?
- Семнадцать минут.
- Вот это другое дело!

* * *

Гелена начинает обвязываться, когда на бугре с огромными рюкзаками появляются ребята Алексан Сергеевича. Это же надо столько барахла!

Ребят пока четверо. Двое ушли в колодец Вейса за снаряжением. Грот Идола постепенно заполняется.

Так. Прищелкиваю карабин страховки Гелене за спину и благословляю ее на подъем. Некоторое время она топчется на месте, выбирая слаbinу веревки, которая здесь, на дне, завивается мелким бесом в бесчисленные скрутки. Кулачки со скрипом скользят по ней вверх.

— Страховка! — ору вверх, натягивая конец основы.

Ребята наверху, видимо, плюют на ладони, потому что Гелену вдруг подтягивает за шиворот, и она с возмущенным вяком зависает в полуметре над бугром.

— Да что они меня, как котенка! — возмущается она.

— Зато в карусель не попадешь! Ты работай, а то так и выдернут... как котенка.

Между делом стреляю у Сани сигаретку. А Гелька и не думает возвращаться. Не спеша, с передышками, она без приключений выбирается ровно за 19 минут.

Неплохо! Более чем.

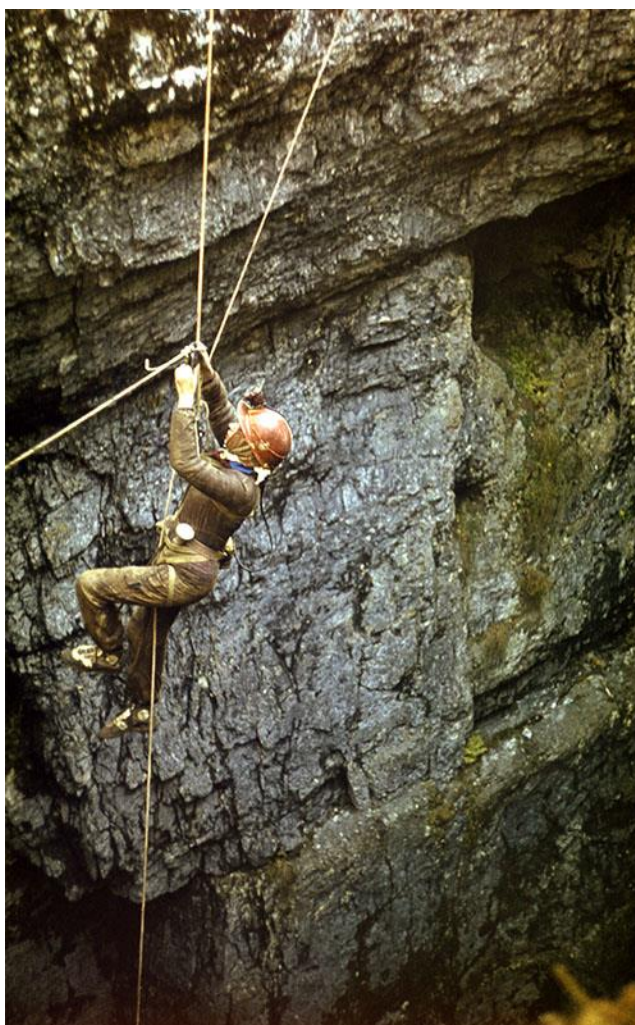
Гелена на самом верху подъема – еще немного, и ее потащат на край за вытяжную веревку, 1976 год.

* * *

Сверху гигантской змеей спускается страховочная веревка. Ташу к бугру первые рюкзаки, цепляю один из них на карабин.

— Пошел!

Рюк уплывает вверх, угрожающе раскачиваясь в такт рывкам и едва не задевая стены шахты. Возвращаюсь к Идолу. В гроте плавают облака дыма. Тянем махорочку и жжем плекс. Что-то задерживаются ребята в колодце Вейса.

После второго рюкзака наши наверху запросили передышки. Работают на совесть, хоть и умудрились утром на полчаса проспять связь. Это нам надо было проспять, после вчерашнего...

Представляю, как Сталактит орал в шахте эти полчаса. Думал, небось, что провод поврежден. Вот он – провод! Валяется под ногами...

А Саня тем временем рассказывает:

— Дело на Кавказе было. Дырочка, вроде, небольшой показалась. Я вниз на рогатке пошел. Иду этак не спеша. Метров через тридцать узкое горло. Посветил – вниз идет колодец. Протиснулся, спустился метров на двадцать – снова горло. Свечу – вниз идет! Дальше протиснулся... В общем, спустился таким макаром метров на семьдесят. Шахта из-за сужений почти не прокрикивается. Кое-как доорался, что все в порядке. Слева, гляжу, метрах в трех – окошечко. Ну, думаю, загляну. Подобрался. За окошком ходок и прямо вниз – щель. Сантиметров так двадцать пять шириной и вся, знаете, в кораллитах.

Саня затягивается махоркой и продолжает вполголоса:

— Сунулся я в эту щель. Дошел до груди, стою на локтях, думаю, как бы получше за веревку ухватиться, я основку-то за собой в ходок затянул. Да тут вдруг, видно, Бог Пещерный меня остановил. Попробуй, говорю себе, для начала отсюда вылезти. Дерг вверх – ни с места! Я ж сначала не разобрал, что эти кораллиты в щели, как акульки зубы, вниз загнуты все до одного. Целый час, наверно, дергался. Кое-как выбрался. Комбинезон в клочья! Повезло, что старый комбинезон был: рвался хорошо, а то б...

Страховка возвращается на бугор. Прицепляю палатку и спальники и возвращаюсь в грот.

Разговор вьется вокруг пещерных приключений. Клубы табачного дыма не редуют. Тусклый дневной свет плохо просачивается сюда, и мы зажигаем последние куски плекса. От их яркого оранжевого пламени становится будто даже теплее.

— Вот у нас король шкуродеров, — Вовка, общительный паренек с трубкой, показывает на невысокого щупловатого парнишку.

Да-а, с такой комплекцией и я бы...

— Он однажды двенадцать часов в одной щели просидел.

— Однако! - с интересом смотрю на «короля».

— Да я туда соскользнул, — улыбается тот. — А там угол торчит. На сужении стен, посерединке. Если грудью наедешь, считай готов, заклинишься намертво. Туда-то я на выдохе проскочил. Внизу, где пошире, развернулся, пошел было наверх, а там «бутылочное горлышко» и ни одной зацепки...

— Мы ему халву на веревочке спустили, — говорит Вовка. — Пока угол не сдолбили...

* * *

Снаряжение уже наверху. Вот и моя очередь уходить наверх, оставлять Сумган. Стараясь не запутаться в гуде телефонного провода, взбираюсь на снежный бугор. Привычно пристегиваюсь к основке, проверяю узлы, муфты карабинов. Главное, это надежно зафиксировать флажки самохватов⁹⁰ – не дай Пещерный Бог, откроются на подъеме.

Почему-то очень волнуюсь перед стартом. Внутри что-то тихонько дрожит. Не стоит на месте: хочется резко ввинтиться в подъем. Чтобы отвлечься, поворачиваюсь к Сане.

⁹⁰ Те наши первые самохваты разбирались на ничем не скрепленные части и соединялись вместе с помощью оси с фиксатором в виде флажка. Если такую ось потерять, все. Интересно теперь: почему не связывали все, как позже?

— Что-то долго нет ваших из Вейсова. Что они там делают?

— Не знаю. Три часа уже как ушли.

Саня посылает на разведку одного из своих. Наверно, конец основки действительно где-то зацепился.

Время идет к 16.00.

— Помогите, мужики.

Вовка пристегивает мне за спину карабин страховки – так меньше вероятности закрутиться, но в случае чего мне самостоятельно ее уже не отстегнуть. Не дотянуться...

Рукавицы? Ну их... засовываю за беседку рядом с карабином рогатки. Потихоньку переступая, выбираю стремянами слабинку основки и только тогда ору вверх:

— Дава-ай!

Ощутимо натягивается страховочная веревка, и я зависаю над снежной площадкой. Все. Больше ни один мой след не впечатается в снег Сумгана.

Но к черту лирику!

— Ребята, натяните хвост⁹¹, — прошу я остающихся внизу и берусь за карабины самохватов, как за ручки.

Интересно, за сколько я выскочу?

Клацают кулачки, и я раскачиваюсь, будто на огромных вертикальных качелях. Веревка проседает на каждом шаге, затем взмываешь вверх, чтобы снова провалиться. Страховка поддает вверх.

«Раз-два, раз-два, — мысленно отсчитываю я ритм, почти вслух повторяя: Раз-два, раз-два...»

Кажется, сдеру-таки руки о металл самохватов. Черт с ними! Главное не останавливаться.

Раз-два, раз-два!

Метров двадцать прохожу на одном дыхании, но на уровне висячих ледничков чувствую, что устал. Шаг падает до минимума.

Вниз не гляжу. Вокруг лишь легкий парок, и медленно плывут вниз чуть туманные голубовато-черные стены. Не замедляя темпа, запрокидываю голову и из-под козырька каски смотрю вверх. Как далеко еще до узла!

Раз-два, раз-два...

* * *

Вот так мы поднимались по веревке в 1976 году.

⁹¹ «Хвост» – конец веревки ниже поднимающегося по ней, спелео-сленг.

...Я раскачиваюсь на гигантских качелях, я сумасшедший паук на капроновой паутинке, я соринка на линзе мощного телескопа...

Я лезу, поднимаюсь к свету и не знаю радоваться ли мне этому.

Как заводной, снова и снова выкидываю иноходью руку и ногу вверх под пульсацию веревки. Сдувая с носа капельки пота, стекающего с мокрого подшлемника, ловлю взглядом фиксаторы осей самохватов. Ось в порядке, веревка тянет меня вверх, и я еще на шаг выше. И снова рука-нога вверх, и одно желание выдержать принятый темп, отстукивающий перезвоном сердца в ушах.

— Эва!

До узла метров пятнадцать. Что-то кричат сверху, но не понимаю, что: шуршит комбинезон, щелкают кулачки, собственное хриплое дыхание заглушает остальные звуки. На мгновение останавливаюсь.

— Что?

— Ну, как дела?

— Нормально!

Стараясь не потерять дыхание, сразу же продолжаю подъем, но, сделав несколько шагов, вдруг замечаю, что страховка плавной дугой провисла чуть ли не на полметра. Вот не хватало под самый занавес схлопотать несколько витков вокруг собственной оси и — как премиальные — еще минут сорок подъема на оставшихся метрах!

Ору не своим голосом:

— Страховка!!! — и с удовлетворением отмечаю, как мгновенно подпрыгивает и натягивается страховочная веревка.

Вот это годится. За сколько же я выскочу?

* * *

До узла растяжек совсем близко. Дышу, как паровоз. И в это время раздаётся голос Гелены:

— Костя, посмотри сюда!

Только этого мне и не хватало!

— Ну посмотри!

Кручу налево головой, цедя сквозь зубы что-то непотребное. Гелька щелкает фотоаппаратом. Вовремя! Хотя, потом, конечно, цены не будет этим снимкам. Но это осознаётся потом. А пока — ну, совсем не до съемки!

Вот он, узелок... Карабин вытяжной веревки звякает о кулачки. Дошел!

Перехватываюсь повыше него:

— Эва! Тяните!

Не спеша, слегка раскачиваясь, плавно приближается серая южная стена.

— Береги руки!

Упираюсь коленями в стену, вниз летят мелкие камешки. Меня проволакивают метра два вдоль стены. Пытаюсь помочь ребятам, подтягиваясь руками за камни, и, наконец, выползаю на Южную площадку — прямо в море тепла, зелени и дивных земных запахов!

Меня оттаскивают от края. Озираюсь вокруг, слабо выпутываясь из стремян и веревок:

— Братцы, солнышко!

В воронке на камне сидит Гелена с фотоаппаратом. Рядом под кустиком Серый Сталактит с блаженной физиономией и красным носом. Неужели и у меня такая рожа?

Снимаю каску, и она со стуком падает на белые камни площадки.

С наслаждением сдираю подшлемник, который не снимал четверо суток.

Тепло-то как!

Лязгаю триконями по камню. Глина, плотно залепившая стальные зубцы, как-то сама собой отваливается. Сумганская глина...

Мой первый выход наверх из Сумгана, 27 августа 1976 года.

Андрюха суров. У Юрки на руках мозоли. Ребята с двенадцати часов тянут лямку. Благо, что страховочная веревка у нас не прошлогодняя: вместо тонкого шнура, 16-миллиметровая крученка – есть за что уцепиться без проблем. А где же наши девочки?

Оглядываюсь. Вот они. Сидят в сторонке под скалой, и... кажется, играют в дурочка? Помогли бы мужикам...

Меня вдруг захлестывает злая волна. С трудом сдерживаю готовое прорваться раздражение.

А впрочем, не до них. Вокруг удивительный мир зелени, голубизны, света!

Мой подъем занял всего 11 минут. Своеобразный рекорд экспедиции.

* * *

Из группы Алексан Сергеича первым вылезает Вовка и сразу же сообщает, что внизу все в порядке.

— Как там в колодце Вейса?

— Навеску сняли. Там конец основки на дне застрял. Так что ребятам пришлось вниз спускаться...

И в этот момент Пропась глухо ухает. Камни под нашими ногами вздрагивают, и отдаленный раскатистый рык выплескивается из жерла шахты в голубое небо, мгновенно превратив радостный мир вокруг в его негативное изображение: замершие фигуры, напряженные лица, распахнутые глаза.

— Ледник!

Глаз автоматически фиксирует даже не дрогнувшие растяжки. Значит, навеску не задело. А тех, что внизу?

— Внизу-у! Что у ва-ас?!

После подъема из Сумгана – в обвязках из багажных брезентовых ремней...

Проходят томительные секунды, за время которых расслабленные было нервы снова сворачиваются в пульсирующий клубок, пока, наконец, из шахты не доносится еле слышный голос:

— Эва-а!

Снизу сообщают, что рухнул ледник во Второй шахте, что внизу все в порядке, и что подъем продолжается.

Облегченно вздыхаем. В этот раз обошлось.

Уходим только тогда, когда на площадку выбирается третий боец из числа Саниной команды. Делимся с ними опытом по вытаскиванию мешков и разбираем рюкзаки. Снимать навеску будем завтра. Оставляя за спиной Южную площадку с работающими на ней парнями, пробираемся в лог. Ребята потихоньку уходят вперед, а мы с Геленой не спеша бредем по тропинке среди ароматного моря высокой, в пояс, травы. Идем и молча радуемся заходящему солнышку, изумрудной зелени, березкам - ослепительно белым сегодня.

Но как все заметно пожелтело! Упоение зеленью проходит, и взгляд начинает различать другие цветовые оттенки.

Да-а, лето кончается. А я только сейчас это замечаю...

Что-то тяжело переставлять горные ботинки по земле. А ведь внизу мы не замечали их громоздкой тяжести.

Сумган остается позади. Там еще работают ребята, вытаскивают свои супермешки. А на земле уже тянет вечерней свежестью.

И мы идем по пояс в зеленой траве, как шрамы, неся глину на своих комбинезонах.

ГЛАЗАМИ МЫСЛЕЙ

За столом шумно. Горят свечи, скользят по лицам багровые отсветы костра.

— За Удачу!

Мы поднимаем крышки от фонарей, кружки. «Аллергический» спирт обжигает. Всяк выпьет, да не всяк крякнет, говорили в старину. От нашего кряка дрожат окрестные леса.

Тянемся за ложками. Что может быть вкуснее гречневой каши с дымком и тушенкой, заправленной невесть откуда взявшимся томатным соусом? Это вам не «Анкл Бенц» рахитный.

— Как на счет еще по единой? — у Костина светятся глаза.

— Давай! — Андрюха выстраивает посуду в ряд.

В ход идет и фляжка водки из НЗ. Сегодня у нас — Банкет. Сегодня мы вышли из Сумгана.

— Костя, давай твою.

— Я, кажется, пасс.

— Чего это ты?

— Да не идет что-то...

Доедаю кашу и выбираюсь из-за стола. Костер дышит теплом, весело потрескивают поленья. Выбираю себе чурбачок, сажусь поближе к огню, лезу за табакеркой. Ночь несет прохладу, и свежесть пробирается под штормовку. Но разве это холод пещеры?

Единственный сохранившийся кадр послеэкспедиционного «банкета» на ферме Сумган, с гитарой Сталактит, Андрюха, Костин с эмблемой стройотряда и Гелена, 1976 год.

За спиной крепнут голоса, булькает «огненная вода». Прислушиваюсь. За что пьют? Нет, не понять.

А мысли упорно бегут назад, в прошлое, почти на год назад, к нашему прошлогоднему банкету.

Все повторяется, но не в точности.

Все кружится, но по спиралям.

Прошел год, и мы снова здесь, и нас, как и тогда – девятеро. И тоже были гречневая каша и спирт, правда, не аллергический. Мы по очереди поднимали заднюю крышечку от 3-батареичного фонаря (тогда-то и родился этот наш обычай) и каждый говорил какой-то свой, в большинстве незамысловатый, но искренний тост.

И все мы были немножко хмельные – не столько от выпитого, сколько от радости, от того неуловимого, что связало тогда нас, ранее совершенно незнакомых, в единое братство. Мы упивались своим единством, о котором никто не говорил вслух. Но оно незримо витало над Сумганом все те немислимо емкие и до обидного короткие дни.

Сегодня – мы вышли из Сумгана: трое из тех девяти и четверо из нынешней девятки. И вместо нас, наверху оставались другие. Они сделали свое дело, и мы им обязаны многим. Почему же, когда думаю о них, у меня не возникает того волшебного чувства – чувства страшющего, что в считанные минуты связывает людей, кому в иной обстановке не сойтись и за годы?

Может быть, потому, что в сегодняшнем застолье так редко слышатся слова о поводе его – о Сумгане?

А может, потому, что нашим, волею случая, вспомогателям сегодняшний банкет просто долгожданная выпивка после многодневного воздержания? Пусть и густо подкрашенная туристской романтикой? Уж очень сильно припахивает наш банкет обычным пикником, просто случайно совпавшим и приуроченным к нашему возвращению из Сумгана.

* * *

Что это со мной? В одну воду нельзя войти дважды...

Счастлив тот, кто в свой звездный миг осознал глубину своего счастья, и его неповторимость.

Ну нет в твоей экспедиции, которую ты пестовал в душе целый год, того замечательного прошлогоднего - и не может быть. Никогда не может быть также. Только хуже или лучше, если сильно повезет.

Да и тогда ведь не все было прекрасно. Ты уже забыл ваши конфликты, ваши сомнения и раздоры? Память мудра, она не задерживает плохого – с таким грузом трудно жить на земле. Все забывается, остается лучшее. Пройдут годы, и эта экспедиция будет рисоваться тебе несбыточным сном. Потому что именно в ней ты впервые сделал шаг за край собственного страха, встав перед ним лицом к лицу. Сегодня ты победил не Пропасть, а самого себя, проиграв эту схватку годом раньше. И выиграв в главном, что-то все-таки потерял. Так что же тут странного?

Ну нет в этой экспедиции того великого братства, что объединяет людей, идущих к единой цели! Ведь так часто бывает, что кончается дело, достигнута или уходит к иным горизонтам цель – и братство растворяется в суете ежедневья.

Было ли оно?

Было.

Тогда.

Но не в этой экспедиции.

Какую цену стоит платить за счастье говорить вместо «я» – «мы»?

И стоит ли платить эту цену?

Где грань между счастливым слиянием, растворением в хмельном напитке единства и безлико уродливой, поглощающей любое «я», гидрой толпы?

У Сумгана на страховке, 1975 год

* * *

Это просто реакция, просто «откат».

Отходняк.

Я понимаю это, но нет сил бороться с собой. Наше время на Сумгане близится к концу. Кто-то уже всей душой стремится обратно в цивилизацию. Кого-то уже никогда не затянешь в подобное дело. Но все, кажется, довольны проведенным временем. Это ли не главное?

Что с того, что одни ползали глиняным червем, а другие развлекались рыбалкой? Что с того, что кто-то держит путь не самой крутой, но более легкой дорогой? Главное чтобы не в натяг. А если и в натяг, то по душевному стремлению. Как говорится: кому поп, кому попадья, а кому и попова дочка.

А все-таки жаль. Жаль, что кто-то так не стал единомышленником. Особенно жаль, если пройден совместный путь и честно поделены его труды, а каждый из нас все же уходит своей дорогой. И мы слышим в обычном «до встречи!» – «прощай», и склоняем голову.

Они приходят, проходят и уходят, твои товарищи.

А ты остаешься с горсткой друзей. Ну и, конечно, девчонок, что завсегда тянутся к мужикам, занятым настоящим, как им кажется, делом.

Что такое дружба? Может быть молчаливое доверие?

Вот так в 1975 году уходили с Сумгана мои новые Друзья на всю оставшуюся жизнь: Вовчик, Боб Крестин, Оля Чухрова и Роза Гареева, с тележкой, навьюченной всеми рюкзаками – как символом Общего Дела и Общей Судьбы (моя реставрация потерянной пленки).

И как-нибудь вечером, через полгода-год, вдруг зазвонит телефон, и:
«Старик? Здорóво! Ну что, вы там никуда не собираетесь?» ...

* * *

...Окурок обжигает пальцы. Ребята шумно устраиваются вокруг костра. Тянут из карманов припасенные на последний день сигареты. Появляется гитара.

— Костя, развесели толпу!

Это Андрюха.

Эх, ребята, неужели в этот удивительный вечер вам хочется заорать под гитару что-нибудь веселяще-пустое? А для доброй, берущей за душу песни вы, похоже, сейчас слишком возбуждены.

Песня сердцец бесценна, но хрупка. И стушует вечный, как звезды, мотив под зычным голосом, в перебив испрошающим чайку, спичек или покрепче закурить.

Но Сталактит берет аккорд:

— Трещат кузнечики в саду...

Спасибо, Серый, это как раз в точку.

... Из жизни в сказку я иду,
И каска набекрень...

Все. Мы возвращаемся из сказки в жизнь.

* * *

Из темноты появляются ребята Алексан Сергеевича, несут гитару. Рассаживаются вокруг костра, тянут к котелку свои «сиротские» кружки. Нормальные мужики. И поют сейчас хорошо: негромко, но дружно:

...Как Прометеи у стены - на крючьях карабины,
В святые мы занесены, почти наполовину...⁹²

Гитара переходит из рук в руки. Потрескивают в огне поленья, и голубоватые смолистые язычки плетут узор по алому фону. Вместе с пламенем костра то затухает, то разгорается разговор.

— Подкинем или подвинемся?

Сталактит, вижу, тоже загрустил. А вот Костин оживлен, улыбается, нашептывает что-то сестренке своей Ланке. К счастью, работы по специальности нашему «Ай-Болиту» нынче не нашлось.

Интересный он парень, Серега Костин. Как-то на второй день под землей, после маршрута, между двумя затяжками «Беломора», вдруг сказал:

— Вылезу, приеду в Москву, куплю себе «Лебединое озеро» и буду слушать целый день...

Знаем ли мы идущих рядом? Через годы могу сказать – нет.

Ребята поют:

...Винигреция, Нирыдания,
До сви Швеция, До сви Дания...⁹³

Сталактит прикуривает от рубинового уголька.

— Хорошо, что ты придержал веревку, — тихо говорит он. — Не избежать бы мне волчка.

— Если бы ты не догадался сделать рычаг, мне б тебя не раскрутить: было бы как у Костина.

— Ему с первого раза по полной программе. Хорошо, хоть в Вейсовом проскочил.

— Зато Гелена...

— Ошиблись мы тогда, — говорит Сталактит. — Поспешили. Надо было у нее фотосумку забрать. И свет оставить нормальный.

— Сумка здоровенная была, это точно. Я еще туда «кирпич» подложил - галечку с реки.

— Да-а...

* * *

Серый берет гитару, а я тихонечко встаю и отхожу от костра. Ночь принимает меня, гладит лицо прохладными пальцами.

Низко-низко висят громадные звезды.

Как тогда...

⁹² Валентин Вихорев, «А мы ночуем в облаке».

⁹³ Александр Дольский «Мир сверху».

Вот и сбылось то, что было задумано в те незабываемые дни, когда мы впервые заглянули в глаза Сумгану. Мы уедем, и скоро придет сюда новая экспедиция. И Боб Крестин будет мерить длинными ногами окрестные лога, а Птерек будет оставаться все также крупнокалиберно спокойным. Вот только первая штурмовая двойка прошлого года штурма: Вовчик с Розалией, в этом году сюда не вернуться. Такие дела. В этом году – нет, но придут потом!

В начале Того сентября над фермой на крыльях ночи невесомо кружили совы.

Свечу наудачу фонарем – сов не видать. Да и ночь, собственно, совсем другая. Пора в избу. Устал я что-то.

Неужели еще сегодня мы были в Пропасти?

Свет в избушке не горит, и ее очертания с трудом видны в темноте. Наощупь пытаюсь найти дверь. Пальцы скользят по прохладным доскам. Вот и ручка. Открываю дверь, делаю шаг вперед и... с размаху бьюсь в бревенчатую стену. Вот же черт!

Некоторое время тупо соображаю. Ну, понятно – дверь оказалась открытой! В итоге я «открыл» ее не в ту сторону и попытался пройти сквозь стену. Ничего не скажешь, хорош!

Как лунатик, вытянув вперед руки, пробираюсь в комнату и забираюсь на нары.

И только тут вспоминаю, что фонарем можно не только на сов светить!

Вот что такое – отходняк.

«И аллергический спирт!» — сказал бы Сталактит.

И был бы прав.

А за окном догорает костер, и тихонечко звенит гитара.

Ферма Сумган, малый домик, 1976 год.

А ВСЕ КОНЧАЕТСЯ...

Нас еще долго будет поражать все многообразие красок окружающего мира. Глаз радуется бриллиантикам росы, резным листикам, солнечным паутинкам. И удивляет залегший по логам, с ночи зацепившийся туман. Как приятно окунуть лицо в теплую воду ручья и долго умываться, отфыркиваясь, роняя капли в его журчащее зеркальце.

Сегодня мы уходим из урочища. А пока мы со Сталактитом готовим заброску. Выносим из дому веревки, телефоны, упаковываем в пленку экспедиционные спальники. Туда же кладем тщательно завернутые в полиэтилен схемы Сумгана. Все это останется здесь для нашей второй экспедиции – Боба Крестина. Когда в списке не остается ни одной пропущенной позиции, перед домом уже висится изрядная куча барахла. Тяжело придется нашим «наследникам»! А еще веревки навески...

У Сумгана расстаемся с ребятами, помогавшими нам со Сталактитом дотащить заброску к Пропасти. Гелена с Костиным и Ланой идут на Сукурай, Андрюха возвращается на ферму, и мы, наконец, остаемся на Южной площадке одни.

Серый отвязывает растяжки, я распутываю узлы на дико перевившейся в нижней части основке. Она еще хранит дыхание Сумгана: веревка холодная и влажная, не по погоде. Отвязываю несчастный мешок от палатки. Без камней он выглядит усталым и грустным. Что, старик, тоже соскучился по солнцу?

Работаем молча, лишь изредка перекидываясь фразами. Шепчутся березки над Сумганом, густо шумят на ветру высокие сосны. Все чаще ложатся под ноги желтые листья. Солнце золотит серо-белые скалы, отвесные стены Пропасти. Печально и неприкаянно висит на одном крюке мемориальная доска на северной стене. Так и не успели мы ее поправить.

Сталактит снял, наконец, свои трикони и теперь шуршит по скалам в сапогах. Развязываем последние узлы и сматываем 100-метровые концы в две огромные связки. Сверху ложатся растяжки, оттяжки, репшнуры.

Сумган без навески сразу суровеет, становится каким-то чужим и холодным.

— Закурить бы, Серый.

— Это точно.

Курева у нас нет, и мы просто садимся на прохладные камни. Солнце уже высоко. За работой незаметно пролетело время.

— Глянем?

В последний раз по очереди подползаем к краю. Держим друг друга за ноги. Смотрим вниз. Как-то не верится, что только вчера мы были еще там, где сейчас на еле видимой глубине белеет снег. Наш «ледник»! Он еще сохраняет наши следы. Потом их занесет свежим снегом, а мы в это время будем далеко-далеко...

Пора прятать снаряжение.

Пора...

Навьючиваемся веревками и осторожно пробираемся по восточному ребру над Пропастью, перелезаем через растопыренные корни упавшей сосны. Площадка, где в

прошлом году стояла палатка Вовчика, в рост заросла травой. Лишь кострище не зарастает. Где-то тут должен быть колодчик. Как бы не слинять...

Сумган без навески сразу становится строже. Мемориальную доску погибшим спелеологам МГУ, висящую на одном шлямбуре, вернули на место через месяц. Август 1976 года.

Но вот трава расступается и открывает небольшое черное отверстие. Это так называемый «холодильник» – собственно, самый верхний этаж Сумгана.

Заглядываем в колодец. Брошенные камешки затихают метрах в десяти ниже. Несколько минут раздумий и топтания вокруг колодца. В итоге решаем просто покидать вниз нашу заброску: тюки мягкие, бьющегося в них нет ничего, а телефон упакован на совесть.

— Ну, поехали!

Кидаю в отверстие связку веревок. Она шуршит по стенкам и плюхается где-то внизу. Вслед летят остальные тюки. Вместе с ними улетает спрятанное под крышку примуса мое письмо Крестину – найдут. Внимательно всматриваемся в чернь колодца. Нет, кажется, ничего не видно. А лазить по таким шклявам, когда рядом Пропась – не солидно.

* * *

Поворачиваемся и, не сговариваясь, идем на Южную площадку – проститься
— Жалко, монетки нету, — говорит Сталактит. — Бросить бы на счастье.

У меня под ногами что-то звенит. Наклоняюсь и поднимаю старый массивный скальный крюк.

— Бросим? Вместо монетки.

— Давай.

Размахиваюсь и швыряю крюк, метя в середину шахты. Секунды полторы он летит в тишине, затем ударяется о противоположную стену, и... вдруг удивительно чистая нота рождается в глубине: крюк поет прощальную песню.

В знак того, что мы еще вернемся.

Взгляд бежит по знакомым стенам, скальным нишам в разноцветных лишайниках, бороздам от веревки на стволе старой березы, по примятой траве, по окуркам и пачке из-под «Феникса», что осталась здесь еще со дня спуска.

Неужели он был когда-то, этот день?

Подбираем и закапываем мусор.

До свидания, Сумган. До новой встречи.

Когда? Мы постараемся, чтобы скорее.

* * *

Уходим, не оглядываясь. Серый шуршит травой впереди, я метрах в пяти сзади. Совсем как в нашей прошлогодней песне:

Сталакиту ему чего, он идет себе с ледорубом.

Я ж плетусь позади него, Бога мать поминая грубо...⁹⁴

Мать я сейчас не трогаю. Мне просто очень грустно, и как-то пусто на душе.

Салютую глазами Каменной Жабе. Тебе будет скучновато без нас?

Хранитель тропы делает непроницаемый вид.

В такт шагам невесть откуда забились вдруг в памяти строчки:

...А все кончается, кончается, кончается,

Едва качаются перрона фонари...⁹⁵

Все уже кончилось. Но мы еще тут. Еще можно повернуть назад, и через несколько минут увидеть все то, что стало так дорого...

Но мы не вернемся, не замедлим шагов, даже не оглянемся. Потому что прожит еще один небольшой, но очень важный кусочек жизни. Прожит до конца.

И еще потому, что по Судьбе дороги ведут только в одну сторону.

Экспедиция, которой ты жил этот год, окончена. Чаша выпита до дна. Прошлое в прошлом, настоящее шуршит под ногами травой, вместе с тропой убегая назад, а будущее... его пока нет.

Время как бы остановилось, когда ты вышел из Сумгана.

...Мы по любимым разбредемся и по улицам,

Наденем фраки и закружимся в судьбе...

Оно снова сдвинется через несколько дней, и все, чем мы жили еще недавно, отдастся, отсеченное перестуком колес увозящих нас поездов, трамваев, шелестом автомобилей, шарканьем ног.

Все отдастся и приблизится. Ибо только из будущего можно рассмотреть прошлое в упор. И понять...

Из будущего, когда оно станет настоящим.

⁹⁴ Константин Серафимов, «Сумганская», 1975 год.

⁹⁵ Валерий Канер, «А все кончается», 1968 год.

Где-то там – множество людей, до дикости чужих и безучастных друг другу, живут рядом: это называется Город. И мы с Серым тоже скоро будем обходить лужи на асфальте, бегать по магазинам, зажигать газ, курить «Яву» и завязывать, вместо булиня, бантик. Такова жизнь.

Будем, будем...

Значит, будущее все же есть. Просто оно притаилось, загороженное настоящим, болью по недавнему прошлому.

Просто очень грустно уходить из полюбившихся мест.

Почему мы так часто вынуждены делать это?

Мы уходим из дорогих сердцу пределов, чтобы вернуться в иные, милые душе.

А затем покидаем и их.

И всю жизнь мы уходим, куда-то приходя, что-то ищем, мимоходом обретая или утрачивая. Незаметно теряя товарищей и теряясь сами. И если к следующей экспедиции из нашей девятки останется четверо, значит, повезло. А сколько останется из нашей тройки?

Сталактит идет впереди размеренно и как-то непреклонно.

Еще бы пару парней таких, как Серый...

ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

Рюкзаки собраны. Сидим на солнышке, молча покуриваем. Мы опять затягиваем с выходом, но теперь мне на это наплевать.

Ведь мы уходим отсюда, уходим, вы понимаете это?
А вернемся ли?

Сегодня утром ушел с ребятами Алексан Сергеевич. Быстро собрались, быстро ушли.

Вещи из избушки вынесены, на стенах сиротливо краснеют кисточки рябины. За печкой аккуратно сложены подсевшие батарейки, может, кому пригодятся. На нарах пусто, полы выметены. Надо бы еще спуститься к ручью...

Но вот все собрано. Присаживаемся на дорожку.

— Пошли, что ли?

— Поехали!

Рюкзак привычно ложится на спину, подъем гудит в застоявшихся ногах.

На вершине холма оборачиваемся. Внизу – игрушечно разбросанные по изумрудной зелени домики фермы.

Ты будешь снится нам, удивительный край!

Дорога бежит меж карстовых воронок. Она высохла, потрескалась. Давно не было дождей.

Тяжело нести грусть в рюкзаке. Дорога лечит ее и порождает снова.

Идти легко. Даже умудряемся перекидываться немудрящими фразами. За разговором скрадывается тяжесть подъема. Впереди ночевка на Ташильгане.

* * *

К Ташильгану подходим в темноте. У нас теперь не хватает четырех спальных мест – мешки оставлены в заброске у Сумгана. Так что теплый ночлег нам очень кстати.

В печке гудит огонь, в домике тепло, пахнет сухим сеном.

Ужинаем.

Разливаем по кружкам кисель и выходим наружу. Пока кружки остывают, ежась от холода, прикуриваем друг у друга.

— Прохладно, однако!

— Ага, — Костин озаряется красноватым светом затяжки. — В Сумгане и то лучше было.

— Ты лучше расскажи, как провод телефонный оборвал?

— Да что рассказывать? Сначала-то, когда немного закрутило, ничего, а потом словил кайф. И крутит, как на центрифуге, и напуталось на веревке, хрен продерешься! Ребята меня на страховке подтягивали, впятером. Подтянут закрепят, а я кулачки – никак! Под самым верхом опять начал выскребаться, они бы меня не вытащили. А как на край вылез, тут они снова потянули. Обрадовались! Все руки ободрал, как на кулачках были... А провод что – я его нечаянно ногой зацепил. До кучи...

Сталактит усмехается:

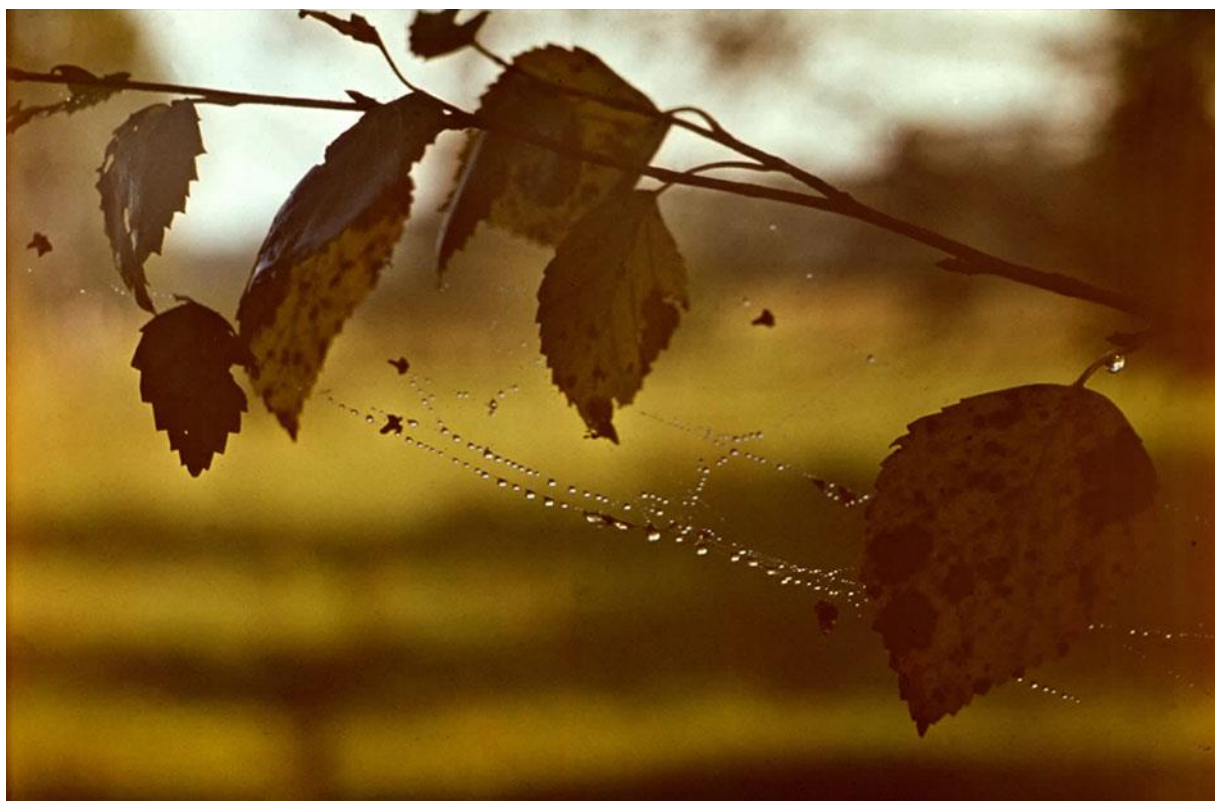
— Бывает.

Тянем остывший кисель и по одному возвращаемся в избу.

Хорошо все-таки, когда дома тепло и просторно.

А раны болят по ночам...

* * *

Утро встречает нас инеем. Заморозки!

Первые заморозки. Все вокруг седое. Даже чертополох сверкает в росяном уборе. Все искрится. Солнце еще не взошло, и по логам стоит ватный туман.

Но вот из-за дальних хребтов прямо на глазах выползает солнце. Бегаю вокруг дома с фотоаппаратом и все не решаюсь ничего сфотографировать. То не входит, это мало что говорит, хотя все вокруг сказочно красочно и красиво.⁹⁶ Вот бы унести с собой на маленьких прямоугольниках пленки весь этот край: округлые холмы, туманные лога, росу на листиках, березы среди стогов и стога среди березок!

Пока Андрюха рубит дрова, развожу в печке огонь. От котелков идет пар. Вода в Ташильгане, как лед, не то, что в Сумганском ручье. Чувствуется, что только что из-под земли водичка!

Котелки закипают, а народ только еще потягивается. Утренняя потягуха. А потом будем спешить, форсировать темп, надрываться. И Гелена опять неважно себя чувствует. Спадает нервное напряжение подземных дней, и из человека начинают выпирать простуды и прочие болячки. Знакомое дело.

Укладываю свой рюкзак и выхожу из избы.

— Третьим будешь? — это Костин.

Сталактит уже тут. Берем по сигарете из Серегиной пачки.

* * *

— Может быть, я пойду потихоньку? — Гелене явно не по себе. — Догоните.

— Ты как?

— Ничего. Разойдусь.

— Давай.

Гелька одевает свой рюкзачок – вчера мы заставили ее отдать половину груза – и медленно поднимается по дороге к лесу. Ее высокая тоненькая фигурка становится все меньше. Хорошо, что мы разгрузили ее рюкзак.

А солнце заливает золотом Ташильганскую долину.

* * *

Бросаю дымящийся фильтр. Закидываю за спину рюкзак. Он у меня опять «в форме». Думал, хоть назад пойду легче... Хорошо, хоть лямки не поленился подтянуть.

— Эва, Серый! Догоняйте.

Беру ледоруб и быстро иду к лесу. На опушке все-таки оглядываюсь. Долина Ташильгана совсем такая же, что и год назад, что двумя неделями раньше: круглая сопка, уставленная стогами, игрушечные домишки под ней, кущи кустов и деревьев по воронкам и дальняя синева Яман-Тау, довлеющая над пейзажем – распахнутый взгляду, зовущий, немного загадочный мир.

Дорога подсохла. Нет уже вязкой, всхлипывающей при каждом шаге грязи по коленным. Иду быстро. Сапоги ритмично топают по пятнам солнца и тени, ветки с шелестом хлещут по штормовке и рюкзаку. Поворот следует за поворотом, а Гелены все нет. Иду уже больше четверти часа, и как иду! Пот начинает заливать щеки, скоро появится липучая мухота и начнет лезть в уши...

Но мухота почему-то не появляется. Гелька тоже.

⁹⁶ Да-а... Вот бы тогда цифровой фотик с карточкой на N джигабайт...

Достаю ее только минут через двадцать. И хоть темп мой резко падает, все же идти вдвоем много приятней.

А погода хороша! Дорога выбегает на поляны, снова ныряет в перелески. Иду и узнаю знакомые места. Вот березовая поляна, где мы жарили шашлык, а потом на нас выскочил заяц-рецидивист. А вот из этой глиняной лужи я пытался добыть хоть стакан чистой воды, процеживая ее через собственную майку. Когда-нибудь, моя посуда на кухне или стряхивая пепел на клумбу, я вспомню вас и снова удивлюсь, что я тут, а вы – за тысячи километров, и все равно существуете, живете своей незаметной жизнью, храните, быть может, мои следы.

* * *

Долина ручья Ташильган с одноименной фермой всего через год, осень 1977 года.

Интересная штука: после нескольких километров с хорошим рюкзаком ноги начинают чувствовать малейшие изменения крутизны дороги. Еще не успеваешь глазами заметить и осознать, почему вдруг стало легче идти, а ноги уже радуются, поют ликующую песню: «Легче, легче, легче!»

Как-то незаметно скатываемся в Мышиную падь.

— Привал!

Скидываем рюкзаки на бревно. Сколько оно еще будет лежать здесь у обочины, никому ничего не говоря, кроме меня? А может быть, и другим путникам оставляя якорек воспоминаний?

Я уйду, а бревно остается.

Я уйду, унося в памяти эти секунды, минуты, часы...

Или... оставляю на дороге крохотные частички самого себя?

* * *

А дорога все бежит и бежит по лугам и пригоркам. И уплывают назад кусты черемухи по обочинам, а с каждой новой высоты открываются новые горизонты.

И уже позже, засыпая в тряском Нугушском автобусе или лоя в окне отстающие от поезда пейзажи, вдруг поймешь, как прозреешь.

И станет ясно – ясно, как звонким осенним утром, что вот и еще одна Дорога подошла к концу.

Но вдали уже маячат новые дороги.

И зовут, и манят, и тянут с собой за горизонт.

Эта сосна когда-то была
символом фермы Сумган...

Константин Б.Серафимов

апрель 1977
Москва

январь 1994
Усть-Каменогорск

февраль 2011 – декабрь 2014 года
Хайфа